

УРАЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР "РУССКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ"
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР "БЕЛАЯ РОССИЯ"

БЕЛАЯ АРМИЯ БЕЛОЕ ДЕЛО

**Исторический
научно-популярный
АЛЬМАНАХ**

№2

ЕКАТЕРИНБУРГ

1996

УРАЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР “РУССКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ”
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР “БЕЛАЯ РОССИЯ”

И.Ф. ПЛОТНИКОВ

**АЛЕКСАНДР
ВАСИЛЬЕВИЧ
КОЛЧАК**

**жизнь и деятельность
(биография, документы,
материалы, комментарии,
приложения с иллюстрациями)**

№2

ЕКАТЕРИНБУРГ

1996

Н.Ф. Плотников “Александр Васильевич Колчак”

Монография выходит в 5 выпусках альманаха: 1-я и 3-я части - отдельными выпусками (2-м и 6-м), а 2-я, наиболее емкая - в трех (3-й, 4-й, 5-й). Нумерация дается двойная: в каждом выпуске и особая, отдельная (в скобках) - общая для всей монографии. Это делает удобным обращение к комментариям и приложениям, включенными в последний, 6-й выпуск.

Научный редактор альманаха
ДМИТРИЕВ Н.И.

ISBN 5-87112-009-1
5-87112-011-3

ОТ РЕДАКЦИИ

Труд уральского историка И.Ф. Плотникова “Александр Васильевич Колчак” является первым монографическим и одновременно археографическим изданием о выдающемся флотоводце, полярном путешественнике, ученом и политическом деятеле нашего Отечества.

Гражданская война выдвинула А.В. Колчака на вершину антибольшевистского белого движения. Он стал Верховным правителем России и Верховным Главнокомандующим сухопутных и Морских Сил, признанным всеми другими вождями белого движения.

В силу исторического обстоятельства попытка сбросить большевистскую диктатуру оказалась обреченной. Трагически оборвалась жизнь великого российского патриота: он без суда, по тайному распоряжению большевистских вождей, как и полтора годами раньше царская семья, был расстрелян.

Жизнь и деятельность А.В. Колчака освещена в научно-популярном биографическом очерке, в многочисленных документах, материалах, примечаниях и комментариях. Автор выясняет и уточняет множество ранее неизвестных или запутанных, а то и фальсифицированных страниц жизни и судьбы Колчака, объективно, документированно освещает их. Читатель получает возможность узнать правду о личности Александра Васи-

льевича Колчака, его подлинной исторической роли в контексте событий, происходивших в России.

Восприятию разносторонней деятельности, различных эпизодов из жизни, окружении Колчака поможет обширный иллюстрированный материал.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК (опыт биографии)

**Возмужание. Арктика. Войны. Флотоводец.
Герой и патриот России.
Революция. Зарубежье.**

I. А.В. КОЛЧАК - ФИГУРА ИСТОРИЧЕСКАЯ, МАСШТАБНАЯ

Верховный правитель России Колчак...

На протяжении десятилетий это словосочетание воспринималось, с одной стороны, потерпевшими поражение в гражданской войне участниками “белого дела” с глубоким уважением, во всяком случае - пониманием; с другой стороны, большевиками, красными, да и многими советскими людьми, воспитывавшимися на марксистско-ленинских принципах классовой нетерпимости, - с ненавистью или с резкой неприязнью. Поскольку белое движение, которое представлял и длительное время возглавлял Колчак, было разгромлено красными, а он сам погиб, как бы логически разделив трагическую судьбу движения, возникла почва и для иронии, для пресловутой частушки: “Мундир английский, погон французский, табак японский, правитель омский...”.

Эта полярность оценок господствовала в научно-исторической, в художественной литературе, в искусстве.

Обывателю титул, звание, должность “Верховный правитель” мало о чем говорили и говорят. А между тем этот, скажем так, - высокий должностной титул - интересен и сам по себе. Он пришел из глубин российской истории, был вполне понятным когда-то, как наивысший и почитаемый. Не случайно глубокий знаток языка, фольклора и истории России В.И. Даль, трактуя слово “верховный”, непременно связывал его с понятием о власти. “Верховный”, - читаем мы в его “Толковом словаре живого великорусского языка”, - высший, высочайший, первенствующий по сану, власти, званию, значению, по праву, “верховность...” состояние или свойство верховной власти”. В пояснении значения “верховный” Даль отмечал: “Верховный правитель, Государь”.

И на самом деле, в истории Российского государства выдвигались лица, являвшиеся официально или неофициально верховными правителями его: царевна Софья Алексеевна, светлейший князь А.Д. Меншиков и др. В условиях разгула гражданской войны, повсеместного многовластия усиливалась, вновь привлекательной становилась идея Верховного правителя.

Когда 18 ноября 1918 г. Омское правительство, претендовавшее на роль всероссийского, провозгласило А.В. Колчака Верховным правителем, оно руководствовалось и политическими целями, и российскими традициями. Верховенство власти Колчака в дальнейшем было признано всеми белыми правительствами России. Следовательно, Колчак олицетворял высшую государственную власть в стране уже за пределами ее монархического этапа развития. В этом смысле его положение было уникальным в истории России. И уже поэтому, даже отвлече-

какая от других, более ранних этапов биографии Колчака, мы можем констатировать, что речь идет о выдающейся личности, занимавшей исключительное место в истории России. Не случайно ныне к личности Колчака приковываются взоры все большего числа историков, краеведов, публицистов, писателей - всех тех, кто интересуется историей нашей великой и многострадальной страны.

Однако и до настоящего времени возможности узнать какие-то подробности о Колчаке очень ограничены. Расширяются они пока медленно. В публикациях о Колчаке последних лет в отечественной литературе сделан заметный шаг к пересмотру советских оценок его деятельности и роли. Одни авторы делают это робко, едва выходя за рамки прежней характеристики, другие - более существенно, третьи - проявляют склонность писать о Колчаке только в позитивных тонах.

Несколько расширившийся за последнее время доступ к документам, к так называемым "спецфондам" библиотек, к эмигрантской и зарубежной литературе позволяет исследователям, публицистам, писателям обстоятельнее, а главное - разностороннее познакомиться с жизненным путем Колчака. Научно-объективному освещению его роли, разумеется, в огромной степени способствуют переоценка ценностей эпохи гражданской войны, публикация ранее совершенно неизвестных документов о деятельности В.И. Ленина, Я.М. Свердлова, Л.Д. Троцкого, Ф.Э. Дзержинского и других руководителей партии большевиков, Советского правительства, Красной Армии, об их решениях и действиях, высвечивающих их кровавые, целенаправленно совершавшиеся преступления перед народом. И, конечно же, впервые за семидесятипятилетнюю советскую историю, в условиях гласности, появилась возможность говорить читателю правду.

Автор этих строк, как историк, занимаясь проблематикой гражданской войны, подпольной работы коммунистов, других политических сил, партизанским движением на Урале и в Сибири, в оценках деятельности А.В. Колчака отдал дань тогдашним незыблемым установкам, официальной - ленинской концепции. Об этом приходится сожалеть.

Александр Васильевич Колчак - яркая личность и чисто русское явление. Он - выдающийся сын России и, надо надеяться, что таким, наконец, предстанет в глазах своих соотечественников-потомков.

2. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.В. КОЛЧАКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Прежде, чем приступить непосредственно к биографическому очерку о А.В. Колчаке, хотелось бы сделать хотя бы краткий обзор исторических произведений, опубликованных источников, с которыми читатели могут познакомиться, и сами выработать свою точку зрения в отношении героя этой книги.

Имя А.В. Колчака за десятилетия многотысячным эхом отозвалось в научной и художественной литературе, публицистике. Практически невозможно встретить работу, посвященную истории гражданской войны в России, тем более - в Сибири, в которой бы не говорилось о Колчаке. Но, как мы уже отмечали, в советской литературе о нем всегда было принято говорить в негативном плане, в продолжение нормативной коммунистической легенды о "кровавом Колчаке", "закоренелом монархисте" и т.д. Это одно. Другое обстоятельство сводится к тому, что советские авторы, говоря о Колчаке, редко выходили за рамки лишь

оценок его деятельности; сам он как историческая личность внимания не привлекал. До настоящего времени в стране не создано еще научной монографии о всей его жизни и деятельности, хотя и появились научно-популярные работы*. Собственно, прежде издание такой биографической работы, хотя бы отчасти объективной, было нѣмыслимо. Таковую попытку сочли бы антисоветской вылазкой в науке. Иные возможности были в зарубежье, у иностранных авторов и эмигрировавших из России наших соотечественников. Там появлялись книги и другие труды, посвященные А.В. Колчаку. Но, во-первых, они до последнего времени русскому читателю были недоступны, лишь немногие из них представлены в библиотеках, в незакрытых фондах; во-вторых, и там, за границей, таких работ было сравнительно немного. Известно, что научной биографии Колчака не создано также и за рубежом. Остается надеяться: в изменившихся условиях, при объективном подходе к нашему прошлому, о деятельности А.В. Колчака в период гражданской войны и в более ранние периоды будет создана обширная литература, появятся биографические труды. Некоторые признаки продвижения к такому этапу нашей историографии появляются.

Уже сейчас читатель имеет возможность познакомиться с жизнью и деятельностью А.В. Колчака, особенно в связи с переводом в общие фонды зарубежных изданий, включая белоэмигрантские. Обратим внимание читателя на те научно-исследовательские, популярные и мемуарные издания, которые полностью или в значительной мере посвящены А.В. Колчаку. Во второй половине 20-х годов - начале 30-х годов вышло две таких работы о Колчаке. Это брошюра А.П. Платонова "Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак"*** и специальная монография С.П. Мельгунова¹ "Трагедия адмирала Колчака"****

Несмотря на то, что Платонов, сам служивший в составе Черноморского флота, участник революции, противник Колчака, старается принизить его роль, как командующего, все же он приводит ценные, объективные, порой нигде не встречающиеся данные. Они позволяют полнее и конкретнее представить роль Колчака в качестве командующего Черноморским флотом, его решительную борьбу за сохранение боеспособности кораблей, против большевизма и анархии. Трехтомная же монография виднейшего русского историка Мельгунова до сих пор остается крупнейшим исследованием о Колчаке, как Верховном правителе России, политическом, военном деятеле и личности. На мой взгляд, основные оценки успехов и неудач Колчака Мельгуновым даны правильно. Мельгунов расходится с теми, кто с приходом к власти Колчака его восхвалял, а после поражений сплошь да рядом огульно хулил, даже не пытаясь объективно проанализировать его деятельность. Труд этого историка не потерял своего значения и сегодня.

Другие материалы и оценки мы находим в монографии виднейшего русского историка и политического деятеля П.Н. Милюкова² "Россия на перепутье"****.

* При жизни А.В. Колчака появилось лишь несколько малостраничных брошюр: Ауслендер С.А. Адмирал Колчак. (Омск. 1919); Б.И.Ч. Адмирал Колчак. Ростов-на-Дону. 1919; Ольгин И. Верховный правитель России А.В. Колчак. (Харьков). 1919.

** Платонов А.П. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925.

*** Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Белгород, 1930, т.1; 1931, т.2; т.3.

**** Милюков П. Россия на перепутье. Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т.2. Антибольшевистское движение.

Следует назвать и особо выделить первую, и в сущности, до настоящего времени единственную биографическую работу, книгу М.И. Смирнова³ “Адмирал Александр Васильевич Колчак”*. Она носит преимущественно мемуарный и лишь отчасти исследовательский характер, т.е. не вполне вписывается в историографию. Смирнов учился в том же Морском кадетском корпусе, что и Колчак, лишь несколькими классами младше, знал его в молодости, а потом на протяжении многих лет служил вместе с ним в Балтийском и Черноморском флотах. С лета 1917 г. Смирнов был в составе российской правительственной военноморской миссии, возглавляемой Колчаком и посланной в США, входил в качестве морского министра в колчаковское Всероссийское правительство, был личным другом адмирала. Очевидно, в силу последнего обстоятельства контр-адмирал М.И. Смирнов выступает с позиций апологетики. Он не нашел нужным объективно оценить деятельность, политику А.В. Колчака как Верховного правителя.

О дооктябрьском периоде военной деятельности Колчака немало работ посвятили другие его сподвижники и бывшие моряки, оказавшиеся в вынужденной эмиграции**.

Ценный вклад в науку внесен сыном адмирала - Р.А. Колчаком⁴. Он на протяжении ряда лет, в условиях зарубежья, когда в огне гражданской войны были безвозвратно утрачены семейные архивы Колчаков, создал труд об их родословной***. Знакомство с публикацией Ростислава Колчака позволяет проследить связь старшей ветви Колчаков в нескольких поколениях с военным флотом, их большие заслуги перед Российской империей и ее народами.

Некоторые этапы жизни и деятельности А.В. Колчака - гидрографические, полярные исследования, участие в русско-японской войне, в восстановлении и реформировании русского флота, событиях 1917 года - хорошо прослеживаются по его собственным произведениям****. Речь идет об отчетах о деятельности во время полярных экспедиций в начале 900-х годов, научных трудах, дневни-

* Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. Тогда же им опубликована статья: Смирнов М.И. Памяти адмирала А.В. Колчака // Морской журнал. Прага. 1930. №1(25).

** Лукин А.П. Адмирал Колчак (к 10-й годовщине его трагической гибели) // Последние новости. Ежедневная газета под редакцией П.Н. Милюкова. Париж. 1930. 11,21 февраля; он же. Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции. В 2-х тт. Изд. журнала “Иллюстрированная Россия” /б/м и б/г/; из.; Стахович М.С. Полярная экспедиция лейтенанта А.В. Колчака в 1903 г. Прага. 1933; Фомин Н.Г. Георгиевский крест адмирала А.В. Колчака // Морские записки. Нью-Йорк. 1949. т.УП, №1; Хорошавин А. Адмирал А.В. Колчак // Морские записки. Нью-Йорк. 1951. т.IX, и др.

*** Колчак Р. Адмирал Колчак. Его род и семья // Военно-исторический вестник (Париж), 1959. №№ 13,14; 1960, № 16.

**** Колчак А.В. Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произведенные на крейсерах “Рюрик” и “Крейсер” с мая 1897 г. по март 1898 // Записки по гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением. СПб. 1899. Вып. XX; Отчеты о работах Русской Полярной экспедиции, находящейся под начальством барона Толля, в том числе “Отчет лейтенанта А.В. Колчака о гидрологических работах, произведенных в навигацию 1900 года” // Известия Императорской Академии наук, СПб., 1901. Ноябрь, Т.XV, № 4; он же. Предварительный отчет начальника экспедиции на Землю Беннетт по оказанию помощи барону Толлю // Известия Императорской Академии наук. СПб. 1904. Т.XX, № 5; он же. Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля // Известия Императорского русского Географического общества. СПб. 1906. Т.XII. Вып. II-III. он же. Лед Карского и Сибирского морей // Записки Императорской Академии наук. По физико-математическому отделению. СПб. 1909., Т.XXVI. Серия VIII. № 1; он же. Служба Генерального штаба: сообщения на дополнительном курсе Военно-Морского отдела Николаевской морской академии. СПб. 1912; он же. Дневник лейтенанта А.В. Колчака // Советские архивы. 1990. № 5; он же. Сообщение в офицерском союзе Черноморского флота и собрании делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе // Звезда. 1994. № 4.

ке, который Колчак непродолжительное время вел в Порт-Артуре во время сражений за крепость в декабре 1904 г., одном из докладов перед черноморскими моряками и рабочими весной 1917 г., а также о единственной автобиографии, многочисленных документах, особенно широко отразивших его заключительный этап жизни и деятельности.

В последние полтора десятилетия, на рубеже Перестройки, в ходе нее и особенно в последние годы в советской (затем российской) и зарубежной историографии по нарастающей формируется раздел литературы о А.В. Колчаке. Следует указать на монографию Г.З. Иоффе "Колчаковская авантюра и ее крах"*. Хотя автор и отдает дань традиционным советским оценкам, характеризует Колчака и его дело в целом отрицательно, он все же прослеживает его поступки и действия перед занятием поста Верховного правителя и после того, и в значительной мере, отводит бытующую версию о полной зависимости этого деятеля от правительств западных стран. Свежестью и достоверностью повеяло от многочисленных публикаций о Колчаке последних лет. Большим явлением стали книги В. Краснова "Огонь и пепел" и К.А. Богданова "Адмирал Колчак"**. В них в научно-публицистическом плане также освещается заключительный этап деятельности Колчака, но уделяется внимание и ранним этапам его жизни. Некоторые данные, извлеченные из архивных фондов, являются неизвестными прежде читателю. Отдается дань его талантам как военного моряка и полярного исследователя. Вместе с тем, наблюдается заметное следование советской историографической традиции возложения равной, а то и большей вины за гражданскую войну, ее жестокий характер на белое движение, его вождей, лично Колчака, нежели на большевиков. Невозможно согласиться с утверждением В. Краснова, будто Колчак был реакционером и с "фанатичным упорством, силой стремился вернуть старое"***, тогда как ему были присущи либерализм и он добивался, прежде всего, возвращения погрязших большевиками февральских революционных завоеваний. Встречаются фактические ошибки и неточности. В частности, не изжиты еще представления, будто вопрос об убийстве Колчака был решен сибирскими коммунистами, а не их кремлевским вождем. Следует отметить публикации Ю.П. Власова, посвященные Октябрьскому перевороту и гражданской войне****. Значительная роль отводится А.В. Колчаку в российских событиях 17 года А.И. Солженицыным в "Красном колесе"*****.

В биографическом плане жизнь и деятельность А.В. Колчака с акцентами на те или иные их этапы освещена в брошюрах, журнальных и газетных публикациях С.В. Дрокова, В. Кара-Мурза и А. Полонского, Е. Леонтьева, В.И. Пестерева, А. Смирнова, Н. Черкасова*****. Немало публикаций полностью или преимущественно посвящено отдельным этапам жизни Колчака, в том числе его

* Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

** Краснов В. Огонь и пепел. Неизвестный Колчак. Штрихи к портрету. М., 1992; Богданов К.А. Адмирал Колчак. Биографическая повесть-хроника. С.-Пбг. 1993.

*** Краснов В. Огонь и пепел. С.232.

**** Власов Ю. Огненный крест. Историческая повесть. В двух частях. М.1991; ч.1; М.; 1992, ч.2; он же. Огненный крест. Гибель адмирала. М., 1993.

***** Солженицын А.И. Красное колесо. М.1994.Т.7.

***** Дроков С.В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. 1991. № 1; Кара-Мурза В., Полонский А. Белое движение в лицах. Портрет первый: Адмирал Колчак // Преподавание истории в школе. 1990. № 6; 1991. № 1; Леонтьев Е. Кто же Вы, адмирал Колчак? Очерк-расследование // Русь. Ростов Великий. 1993. № 2; Пестерев В.И. Верховный правитель. - В кн.: Исторические миниатюры о Якутии. Якутск. 1993; Смирнов А. Адмирал Колчак // Звезда. 1994. № 4; Черкасов Н. Звезда Колчака. Размышления над старыми фотографиями // Вахтенный журнал. М.1993; Юрченко В.В. Колчак Александр Васильевич. - В кн.: Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М.1993; Адмирал А.В. Колчак. - В кн.: Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М.1994.

участию в полярных исследованиях*, военных действиях**, деятельности в связи с поездкой за рубеж во главе военной миссии***, в период революции и гражданской войны****, как "Верховного правителя России"*****, его последним дням и гибели*****. Ряд публикаций о А.В. Колчаке сделано и автором данной работы*****.

Для научных статей и очерков, в основном публицистических, характерны попытки осветить те стороны биографии адмирала, которые широкому читателю вообще не были известны или малоизвестны. Как и у авторов книг, заметна тенденция переосмысления его исторической роли, выделения положительных сторон, а подчас даже идеализации личности. Много внимания уделено дореволюционной службе Колчака, науке, Отечеству, военным подвигам, в частности, в бытность его командующим Черноморским флотом, попыткам сохранить его боеспособность после Февральской революции. И, конечно, же, рассматриваются различные аспекты действий Колчака в роли Верховного правителя России, а также обстоятельств безвременной гибели. Отдельные же авторы по-прежнему следуют в фарватере старых представлений о деятельности Колчака и ее оценках. Такова, например, упомянутая публикация В. Козлова. Прямо-таки злобный

* Дроков С. Полярный исследователь Александр Колчак // Северные просторы. 1989. № 6; Масленников Б. Неизвестный Колчак // Водный транспорт. 1990. № 19. Чайковский Ю. Грани во льдах // Вокруг света. 1991. № 9-10; Воронов А. Как адмирал Колчак искал Землю Санникова // Техника молодежи. 1991. № 12; Вибе П. Вторая ипостась адмирала Колчака // Отечество. Краеведческий альманах. М. 1992. № 3; Попов С.В. Колчак и Арктика // Полярная звезда. 1994. № 4.

** Родосский А. Судьба адмирала Колчака // Ленинградская панорама. 1991. № 1; Петров И. Горы, сияй, моя звезда // Развитие. 1991. № 38; "Бесприкрытый" флотоходец. Боевая биография Александра Колчака // Континент. Международная газета. М. 1991. № 20. Сукач В. Моряк по призыванию // На страже Заполярья. 1991. 3 декабря; Басов А. Адмирал Колчак // Дело. Всероссийская газета социального партнерства. 1994. № 41.

*** Шавров А. Превратности адмирала Колчака // Морской сборник. 1990, № 9, 10.

**** Федотов Б.Ф. О малоизвестных источниках периода гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР // Вопросы истории. 1968. № 28; Козлов В.И. Бросил саблю за борт... Колчак Александр Васильевич (1874-1920) // Советский патриот. 1990. № 28; Свиринов В. Слава и позор адмирала // Труд. 1990. 7 июля. Савельев Н. "Мундир английский, табак японский, правитель омский" // Комсомольская правда. 1991. 7 февраля; Райцаум А. Судьба адмиральского кортика // Сын Отечества. 1994. 1 апреля.

***** Шишкин В.И. К характеристике политических взглядов адмирала А.В. Колчака в 1917-1919 гг. // Известия Сибирского отделения Российской Академии наук. 1992. Вып.3; Новиков И. Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности // Московская правда. 1992. 7 февраля; Пономарев О. Верховный правитель Российского государства // Смена. С.-Пбг. 1992. 12 августа; Богданов К. Как Колчак стал Верховным правителем (хроника омского переворота) // Омская старина. 1993. № 2.

***** Петров М. Эхо ангарского зала // Уральский следопыт. 1989. № 7. Иоффе Г. Последнее путешествие. Трагедия Колчака - трагедия "Белого дела" // Родина. 1990. № 1; Нелеин И.Я. адмирал Колчак. // Уральский следопыт. 1990. № 9; Кларов Ю. Последние дни Александра Колчака // Сельская молодежь. 1990. № 11, 12. Шинкарев Л. ...Если я еще жива. Неизвестные страницы иркутского заточения Александра Колчака и Анны Тимиревой // Известия. 1991. 19 октября; Степанов В. Проклятие над ледоколом // Правда. 1991. 18 декабря; Краснов В. Путь к ангарской проруби // Советский воин. 1992. № 8; Иголкин В. Последний путь адмирала // Российская газета. 1994. 8 февраля.

***** Плотников И.Ф. К характеру взаимоотношений атамана А.И. Дутова и Верховного правителя России А.В. Колчака. - В кн.: Иван Иванович Неплюев и Южноуральский край. Челябинск. 1993; он же. Верховный правитель России А.В. Колчак. В кн.: Екатеринбург в прошлом и настоящем. Екатеринбург. 1993; он же. Верховный правитель России в Екатеринбурге // Главный проспект. Екатеринбург. 1994. № 45; он же. А.В. Колчак о себе // Аргументы и факты. А и Ф Урал (Екатеринбург) // 1994. № 45, 46, 47; 1995. № 4; он же. Кто убил Колчака? // Родина. 1995. № 1; он же. В.И. Ленин и Казнь адмирала А.В. Колчака // Аргументы и факты. А и Ф - Урал. 1995. № 6; он же. Российский патриот А.В. Колчак. - В кн.: Судьбы России: прошлое, настоящее, будущее. Екатеринбург. 1995; он же. Колчак в Екатеринбурге // Вечерний Екатеринбург. 1995. 7 февраля; он же.

характер носит статья В. Степанова, в которой убийство группы партийно-политических деятелей Сибири в январе 1920 г. на озере Байкал приписывается А.В. Колчаку, а не атаману Г.М. Семенову, его распоряжениям и людям, хотя факт этот исследователями давно установлен.

Одним словом, публикации о Колчаке разнообразны по жанру, содержанию и идейно-политической направленности и, в конечном итоге, в большинстве своем служат делу установления и освещения исторических фактов, многие из которых легли на страницы печати впервые. Автор дает почти полный их свод и возможность читателю познакомиться с жизнью и деятельностью А.В. Колчака по отдельным из них или всем вместе. Отведенные объемы данной работы заставляют ограничиться лишь кратким историографическим очерком.

Значителен круг источников, позволяющих изучать жизнь и деятельность А.В. Колчака. Часть из них содержится в публикациях различных авторов, в том числе, последнего периода. Важнейшим из документов являются протоколы допроса А.В. Колчака Чрезвычайной следственной комиссией 21 января - 6 февраля 1920 г. Впервые они увидели свет в 1923 г. в 10-м томе "Архива русской революции" в Берлине. Ныне репринтным путем это издание воспроизведено в нашей стране*. В связи с тем, что копии протоколов добывались нелегальным путем, в текст вкрались некоторые фактические ошибки и неточности. Тем не менее, значение этого опубликования очень велико. Оно, очевидно, подтолкнуло советские органы на разрешение подготовки собственного издания протоколов. Это было осуществлено в 1925 году**. Недостатки, ошибки первой (зарубежной) публикации в этом издании указаны и исправлены. В дальнейшем протоколы неоднократно перепечатывались. В несколько сокращенном виде они вновь появились спустя 35 лет***, а в последние годы трижды полностью в книгах ряда авторов****. А.В. Колчак с момента ареста определенно предчувствовал, что будет казнен, и показания на допросах старался дать как можно более подробные. Он привел основные биографические сведения, много внима-

На краю пропасти // Главный проспект (Екатеринбург). 1995. № 11; он же. Немой свидетель // Аргументы и факты, А и Ф - Урал. 1995. №№ 34,35; он же. Политика Верховного правителя России А.В. Колчака и его правительства. - В кн.: История "белой" Сибири. Кемерово. 1995; он же. Раз упустивши, можно потерять все // Дело. Всероссийская газета социального партнерства. М. № 33 (119); он же. К вопросу о "трагедии Колчака" (поражении белого движения на востоке России). - В кн.: Международная научная конференция "Гражданская война в России (1919-1920 гг.)". М. 1995; он же. Истинных героев в гражданской войне не бывает. И никогда не будет // Республика (Екатеринбург). 1995. № 47 (104); он же. Цивилизованный подход при анализе и оценке политики правительства Верховного правителя России А.В. Колчака. - В кн.: Цивилизационные и формационные подходы к изучению отечественной истории: теория и методология. М. 1996; он же. Значение опыта экономической политики правительства А.В. Колчака. - В кн.: Молодая наука - новому тысячелетию. Набережные Челны. 1996; он же. Автобиография и родословная адмирала А.В. Колчака // Источник. 1996. № 3; он же. Морской кадетский корпус и его выпускник военный интеллигент, офицер, исследователь А.В. Колчак, ставший по обстоятельствам политиком, у власти. - В кн.: Интеллигенция и власть. Екатеринбург. 1996.

* Архив русской революции. М., 1991. Кн.5, т.10.

** Допрос Колчака. Л., 1925.

*** См. приложение "Лицо колчаковщины (из допроса Колчака)". - В кн.: Солодянкин А.Г. Коммунисты Иркутска в борьбе с колчаковщиной. Иркутск, 1960.

**** См.: Арестант пятой камеры, Ю. Кларова. М., 1990 (переиздана в 1994 г.) и кн.: Колчак Александр Васильевич - последние дни жизни. Составитель Г.В. Егоров. Барнаул. 1991. См. также публикацию: Допрос адмирала Колчака в Иркутске /Сибирь. Иркутск. 1990. №.4. Следует заметить, что все публикации протоколов допроса грешат искажениями и пропусками, ибо следственная комиссия, затем редакторы стенограмму произвольно исказили и частью фальсифицировали.

ния уделил участию в полярных экспедициях, реформированию управления военно-морским флотом России, командной работе в Балтийском и Черноморском флотах, своей деятельности в дни революции 1917 г., зарубежной поездке, встречах с русскими и зарубежными дипломатами, участию в гражданской войне. Сопоставление с выявленными документами свидетельствует, что Колчак был достаточно откровенен и объективен. Он явно стремился в предоставившейся форме зафиксировать важнейшие события не только в жизни собственной, но и в истории своей Родины, дать им оценки. И мы должны быть благодарны этому мужественному человеку, умевшему смотреть смерти в лицо и не терять перед ее угрозой головы и ясного сознания. К сожалению, последовательное изложение Колчаком событий было прервано на моменте провозглашения его Верховным правителем. Положительно оценивая факты нового опубликования протоколов допроса, даже не говоря о фальсификации и искажениях отметим и такой их недостаток. Он заключается в том, что составителями буквально копируются комментарии и примечания давнего издания (1925 года) с их предвзятостью, с многочисленными ошибками и неточностями фактического характера.

Хотелось бы высказать и иное замечание. Составитель сборника "Колчак Александр Васильевич - последние дни жизни" Г.В. Егоров подчеркивает, что "предлагаемая книга материалов - из личного архива составителя", что она "первая, пожалуй, попытка за годы существования нашего государства воссоздать наиболее достоверный политический и человеческий портрет "Верховного правителя России" (с.2). На самом же деле почти весь объем книги занимают протоколы допроса Колчака, отрывки из книги воспоминаний Г.К. Гинса⁵, воспоминания И.Н. Бурсака, которые, как и протоколы, неоднократно публиковались, и устаревшая, тенденциозная биографическая справка о Колчаке повторяет статью из Большой Советской энциклопедии.

О политике и-практических действиях Верховного правителя А.В. Колчака и его правительства, военного командования позволяют судить документы. Их издано очень много. Но данных о самом Колчаке в них мало. Несколько больше таких данных содержалось в ранних изданиях сборников документов и материалов*. Но появились и новые публикации документов**. Во всех этих изданиях, в том числе, в первом из указанных, составленном членом Директории, действия правительства Колчака оцениваются отрицательно. Такая же тенденция заметна и в самом подборе документов. Такую односторонность удастся преодолеть лишь со временем, что, в частности, предпринимается и в данной книге. Нужно сказать о том, что в последнее время на страницах нашей печати впервые появились копии документов, свидетельствующих, что главным вершителем расстрела

* Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Сб. документов. Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919; Белый архив. Сб. материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т.п. Париж, 1926. Т.1; Последние дни колчаковщины. М.; Л., 1926; Колчаковщина. Сб. Екатеринбург, 1924; Гражданская война в Сибири и Северной области. М.; Л., 1927; Колчаковщина на Урале (1918-1919). Свердловск, 1929. Колчак и Финляндия. // Красный архив. Исторический журнал. Л.1929. Т.2.

** Шишкин В.И. К истории колчаковского переворота. // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. 1989. Вып.1; он же. Колчак о себе. // Грани. Журнал. Франкфурт-на-Майне. 1992. № 165; Неизвестные интервью Колчака. // Сибирь. 1991. № 1; Дроков С.В., Коновалов О.В. К истории Рода адмирала Колчака. // Отечественные архивы. 1992. № 5; Прости, великий адмирал!.. Эскиз к портрету Александра Васильевича Колчака. Барнаул. 1992.

Колчака, как и членов царской семьи, множества других людей, был глава Советского правительства и РКП(б) В.И. Ленин. Об этом прежде всего свидетельствует его распоряжение заместителю председателя РВС республики Э.М. Склянскому*⁶. Нами этот документ воспроизведен более точно и указано на факт его наличия в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории**.

Очень широк теперь круг такого вида источников, как воспоминания. В основном это воспоминания участников белого движения. Да это и не удивительно. Из числа большевиков Колчака лично почти никто не знал. То, что выходило из-под их пера, носило сугубо отрицательный оценочный характер. Можно назвать некоторые работы В.И. Ленина, в которых дается оценка политики А.В. Колчака. Это - "Все на борьбу с Деникиным!" и "Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком"***. Оценки других современников Колчака из большевистско-советского лагеря в общем совпадают с ленинскими.

До нас дошла значительная мемуарная литература из, так сказать, промежуточного лагеря, в частности, из левого крыла антибольшевистского движения****. В них мы черпаем данные о негативной реакции этих сил на установление 18 ноября 1918 г. в Омске власти Колчака. В какой-то мере к ним примыкают воспоминания предшественника А.В. Колчака по верховному командованию В.Г. Болдырева*****⁷. Интерес представляют строки воспоминаний о совместной работе с Колчаком весной и летом 1917 г. в Севастополе А.И. Верховского⁸, позднее военного министра Временного правительства*****. Потом Верховский перешел к красным. Чувствуется, что этот уход автора воспоминаний в другой лагерь повлиял и на его противоречивую оценку деятельности Колчака в 1917 году. На книге воспоминаний сказалась и рука цензуры. Особое место занимают воспоминания Н.В. Савича, работавшего совместно с Колчаком в предвоенный период в Государственной думе, в ее военном комитете*****.

Неоценимое значение имеют воспоминания людей из окружения Колчака или лиц, часто общавшихся с ним, - А.П. Будберга⁹, Г.К. Гинса, М.И. Занкевича, М.А. Иностранцева, В.В. Князева, К.В. Сахарова¹⁰, И.И. Серебренникова, Д.В. Филатьева, Е. Шильдкнехта*****. Сходные по характеру эти публикации все же во многих отношениях разнятся. Некоторые отчасти носят дневниковый характер, поэтому более точны в передаче событий, их датировании. Другие содержат ценные документы. Не равнозначны они по степени объективности. Наибольшее доверие вызывают воспоминания Будберга, Гинса, Занкевича. Хотя

* Комсомольская правда. 1991. 7 февраля.

** См.: Плотников И. Кто убил Колчака?! Родина. 1995. № 1.

*** Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.39. С.44-63,151-159.

**** Святицкий Н.В. К истории Учредительного собрания. - В кн.: Колчаковщина. Сб. Екатеринбург, 1924; Чернов В. Перед бурей. Воспом. Нью-Йорк, 1953.

***** Болдырев В. Директория, Колчак, интервенты. Новоиколаевск, 1925.

***** Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959.

***** Савич Н. Три встречи (А.В. Колчак и Государственная Дума). Архив русской революции. М., 1991. Кн.5, т.10.

***** Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Харбин, 1921. Т.2, ч.2-3; Иностранцев М.А. Адмирал Колчак и его катастрофа. Восточн. Прага, 1922; он же. Первое поручение адмирала Колчака. Белое дело. Берлин, 1926; Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923; Занкевич М.И. Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адмирала Колчака революционному правительству в Иркутске. Белое дело. Берлин, 1927. Т.2; он же. Чешские легионы в Сибири (чешское предательство). Рига, 1930;

и им присущ субъективизм. Будберг стремился как можно конкретнее оценивать людей, в том числе и Колчака, но на страницы его дневника проникало критиканство, ибо он почти все видел в мрачном свете, склонен был к пессимистическим оценкам. Гинс, пожалуй, заметно оттенял, несколько выпячивал свою личную роль в решении государственных вопросов. Занкевич - главное военное лицо при Верховном правителе на последнем этапе, - похоже, сгладил свою роль в том, что отход Колчака в Монголию, его спасение не были обеспечены. Наибольшее неприятие в воспоминаниях Сахарова вызывает его настойчивое утверждение, что Колчак определенно был привержен монархизму, а это явно не соответствует действительности. Генерал-лейтенант Сахаров, назначенный Колчаком на пост командующего Западной армией (а затем и фронтом), допустил вместе с генералом Д.А. Лебедевым¹¹ непростительные ошибки в планировании и проведении ряда операций, в частности Челябинской. В своих воспоминаниях он явно фальсифицирует многие военные события. И тем не менее, воспоминания данной группы авторов имеют непреходящее значение. Без них мы мало что знали бы о повседневной жизни и деятельности Колчака, его официальных и неофициальных встречах, разработке вопросов, принятии документов, руководстве рядом высших учреждений и ставкой. Ценность этих воспоминаний заключается в том, что будучи в целом лично благожелательно настроенными к Верховному правителю, их авторы попытались отразить его деятельность всесторонне, оттеняя сильные и слабые стороны.

Надо особо выделить грандиозные "Очерки русской смуты" А.И. Деникина¹², в которых немалое место отведено взаимоотношениям и взаимодействию правительств юга России с правительством А.В. Колчака, содержатся данные об обстоятельствах признания Верховного правителя как главы Российского государства, всего белого движения. По тем или иным обстоятельствам полезно обращение читателя и к некоторым другим мемуарам, в частности Л.А. Кроля¹³, описывавшего выступления и действия А.В. Колчака в поездках по Уралу, Г.М. Семенова¹⁴, затрагивавшего вопрос о своих взаимоотношениях с адмиралом*. О большом внимании А.В. Колчака к расследованию обстоятельств убийства большевиками царской семьи можно узнать из воспоминаний М.К. Дитерихса¹⁵ и Н.А. Соколова***. И, наконец, мемуары А.В. Книпер (в то время - Тимиревой)¹⁶, близкого друга А.В. Колчака, передавшей свои впечатления о нем, как человеке, его поведении в кругу знакомых, в общении с нею, о его мужестве в последние дни и часы жизни****. Эти воспоминания полностью еще не опубликованы.

Оставили потомству мемуары и некоторые из руководителей миссий и войск интервентов в Сибири. Постоянно общались с А.В. Колчаком и много писали о нем французский генерал, главнокомандующий союзными войсками в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке М. Жанен¹⁷, американский генерал В. Гревс¹⁸ и английский полковник, потом генерал Д. Уорд****¹⁹.

Будберг А. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). М., 1929; Шильдкнехт Е. Встречи с Колчаком. Морские записки. Нью-Йорк. 1958. Т. XVI. Вып. 1(46); Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918-1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985; Князев В.В. "Жизнь для всех и смерть для всех". Записки личного адъютанта Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака, ротмистра В.В. Князева. Тюмень. 1991 (данные воспоминания и текст рассматривавшейся выше книги М.И. Смирнова переизданы. См.: Адмирал Александр Васильевич Колчак. М.1992); Серебренников И. Воспоминания о Колчаке. Иртыш. Омск. 1993. № 1.

* Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1921; Семенов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. Дайрен, 1938.

** Дитерихс М.К. Убийство царской семьи. М., 1991; Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990.

*** Книпер А.В. Фрагменты воспоминаний. Публикация К. Громова и С. Боголепова. - Минувшее. Исторический альманах. Воспом. Вып. 1. Париж, 1986; М., 1990.

**** Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. М., 1923; Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника. - Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930; Гревс В. Американская авантюра в Сибири. М., 1932.

Наиболее подробно из этих трех авторов о Колчаке пишет Дж. Уорд. Его оценка деятельности и личных качеств Колчака в целом высокая. Иным предстает Колчак в дневниковых или более поздних записях М. Жанена. То и другое мнения в значительной степени зависели от характера деловых отношений авторов с Колчаком. В частности, отношения Колчака с Жаненом ухудшались по мере того, как осложнялись отношения с чехословаками, находившимися на попечении французского генерала.

Наконец, еще об одной группе воспоминаний. Это записки тех, кто арестовывал, содержал в тюрьме, допрашивал, а затем, по указанию сверху, расстреливал А.В. Колчака: И.Н. Бурсака, В.И. Ишаева, А.Г. Нестерова, И.М. Новокшонов, С.Г. Чудновского и А.А. Ширямова*²⁰. Участие в аресте и расстреле А.В. Колчака и главы его правительства В.Н. Пепеляева²¹ считалось в свое время делом большой революционной чести, заслугой перед пролетариатом. Поэтому участники этих акций охотно, а некоторые многократно публиковались в печати, подробно, подчас со смакованием, освещая последние минуты Колчака. Сами по себе эти воспоминания ценны. В них правильно показывается время и место казни. Внимание читателя хотелось бы лишь обратить на то, что некоторые участники и руководители расстрела, в частности Бурсак, утверждают, будто В.И. Ленин не только не причастен к расстрелу А.В. Колчака, а даже запретил это делать и требовал обязательной доставки его в Москву для предания суду. Эта версия проистекала от И.Н. Смирнова²², который умышленно распространял утверждение, будто от Ленина еще в Красноярске было получено распоряжение, "в котором он решительно приказывал Колчака не расстреливать", а предать суду. В связи с этим назовем читателю и этот источник - воспоминания Смирнова**²³. Он знал всю подноготную дела, сам дал указание о расстреле, руководствуясь распоряжением Ленина, а потом стремился скрыть это. В большевистских верхах так было принято...

Такова вкратце историография А.В. Колчака на день сегодняшний.

3. ОТ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПОЛЯРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ - К УЧАСТИЮ В ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ

На рубеже веков XIX и XX Россия вступила в самый сложный период своей истории. С одной стороны, она по всем основным направлениям развития экономики набирала высокие темпы, что наблюдалось особенно в период руководства правительством П.А. Столыпина, с другой стороны, страна все сильнее раздиралась внутривластными, а также и внешнеполитическими противоречиями, чреватými угрозой катаклизмов. Конец XIX и начало XX веков - период войн и революций, период социальных потрясений в истории России, сбивших ее со столбовой дорожки самобытного развития, толкнувших на тупиковый путь коммунистических экспериментов. Колчак, вступивший на жизненную стезю и закончивший ее в рамках этого самого сложнейшего переломного периода, оказался в гуще важнейших событий. В его биографии отразилась история России той поры. В связи с этим жизнь Колчака вдвойне интересна и показательна.

* Ширямов А. Иркутское восстание и расстрел Колчака // Сибирские огни. 1924. № 4; он же. Конец колчаковщины // Борьба классов. 1935. № 1-2; Ишаев В. Смерть Колчака и Пепеляева (Воспоминания очевидца) // Уральская новь. 1926. № 3; Новокшонов И. Вокруг ареста Колчака (Воспоминания). - В кн.: Из колчаковщины. М. 1931; Нестеров А.Г. Арест Колчака. - В кн.: Годы огненные, годы боевые. Сб. воспом. Иркутск, 1961; Чудновский С. Конец Колчака. - Там же; Бурсак И.Н. Конец белого адмирала. Разгром Колчака. Воспом. М., 1969.

** Смирнов И. Конец борьбы. Примирение с чехословаками. - Борьба за Урал и Сибирь. Воспом. и статьи. М., Л., 1926.

Отец А.В. Колчака - генерал-майор В.И.Колчак.

Мать А.В. Колчака - Ольга Ильинична.

Кто же такой Колчак по своему, так сказать, роду, племени? Какими были причины и обстоятельства его появления на российском бушующем небосводе? Об этом свидетельствуют документы и материалы, по которым можно проследить жизненный путь этого незаурядного, не побоимся сказать, великого человека.

Александр Васильевич Колчак родился 4 ноября 1874 г. на Обуховском сталелитейном заводе, близ Санкт-Петербурга, в семье дворянина-офицера морской артиллерии. В метрической книге Троицкой церкви села Александровского Петербургского уезда значится: "Морской Артиллерии у штабс-капитана Василия Ивановича Колчака и законной жены его Ольги Ильинишны, обоих православных и первобрачных, сын Александр, родился четвертого ноября, и крещен пятнадцатого декабря тысяча восемьсот семьдесят четвертого года". Его отец Василий Иванович (к тому времени ему было 37 лет) прошел большой жизненный путь. Юношей он принял участие в Крымской войне, держал оборону на знаменитом Малаховом кургане. Был ранен и пленен французами. С Принцевых островов (на Мраморном море) вернулся на Родину. Закончил институт горных инженеров, после чего некоторое время работал на Златоустовском заводе на Урале - изучал металлургическое и оружейное дело. После этого он все время работал на Обуховском сталелитейном заводе, будучи приемщиком от военного ведомства. Выйдя в 1889 г. в отставку в чине генерал-майора, В.И. Колчак продолжал трудиться на том же заводе в качестве инженера зав. мастерской. Он был крупным специалистом в области артиллерии, опубликовал ряд научных трудов. Описал он также события Крымской войны (очерк "На Малаховом кургане" и книга "Война и плен"). Умер 4(17) апреля 1913 г.

Мать А.В. Колчака, Ольга Ильинична, (1855-1894) урожденная Посохова. Дворянская семья Посоховых из Херсонской губернии переехала в Одессу. Дед А.В. Колчака по матери был последним одесским городским головой, расстрелян советскими органами в 1920 г. О.И. Колчак умерла довольно рано, когда ее сыну было лишь 20 лет. Кроме Александра, в семье было две дочери - старшая Екатерина и младшая, еще в детстве умершая, - Любовь.

Род Колчаков был довольно обширным, в разных поколениях тесно связанным с военной профессией, относился к служилому дворянству Российской империи. По семейным преданиям, Колчаки получили русское дворянство и герб одновременно с русским подданством в начале царствования императрицы Елизаветы Петровны, около 1745 г.

Семейные архивы Колчаков погибли в полые Октября и гражданской войны. Ростислав Александрович Колчак, сын Верховного правителя, который, как уже упоминалось, много сил приложил к составлению родословной Колчаков, указывает, что они происходили из половцев. Часть этого народа, теснимая татаро-монголами, ушла на Дунай, в Венгрию, другая часть была ассимилирована завоевателями. Один из предков Колчака упоминается среди сербо-хорватов. Он был христианином, затем принял мусульманство и служил в рядах турецких войск. Р.А. Колчак приводит письменные источники, относящиеся к 1711 году, времени сражений турок против русских войск во главе с Петром I. Булюбаш, т.е. полковник Колчак, отличился и стал впоследствии пашой трехбунчужным и губернатором города-крепости Хотина (на р. Днестр). В 1736 г. Колчак был вызван в Константинополь, получил звание "визиря" (титул высшего сановника-министра). Он участвовал в войне Турции с Австрией и Россией, в 1737 г. временно был главнокомандующим - сераскиром турецкой армии на русском фронте, пока его не сменил Вели паша. В 1739 г. турецкие войска на этом фронте потерпели поражение. Колчак с оставшимися малыми силами вынужден был Хотин сдать. Вместе с семьей он оказался в русском плену. Он сам и его старший сын офицер Мехмет Бей были увезены в Петербург. В связи с военными действиями, успехами русских войск под Хотинном о Колчаке говорится в оде М.В. Ломоносова: "Коль скоро толь тебя, Колчак, учит российской вдатся власти, ключи вручить в подданства знак и большей избежать напасти?.."

Будучи отпущенным в Турцию, Колчак не поехал туда. Уже с дороги, из Киева, он обратился к своему старому другу и союзнику И. Потоцкому, и тот помог ему обосноваться в Галиции. К 1743 г. его уже не было в живых, но корни Колчаков, вернувшихся в христианскую веру, были пущены на славянской земле. Правнук паши после третьего раздела Польши служил уже в России, в Бугском казачьем войске. Упоминаемый в источниках времен императоров Павла I и Александра I сотник этого войска Лукьян Колчак - прадед А.В. Колчака. Лукьян владел наделом в Ананьевском уезде Херсонской губернии. Дедом А.В. Колчака был старший сын Лукьяна - Иван.

Мы подробно остановились на родословной адмирала Колчака потому, что читателю она мало известна. Даже при жизни Колчака далеко не все знали о его восточных корнях, к которым из поколения в поколение прививалась славянская, а в XIX веке - русская кровь. Некоторые считали, что предки Колчака - немцы или литовцы.

Александр Колчак начал свое школьное образование в 6-й Петербургской классической гимназии, где пробыл до 3-го класса, а с 1888 г. обучался в Морском кадетском корпусе²³. В выборе будущей профессии сказалась семейная традиция - военная служба с "морским уклоном". Как мы отмечали, его отец был морским артиллеристом, хотя и служил на суше. Братья В.И. Колчака Петр и Александр также были морскими артиллеристами. Первый из них был капитаном 1-го ранга, второй - генерал-майором. Ближайший родственник Александра Колчака по матери - Сергей Андреевич Посохов был контр-адмиралом, брат Посохова Андрей - пехотным генерал-майором. Среди потомков младшего брата деда адмирала по отцу - Федора Лукьяновича (младшая линия Колчаков) тоже были офицеры, один из них - Александр Федорович - контр-адмирал.

Родители Колчака были православными, верующими. Всю жизнь верующим был и он сам.

Итак, Александр Колчак поступил в Морской кадетский корпус. Впоследствии он отмечал, что из гимназии в корпус “перевелся и по собственному желанию, и по желанию отца”. Способный, талантливый по природе своей, он к тому же еще много и упорно работал, тщательно изучал науки, военно-морское дело и шел в своем выпуске то первым, то вторым. В 1892 г. он производится в младшие унтер-офицеры, а за год до выпуска назначается как лучший по наукам и поведению фельдфебелем младшей роты морских кадетов. Кадет этой самой младшей роты, в дальнейшем на протяжении целого ряда лет друг, помощник и сподвижник, первый биограф Колчака контр-адмирал Михаил Иванович Смирнов о том времени вспоминал: “Колчак, молодой человек, невысокого роста, с сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак. В нем был виден будущий вождь”. В этой характеристике, может быть, есть определенный налет позднейших впечатлений, но тем не менее она примечательна.

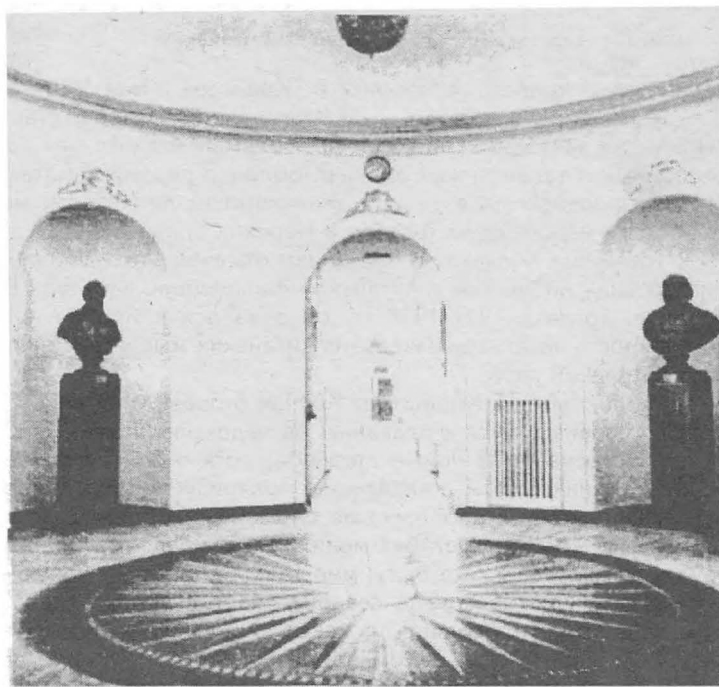
Колчак окончил корпус и высочайшим приказом по флоту 15 сентября 1894 г. был произведен в первый морской офицерский чин - мичман. Ему было 19 лет. Закончил учебу он вторым, хотя мог быть и первым из выпускников. Колчак отказался от первенства в пользу своего конкурента-товарища (Д. Филиппова), которого счел способнее себя, и комиссия вынуждена была посчитаться с его мнением.

За отличные успехи Колчаку была присуждена премия адмирала П.И. Рикорда с вручением 300 рублей. Этот русский адмирал отличился не только во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг., командуя эскадрой в Средиземном море, но и как мореплаватель, ученый, являвшийся членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

По окончании корпуса Колчак несколько месяцев пробыл в петроградском 7-м флотском экипаже, а весной 1895 г. получил назначение на только что спущенный на воду крейсер 1-го ранга “Рюрик” в качестве помощника вахтенного начальника. На этом крейсере он ушел в плавание на Дальний Восток. В конце 1896 г. был переведен на клипер “Крейсер” в качестве вахтенного начальника и на протяжении нескольких лет совершал плавания в водах Тихого океана. Затем в 1899 г. вернулся в Кронштадт. Так происходило становление А.В. Колчака как мореплователя и морского офицера. В декабре 1898 г. он был произведен в лейтенанты. Из-за ухода на службу в Императорскую Академию наук²⁴, о чем речь пойдет далее, Колчак пробудет в этом звании около восьми лет - до 1906 г. Но тут следует объяснить, что звание лейтенанта в русском флоте котирировалось довольно высоко, ибо офицерских ступеней в тот период на флоте было всего четыре (мичман, лейтенант, капитан 2-го и, наконец, капитан 1-го ранга), тогда как ныне в России их значительно больше. И лейтенанты часто командовали крупными кораблями. Правда, надо оговориться, что короткое время - в 1906-1911 гг. - существовало звание капитан-лейтенанта, но было отменено; с 1907 г. вводится звание старшего лейтенанта. Колчак лишь осенью 1906 г. получил звание капитан-лейтенанта.

Морской кадетский корпус, который в 1894 г. закончил А.В. Колчак.

**Компасный зал
Морского
кадетского
корпуса.**

Государственное знамя Российской империи.

Во время плаваний Колчак выполнял не только строевые офицерские обязанности. Он усиленно занимался самообразованием, пополнением специальных и общих знаний. Вместе с тем он в служебном порядке вел работы по океанографии и гидрологии. Колчак все больше утверждает в намерении, вызревавшем со времени обучения в морском корпусе, участвовать в экспедициях, заняться океанографией, наукой. И в этом направлении он уже тогда сделал первые серьезные шаги. В 1899 г. Колчак опубликовал статью "Наблюдения над поверхностными температурами и удельными весами морской воды, произ-

веденные на крейсерах "Рюрик" и "Крейсер" с мая 1897 г. по март 1898 г."

Командир "Крейсера" Г.Ф. Цывинский позднее, став адмиралом, писал: "Одним из вахтенных учителей был мичман А.В. Колчак. Это был необычайно способный и талантливый офицер, обладал редкой памятью, владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений".

Товарищи Колчака по плаваниям отмечали, что он находил время на изучение древних индийской и китайской философий. Культура Востока его влечет и позднее, когда в 1917-1918 гг. он оказался в Японии и Китае. Чтобы иметь возможность читать произведения китайских мыслителей в подлинниках, он изучает китайский язык.

По прибытии в Кронштадт Колчак отправился к вице-адмиралу С.О. Макарову²⁵, готовившемуся к плаванию на ледоколе "Ермак" в Северный Ледовитый океан. Встреча была примечательной, хотя она и не привела к немедленному осуществлению мечты о плавании в полярных водах. "Я просил, - отмечал Колчак, - взять меня с собой, но по служебным обстоятельствам он не мог этого сделать, и "Ермак" ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что, может быть, мне удастся попасть в какую-нибудь экспедицию, - меня очень интересовала северная часть Тихого океана в гидрологическом отношении. Я хотел попасть на какое-нибудь судно, которое уходит для охраны китикового промысла на Командорские острова к Беринговому морю, на Камчатку. С адмиралом Макаровым я очень близко познакомился в эти дни, так как он сам много работал по океанографии".

Следовало бы отметить, что в другом случае, в автобиографии, Колчак говорит о своих более ранних мечтах, в пору обучения: “Еще будучи в корпусе, и во время плавания на Восток, я интересовался океанографическими исследованиями в полярной области. Моим всегдашним желанием было снарядить экспедицию для продолжения работ в Южном Ледовитом океане, начатых нашими знаменитыми исследователями адмиралами Беллинсгаузеном и Лазаревым”. Таким образом, позднее, видимо, под влиянием С.О. Макарова, внимание Колчака было переориентировано на Север, к рубежам Российской империи. Тогда, по возвращении с Дальнего Востока, в Петербурге Колчак узнает о готовящейся Академии наук под руководством барона Э.В. Толля²⁶ Русской полярной экспедиции. Она

Ученый и флотоводец, в 1904 г. командующий Тихоокеанской эскадрой С.О. Макаров.

имела целью исследовать земли на севере от берегов Сибири. Предложить свои услуги Академии Колчак не решился. Однако судьба сама нашла его. Проплавав некоторое время во внутренних, российских водах на судне “Князь Пожарский”, что было худшим вариантом деятельности для него, Колчак вскоре, в сентябре 1899 г., на эскадренном броненосце “Петропавловск” вновь отправился на Дальний Восток. В Средиземном море, во время стоянки корабля в греческом порту Пирей, Колчак совершенно неожиданно получил предложение из Академии, от Э.В. Толля, принять участие в упомянутой экспедиции. Оказывается, работы А.В. Колчака обратили на себя внимание барона, нуждавшегося в трех морских офицерах. Оказал содействие и академик Ф.Б. Шмидт, к которому Колчак обращался ранее с просьбой выяснить, нельзя ли попасть в экспедицию. Поступившее предложение Колчак принял немедленно. Вопрос о временном переводе его с военной службы в распоряжение Академии наук был благополучно решен. Из Греции через Одессу он вернулся в Петербург и в январе 1900 г. явился к Толлю.

Начальник экспедиции предложил А.В. Колчаку руководить гидрологическими работами, а кроме того, быть и вторым магнитологом (помощником

Руководитель Русской полярной экспедиции барон Э.В. Толль.

ся, вел гидрографические, океанографические работы, плавал на катере, измерял глубины, наблюдал за состоянием льдов, делал наблюдения над земным магнетизмом. Совершал поездки по суше, исследуя малоизвестные места побережья материка и островов. В октябре 1900 г. он участвовал в поездке Толля к фиорду Гафнера с целью устройства там продовольственного депо (во время этого путешествия была определена истинная форма Таймырской губы). В апреле-мае 1901 г. они вдвоем с Толлем путешествовали по Таймыру (на протяжении 500-верстного пути Колчак вел маршрутную съемку). Позднее Колчак со спутниками, а где и в одиночку, впервые пересек остров Котельный, измерив высоты, проехал поперек Земли Бунге от устья р. Балыктах к южной части острова Фаддеевского, совершал поездки по льду к западу и северу от острова Бельковского, открыл остров, названный именем Стрижева. И здесь, опираясь на сви-

Ф.Г. Зеберга)*. Всю зиму и весну последнего года девятнадцатого столетия Колчак употребил на подготовку к экспедиции. Он работал в Павловской магнитной обсерватории, изучая теорию и производя практические работы по магнетизму. Работал и в петроградской Главной физической обсерватории.

21 июля 1900 г. экспедиция на специально оборудованном, приобретенном в Норвегии судне "Заря", двинулась по Балтийскому, Северному и Норвежскому морям к берегам Таймырского полуострова, где предстояла первая зимовка. До того А.В. Колчак пробыл некоторое время в Норвегии, где оборудовалась "Заря". Там он занимался у знаменитого полярного исследователя Ф. Нансена²⁷. Во время плавания и зимовок на Таймыре и на Ново-Сибирских островах Колчак, как и другие члены экспедиции, напряженно трудил-

* Позднее из-за конфликта с начальником экспедиции командир судна Н.Н. Коломейцев покинул его. Командиром стал Ф.А. Матисен, А.В. Колчак назначается старшим офицером - первым помощником командира.

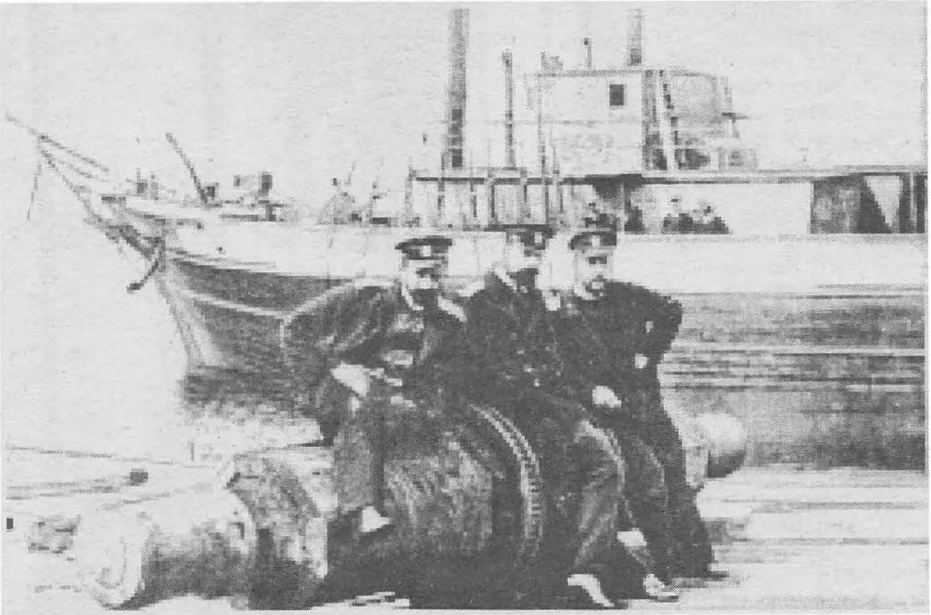
детельство одного из участников экспедиции, следует отметить, что Колчак вовсе не с одинаковым рвением брался за любую работу. Он охотно, с большим увлечением делал то, что, с его точки зрения, было необходимо, вызывало у него интерес. Командир "Зари" Н.Н. Коломейцев отмечал, что Колчак "на всякую работу, не имеющую прямого отношения к судну, смотрит, как на неизбежное зло, и не только не желает содействовать ей, но даже относится к ней с какой-то враждебностью". Колчаку, выходит, была присуща определенная "избирательность" в работе. В рассматриваемом конкретном случае он сам в какой-то мере подтверждал это: "...Я испытывал... неприятное чувство задержки судна с необходимостью торопиться... мы всегда куда-то торопились как на пожар, зачастую черт знает для чего и зачем". Собственную же работу он делал отменно. Начальник экспедиции был им чрезвычайно доволен и в донесении президенту Академии, посланному в январе 1901 г., сообщал:

А.В. Колчак в каюте шхуны "Заря" во время Русской полярной экспедиции.

"Станции начинались всегда гидрологическими работами, которыми заведывал лейтенант А.В. Колчак. Эта научная работа выполнялась им с большой энергией, несмотря на трудности соединить обязанности морского офицера с деятельностью ученого". Толль вообще считал, что Колчак "не только лучший офицер, но он также любовно предан своей гидрологии". Э.В. Толль увековечил имя А.В. Колчака - назвал его именем открытый экспедицией остров и мыс в том же районе.

Поскольку на шхуне из-за состояния льдов не удалось пробиться к северу от Новосибирских островов²⁸, Э.В. Толль принял решение с магнитологом Ф.Г. Зебергом и двумя каюрами пробиваться пешком. Он стремился туда, так как верил в возможность существования легендарной Земли Санникова²⁹ - еще не открытого северного материка. Остальным же членам экспедиции из-за того, что кончались запасы продуктов, предстояло пройти от земли Беннетта³⁰ южнее, вести исследования, а в дальнейшем вернуться в Петербург. Экспедиция оставила для Толля в условленных местах запасы продовольствия: он намерен был со своими спутниками вернуться к устью Лены самостоятельно. Предпринял эту благородную, но крайне рискованную попытку барон Толль весной 1902 г.

Морские офицеры, готовящие в Норвегии шхуну "Заря" к полярному плаванию, слева направо: А.В. Колчак, Н.Н. Коломейцев и Ф.А. Матисен.

Участники Русской полярной экспедиции под руководством барона Э.В. Толля на шхуне "Заря". В центре (в шляпе) Э.В. Толль, позади него (стоит) А.В. Колчак, слева - капитан шхуны Н.Н. Коломейцев.

Колчак со своими товарищами после новых безуспешных попыток пробиться на шхуне на север к окончанию навигации вышли к устью Лены и через Якутск, Иркутск в декабре прибыли в Петербург. Колчак доложил Академии на работе экспедиции, ее достижениях и неудачах. Сообщено было и о предприятии барона Толля, от которого каких-либо вестей ни к тому времени, ни позднее не поступило.

Участь Э.В. Толля необычайно встревожила Академию, Географическое общество. Не меньше, если не больше их руководителей обеспокоены были участники экспедиции, лейтенант А.В. Колчак. Поднимался вопрос о посылке в район Новосибирских островов ледокола "Ермак". Колчак же предложил Академии более простой и дешевой план экспедиции для поисков Толля. Поскольку надежды на успех плавания на шхуне "Заря" практически не было, Колчак предложил использовать шлюпку. Намечавшееся предприятие было столь же рискованным, как и пеший поход барона Толля. Несмотря на стесненность Академии в средствах, вопрос об экспедиции был решен положительно и довольно быстро, уже в январе 1903 г.

А.В. Колчак, получивший полную свободу действий и достаточные средства, незамедлительно выехал в Архангельск. Он взял с собой двух участников предыдущей экспедиции, добровольцев - боцмана Н.А. Бегичева и рулевого старшину В.Л. Железникова, в Архангельске к ним присоединились четверо поморов, привыкших к плаванию во льдах. Эта группа отважных людей и составила костяк экспедиции. Выехали в Иркутск, где провели ряд важных подготовительных работ. Отважным и деятельным помощником Колчака стал политический ссыльный студент П.В. Оленин, знавший Якутию, Сибирский север. Колчак по телеграфу, связавшись с Якутском, договорился с Олениным об участии того в экспедиции. В соответствии с договоренностью, Оленин заранее выехал в Верхоянск, затем в Устьянск, закупил собак (всего 161, этого было мало, но достать больше не удалось), снаряжение. Сам Колчак направился в бухту Тикси, взял со стоявшей там "Зари" один из хороших китобойных вельботов и на собаках привез его в Устьянск. Была нанята группа каюров из якутов и тунгусов (эвенков). Экспедиция, состоящая из 17 человек с 10 нартами и вельботом, со всего лишь трехмесячным запасом продовольствия, минимумом снаряжения, совершила, казалось бы, невозможное. Добравшись до моря и дождавшись его частичного вскрытия, Колчак и его товарищи то под парусами, то работая веслами, то впрягаясь в лямки и перетаскивая вельбот с тяжелым грузом через массы льда, добрались через несколько недель (4 августа) до земли Беннетта. Начальник

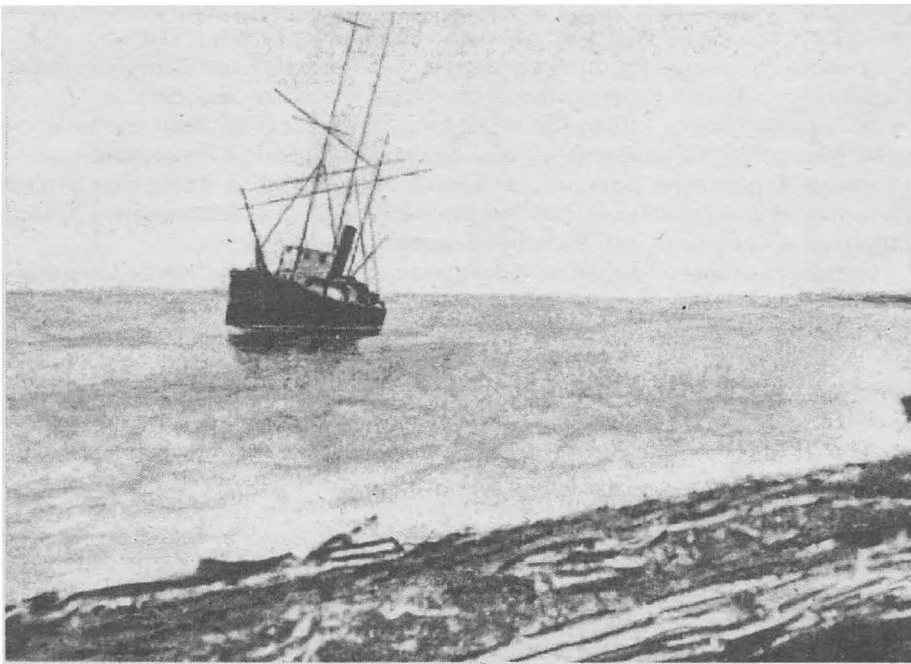
экспедиции в полной мере со всеми делил напряженный сверх меры физический труд. Нередко приходилось добираться с вельбота до берега по ледяной воде вплавь. Однажды чуть было не лишились вельбота. Дело было так. В море заметили большую льдину. Сильным ветром ее гнало на север, к земле Беннетта. Утомленная греблей команда решила воспользоваться случаем. Высадились на льдину. Втащили вельбот, поставили палатку. “На казенный счет едем”, - радовались боцман Бегичев и матрос Железников. Но длилось это недолго. Ночью Колчак проснулся от того, что боцман тряс его за плечо: “Ваше благородие, Александр Васильевич, вставай, тонем!” Льдина развалилась пополам, и вельбот уже съехал в воду... Но все обошлось, судно спасли.

На земле Беннетта довольно быстро обнаружили следы пребывания барона Толля и его спутников. Нашли бутылку с помещенной в ней запиской, затем - документы экспедиции и, наконец, - коллекции, геодезические инструменты и дневник. Выяснилось, что Толль прибыл на остров Беннетта летом 1902 г. и, не имея достаточных запасов провизии, решил заняться охотой и здесь перезимовать. Но охота оказалась неудачной. В октябре стало ясно, что группе грозит голодная смерть. В условиях наступившей зимы Толль и его спутники направились на юг, в сторону материка. Больше никаких следов группы обнаружить не удалось. Оставленные для нее склады с провизией оказались нетронутыми. Сомнений не оставалось: группа погибла в пути, скорей всего, утонула в еще не полностью замерзшем море.

2 января 1904 г. Академия наук получила телеграмму: “Вверенная мне экспедиция с вельботом и всеми грузами пришла на остров Котельный к Михайлову стану двадцать третьего мая... Найдя документы барона Толля, я вернулся на Михайлов стан двадцать седьмого августа. Из документов видно, что барон Толль находился на этом острове с двадцать первого июля по двадцать шестое октября прошлого года, когда ушел со своей партией обратно на юг... по берегам острова не нашли никаких следов, указывающих на возвращение кого-либо из людей партии барона Толля. К седьмому декабря моя экспедиция, а также и инженера Бруснева, прибыли в Казачье. Все здоровы. Лейтенант Колчак”. Поиск группы барона Э.В. Толля был главной задачей экспедиции Колчака. Но вместе с тем она решала и побочные, но тоже важные исследовательские задачи. В частности, Колчаку удалось открыть и описать новые географические объекты, внести уточнения в очертания береговой линии, в характеристики льдообразования. Колчак дал названия горе - Барона Толля, полуострову - Чернышева и др. По прибытии в Иркутск он составил “Предварительный отчет начальника экспедиции на землю Беннетт для оказания помощи барону Толлю лейтенанта Колчака”, датированный 9 марта 1904 г. Вскоре он был опубликован.

Путешествия и наука могли стать главным поприщем Колчака и на нем он достиг бы, несомненно, еще больших успехов. Но Александр Колчак еще всегда помнил, что он - военный моряк, офицер. Чувство долга позвало его на войну.

Еще по прибытии в Якутск Колчак узнал о начале русско-японской войны, в которой морской флот призван был сыграть особую роль. Эта война явилась результатом противоречий между Россией и Японией в Северо-Восточном Китае и Корее, борьбой за сферы влияния на Дальнем Востоке вообще. Эти противоречия подогревались западными странами. Они не хотели дальнейшего усиления России и, в сущности, поощряли японское правительство на военные действия против нее. Война началась внезапным нападением японского флота в ночь на 27 января 1904 г. на русскую эскадру в Порт-Артуре. Продолжалась война до лета 1905 г. По телеграфу 28 января 1904 г. Колчак обратился к президенту Академии наук Великому князю Константину Константиновичу с просьбой отчислить его в силу чрезвычайных обстоятельств от Академии и передать в воен-

**Шхуна "Заря"
на зимовке в бухте Тикси.**

Символическая могила-памятник Э.В. Толлю и его сподвижникам Ф. Зебергу, В. Горохову и Н. Протодьяконову на Земле Беннетта.

но-морское ведомство. Просьба его после некоторых колебаний была удовлетворена. Получив весть о благоприятном решении вопроса, Колчак стал срочно готовиться к поездке в Порт-Артур, куда ему было приказано явиться.

В самом начале марта он выступил с докладом на общем собрании Восточно-Сибирского отдела Императорского географического общества.

В дни подготовки к отъезду в Порт-Артур Александр Васильевич Колчак сочетается браком со своей невестой Софьей Федоровной Омировой.

Софья Федоровна родилась в Каменец-Подольске в 1876 г., т.е. двумя годами позже своего жениха. Как писал сын Александра Васильевича и Софьи Федоровны - Ростислав, его мать была "сложной крови".

Отец ее, которого Колчак лично не знал, происходил из семьи священника и был действительным тайным советником - гражданским генералом. В Каменец-Подольске он служил начальником Казенной Палаты - крупным чиновником. Умер он еще не будучи старым, в ожидании назначения на пост губернатора Подольской губернии, которой фактически уже управлял.

Мать Софьи Федоровны была дочерью генерал-майора, директора Лесного института Ф.А. Каменского. Среди их предков числились обер-гофмейстер барон К.-В. Миних, брат вельможи генерал-фельдмаршала графа Б.-Х.А. Миниха и генерал-аншеф М.В. Берг - выходцы из Германии. Софья воспитывалась в Смольном институте, была весьма образованной девушкой, знала семь языков, из которых французский, английский и немецкий превосходно. По характеру - волевая, с независимым характером. Возможно, это в дальнейшем и сказалось на ее отношениях с мужем.

По договоренности с Колчаком они должны были пожениться после его возвращения из первой экспедиции, длившейся несколько лет. Но задуманное пришлось отложить до окончания второй экспедиции. С.Ф. Омирова приехала с острова Капри, из Италии, в Петербург, а оттуда с отцом Колчака Василием Ивановичем добралась в Иркутск. Оттуда она, как рассказывала сыну, на оленях и собаках отправилась навстречу жениху в Устьянск, к Ледовитому океану. Вместе вернулись в Иркутск*. 5 марта 1904 г. они обвенчались в Михайло-Архангельской церкви, после чего молодая жена со свекром отправилась в Петербург, а ее муж 11 марта - в Порт-Артур.

По прибытии туда во второй половине марта 1904 г. лейтенант А.В. Колчак явился к вице-адмиралу С.О. Макарову, командующему флотом, и попросил назначения на наиболее боевую должность, на миноносец. Но адмирал счел необходимым, учитывая состояние здоровья Колчака, измотанного двумя экспедициями, назначить его на крейсер 1-го класса "Аскольд". Через несколько дней после встречи с Макаровым, 31 марта, Колчак явился свидетелем его гибели на подорванном и затонувшем флагманском корабле - эскадренном броненосце "Петропавловск". Адмирала С.О. Макарова А.В. Колчак считал своим учителем. Познакомился он и с капитаном 2-го ранга Н.О. Эссенем, под началом которого в дальнейшем довелось служить и многому учиться.

17 апреля Колчак добился назначения на минный заградитель "Амур". Один из современников вспоминал, как Колчак на этом суденышке, выйдя ночью из порта, потопил четыре японских транспорта с грузом и войсками. Точно ли было, судить теперь трудно. Но то, что Колчак сразу же в боях зарекомендовал себя

* По другим версиям, встретились лишь в Иркутске.

храбрейшим и распорядительным офицером и звезда его славы поднималась высоко, - это подтверждают многие.

Колчак стремится к большому. Уже 21 апреля он назначен на эскадренный миноносец "Сердитый". Командовал миноносцем он, едва держась на ногах, ибо у него началось тяжелое воспаление легких. Его положили в госпиталь. Оправившись, в июле Колчак вернулся на миноносец. К осени стал остро сказываться суставный ревматизм - прямое наследие Арктики (как и быстрая потеря зубов; по описаниям близких, к 1919 г. он был почти беззубым). И все же Колчак успел совершить воинский подвиг на море: на поставленной экипажем его миноносца mine подорвался японский крейсер "Такасаго".

В сентябре, когда основные боевые действия разворачивались уже на суше, больной ревматизмом Колчак назначается на берег командиром батареи морских орудий на северо-восточном участке обороны крепости Порт-Артур. Со 2 ноября он командует сдвоенной батареей 120- и 47-миллиметровых орудий в секторе Скалистых Гор под началом капитана 2-го ранга А.А. Хоменко³².

Все последующие недели, до падения крепости, Колчак был в горячем сражении, в артиллерийской перестрелке, отражал атаки японской пехоты. О боевой жизни его и соседних батарей, о ходе сражения в последние недели можно судить с большой точностью, так как с 3-го по 21 декабря 1904 г. Колчак вел дневник. В первый из этих дней, в частности, записано: "Днем японцы время от времени пускали шрапнель на батарею № 4 и Скалистую Гору. Сегодня 6"* орудия с отрога Большой горы обстреливали окопы на гласисе и ров у укрепления № 3 - очень неудачно и разрушили японские окопы около правого угла рва этого укрепления. Вечером, когда стемнело, я приступил к углублению хода сообщения к батарее № 4. Грунт скалистый, и необходимы подрывные работы. Днем я сделал несколько выстрелов по перевалу из 120 м/м орудия по идущему обозу". 5 декабря: "Утро ясное, довольно тихо и тепло. Снег понемногу... особенно на S-x** склонах. С утра редкий огонь на правом фланге сосредоточивается по форту № 2 и Малому Орлиному Гнезду. Время от времени японцы

Капитан 1-го ранга, в 1904 г. командир броненосца "Севастополь" участник Русско-Японской войны Н.О. Эссен.

* Знак, обозначающий калибр орудия.

** Знак, обозначающий юг, южные склоны.

посылают шрапнель и на наши батареи. Около 2 пополудни на форте № 2 в бруствере был произведен взрыв, и около роты японцев попробовали штурмовать форт, не пошли далее 1/2 бруствера и залегли...". Далее записи повествуют о все более напряженной борьбе, драматически складывающейся обстановке на фронте. В записи за 19 декабря говорится об оставлении некоторых рубежей. Указывается на изъяны оборонительных линий. "Сильные сами по себе позиции мало пригодны..., окопы и ходы сообщения не окончены, покрытий от шрапнели и блиндажей нет; высидеть долго берут позиции, нельзя. С утра началось... обстреливание Орлиного Гнезда. Подходившие резервы несли огромные потери. После полудня сильный артиллерийский огонь по вновь занятым позициям. На Заредутной батарее, на Скалистом кряже японцы... поставили пулеметы... 120 м/м сегментными снарядами я разбил бруствер на Заредутной батарее и заставил японцев очистить гребень - в это время японцы уже выбили нас из окопов Орлиного Гнезда и стали взбираться на вершину; Круссер³³... огнем 75 м/м орудия не позволили им (закрепиться) на вершине и перейти на S-склон горы, но наши уже оставили Орлиное Гнездо".

А.В. Колчак то и дело указывает на гибель и ранения воинов, в том числе и своих артиллеристов. Был ранен и он сам. "Я был ранен, - говорил он на допросах в 1920 г., - но легко, так что меня почти не беспокоило, а ревматизм меня совершенно свалил с ног".

Дневниковые записи охватывают период поражения русских войск в Порт-Артуре, сдачи крепости. Батареи Колчака держались до конца. 20 декабря он записывает: "Всю ночь продолжались раскаты взрывов в порту - все на судах уничтожалось - подрывались орудия, машины и корпуса судов: "Баян", "Победа", "Пересвет" горели. Рано утром, еще когда была полная тьма, мы получили извещение первыми не открывать огня и стрелять только при наступлении японцев: это было вовремя - еще 15 (мин., и) я с Круссером открыли бы огонь по Заредутной и Орлиному Гнезду. В ночь были очищены Куропаткинский люнет, форт литера Б. Малое Орлиное Гнездо и залитерная вершина и вся Китайская стенка до укрепления № 2. Когда рассвело, то на вершинах виднелась масса японцев: они не скрывались и просто сидели группами на вершинах и (обращенных) к нам склонах.

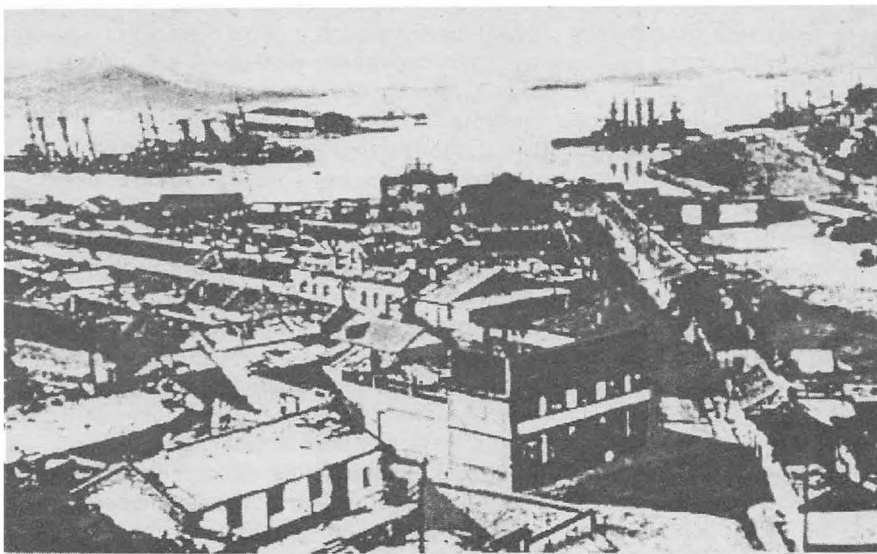
После полудня мертвая тишина - первый раз за время осады Артура.. Объявлено перемирие по случаю переговоров о капитуляции крепости".

Для А.В. Колчака война 1904-1905 гг. кончилась. Его положили в госпиталь. Как тяжелобольной, он не был эвакуирован из Порт-Артура. Таким образом он, как и масса других русских воинов, оказался в плену. В Порт-Артуре он пробыл до апреля 1905 г., когда начал мало-помалу поправляться. Вместе с другими русскими офицерами Колчак был вывезен в Японию, в Нагасаки. Партия больных и раненых офицеров получила разрешение от японского правительства пользоваться лечебными учреждениями и водами Японии или же, если у кого-то будет желание, - вернуться на Родину. "Мы все, - отмечал позднее А.В. Колчак, - предпочли вернуться домой. И я вместе с группой больных и раненых офицеров через Америку^{33а} вернулся в Петроград. В Петрограде меня сначала освидетельствовала комиссия врачей, которая признала меня совершенным инвалидом, дала мне четырехмесячный отпуск для лечения на водах, где я пробыл все лето до осени"*

* Временная инвалидность и отпуск на 6 месяцев Колчаку был определен приказом по морскому ведомству от 24 июня 1905 г.

Вход в гавань Порт-Артура.

Развалины старой части Порт-Артура, "Старый город", потопленные корабли.

За героизм, проявленный в боях в Порт-Артуре, А.В. Колчак был награжден Георгиевским оружием - золотой саблей с надписью "За храбрость". Это была не единственная награда. Еще 15 ноября 1904 г. за "сторожевую службу и охрану прохода в Порт-Артур, обстреляние неприятельских позиций", произведенных во время командования "Сердитым", он был награжден орденом Св. Анны IV степени с надписью "За храбрость". По возвращении из плена - орденом Св. Станислава II степени с мечами.* В 1906 г. Колчаку вручили серебряную медаль в память о русско-японской войне, а в 1914 г. - нагрудный знак участника обороны Порт-Артура.

Боевое крещение Колчака состоялось. Состоялось со славой, но с большим ущербом для здоровья.

4. МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ; В БОРЬБЕ ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ ФЛОТА, СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Личный боевой опыт, изучение хода русско-японской войны, особенно действий военно-морского флота, его тяжчайших поражений привели А.В. Колчака к важным выводам. В дальнейшем его деятельность чрезвычайно благотворно скажется на перестройке флота, системы руководства им. Но на первых порах после излечения все мысли Колчака были поглощены наукой. Он принимается за обработку материалов полярных экспедиций, ибо Академия наук ждет их с нетерпением. Ее президент Великий князь Константин Константинович в декабре 1905 г. писал морскому министру: "Окончание экспедиции лейтенанта Колчака совпало с началом военных действий на Дальнем Востоке, вследствие чего офицер этот считал своею нравственною обязанностью принять участие в войне и отправился с разрешения моего и своего морского начальства прямо из Иркутска на эскадру Тихого океана. Явившись в половине марта 1904 г. в Порт-Артур, он оставался там во все время осады, а после сдачи крепости возвратился через Японию и Канаду в начале июня 1905 г. в С.-Петербург совершенно больным от полученной им раны и суставного ревматизма". Президент просил министра вновь прикомандировать лейтенанта к Академии до 1 мая 1906 г. для обработки гидрографических и картографических результатов экспедиций. Высокая оценка президентом Академии личных и научных данных Колчака базировалась не только на собственных умозаключениях, но и на отзывах специалистов. В частности, на оценке результатов последней экспедиции начальником Главного гидрографического управления, который писал: "Между тем материалы охватили работы по описи берегов, промеру, гидрологии сибирских морей, наблюдения над льдом, астрономические и магнитные наблюдения, выполненные во время плавания и санных поездок, и имеют значение как для научных, так и для практических целей полярного плавания, в частности же для исправления на картах контура берегов северо-восточной части Сибирского материка от острова Диксона до устья реки Лены". Просьба президента морским министром была удовлетворена.

* К ордену Св. Владимира IV степени, полученному ранее за первую полярную экспедицию, в 1906 г. Колчаку были пожалованы "мечи".

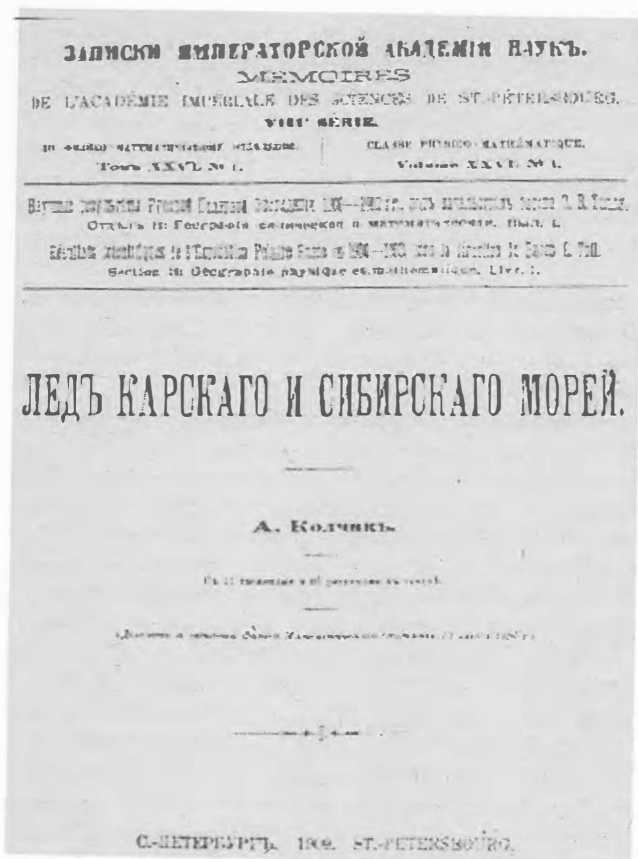
Материалы экспедиций были чрезвычайно богаты. Для их обработки понадобились многолетние усилия и русских, и иностранных ученых. Этим занималась специальная комиссия Академии наук (существовала до 1919 г.). Публикация результатов производилась отдельными выпусками, соединяемыми потом в тома. В связи с октябрьскими событиями 1917 г. это дело так и не было завершено. А.В. Колчаку надлежало прежде всего привести в порядок документацию, составить более подробные отчеты, обработать и опубликовать те результаты экспедиций, которые полностью или в основном были результатом его собственных наблюдений.

А.В. Колчак выполнил основную работу по приведению в порядок материалов двух экспедиций, их обобщению, составлению отчета. Но проделанная работа далеко выходила за рамки отчетов. Обобщения, научные наблюдения позволили создать ряд глубоких научных работ.

Им была написана и опубликована в "Известиях" Академии статья "Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией Наук для поисков барона Толля". Немыслимо дерзкая экспедиция А.В. Колчака, совершенная при этом без человеческих потерь, в отзыве академика Ф.Б. Шмидта была расценена, как "необыкновенный и важный географический подвиг, совершение которого было сопряжено с трудом и опасностью". Вместе с тем высоко оценены были и географические открытия и научные достижения. В 1906 г. Императорским географическим обществом А.В. Колчаку была присуждена высшая награда - Большая Константиновская Золотая медаль. В феврале того же года он избирается действительным членом этого общества. Имя Колчака становится широко известным, и не только в научных кругах. Его именем, как уже говорилось, был назван открытый во время первой экспедиции на северо-востоке Карского моря остров и мыс. Под таким именем они фигурировали и на советских картах, пока, спохватившись, все переименовывавшие советские власти не дали им в 1939 г. имена другого участника экспедиции - С.И. Расторгуева и писателя К.К. Случевского. Надо надеяться, что им будет возвращено имя его открывателя и справедливость восторжествует.

А.В. Колчак составил краткое описание яхты "Заря", детально охарактеризовал ее, как тип корабля, предназначенного для плавания во льдах, но не вполне надежного. В дальнейшем Александр Васильевич обстоятельнее займется теорией и практическими проблемами кораблестроения и в этой сфере деятельности достигнет существенных результатов. Одним из практических результатов полярных экспедиций и плодом последующей кабинетной работы Колчака явилось издание в 1906-1908 гг. четырех карт. В 1907 г. в переводе Колчака был опубликован труд датского физика и океанографа М.Х.К. Кнудсена "Таблицы точек замерзания морской воды". В 1909 г. Колчак опубликовал монографию "Лед Карского и Сибирского морей". "Основанием для этого исследования, - поясняет он в предисловии, - служат наблюдения над льдом в Карском и Сибирском морях, а также в районе Ледовитого океана, расположенном к северу от Ново-Сибирских островов, произведенные Русской полярной экспедицией в течение 1900, 1901, 1902 и 1903 гг.". Он не успел довести до издания другую монографию - о картографических работах Российской полярной экспедиции, и еще некоторые научные работы.

А.В. Колчак мечтал об открытии северного морского пути и вносил вклад в его подготовку. Но он и ранее, и особенно после столь неудачно закончившейся для России войны буквально разрывался между полярными, научными исследованиями и военно-морским делом. Острые проблемы военного строительства в России влекли его все больше.

Титульный лист монографии А.В. Колчака "Лед Карского и Сибирского морей".

леннее выступает в роли воссоздателя и реформатора военно-морского флота России. По инициативе его единомышленников, молодых офицеров, создается Петербургский военно-морской кружок. Члены этого кружка добились полулегального признания и определенной поддержки со стороны морского министра. В Николаевской Морской Академии группе было предоставлено помещение, кое-какие средства. Колчак вслед за лейтенантом А.Н. Щеголевым и капитаном 2-го ранга М. Римским-Корсаковым долгое время был председателем этого кружка, будучи капитан-лейтенантом, и лишь позднее, в разгар этой работы, 13 апреля 1908 г. ему присваивается звание капитана 2-го ранга. В 1907 г. в своем кружке, переведенном в Морской Генштаб, А.В. Колчак выступил с докладом "Какой нужен Русский флот", в котором отмечалось: "России нужна реальная морская сила, на которую могла бы опереться независимая политика, достойная великой державы, и на которой могла бы быть основана неприкосновенность ее морских границ, то есть такая политика, которая в необходимом случае получает под-

По окончании срока прикомандирования к Академии наук А.В. Колчак приступил к офицерским обязанностям в Морском Генштабе*. А они теперь оказались обусловленными тем, что Колчак, как и многие офицеры, тяжело переживал позорное поражение и фактическую гибель флота в войне. Но в отличие от большинства других он тщательно продумывал пути и способы возрождения и реорганизации флота. Колчак, можно сказать, не по чину оказался вдруг одной из ключевых фигур в этом деле. Его талант засверкал новыми гранями. Как генератор идей и организатор, он проявляет большую волю, оказывает влияние не только на офицерскую молодежь, но и на ветеранов флота, его адмиральский эшелон. Между двумя войнами - русско-японской и первой мировой - Колчак все опреде-

* С 1906 г. А.В. Колчак был начальником статистического отдела, а с 1909 г. - отдела по разработке стратегических идей защиты Балтики.

тверждение в виде успешной войны. Эта реальная сила лежит в линейном флоте, и только в нем, по крайней мере в настоящее время мы не можем говорить о чем-либо другом". В статье "Современные линейные корабли" он развивал эту же ключевую для судеб Российского флота идею.

Колчак впоследствии так характеризовал работу кружка: "...Мы занялись прежде всего разработкой вопроса, как поставить дело воссоздания флота на соответствующих научных и правильных началах. В результате этого, в конце концов мною и членами этого кружка была разработана большая записка, которую мы подали министру по поводу создания морского генерального штаба, т.е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой флота к войне, чего раньше не было: был морской штаб, который ведал личным составом флота - и только... К поданной записке отнеслись очень сочувственно, и весной, приблизительно в апреле 1906 года, он был осуществлен созданием Морского Генерального штаба. В этот штаб вошел и я, в качестве заведывающего балтийским театром".

Колчак был и экспертом комиссии по обороне, начавшей в это время свою работу Государственной думы. Он выступал с докладами и в комиссии, и в различных общественных собраниях. В проведении в жизнь новых передовых идей Колчак проявлял настойчивость и компетентность. Задолго до 1914 г. он, как и его единомышленники, сделал правильные прогнозы, утвердился во мнении, что предстоит война именно с Германией и почти точно предсказал срок ее начала. "Еще в 1907 г., - отмечал А.В. Колчак, - мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т.д. - совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой определяли в 1915 году, указывало на то, что эта война должна быть. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее, будет исходить от Германии; знали, что в 1915 году она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать".

Обращает на себя внимание и такая самооценка Колчаком своей позиции, данная в автобиографии: "Эту войну я не только предвидел, но и желал, как единственное средство решения германо-славянского вопроса, получившего в этот период большую остроту, благодаря балканским событиям".

Между тем в правительственных кругах и в Государственной думе предлагаемые Колчаком, Морским Генеральным штабом меры понимания и поддержки долго не находили. Многие рассчитывали на союз с Германией, считали предположение о войне с ней ошибочным. Но позиции эти шаг за шагом разрушались. И в этом первостепенная заслуга Колчака. Речи его были замечательными, логичными, убедительными, покоряли глубиной мыслей, аргументов, расчетов.

До нас дошли воспоминания члена Государственной думы генерала Н.В. Савича о выступлениях Колчака, его участии в работе думского Комитета по государственной обороне, в котором председательствовал лидер партии 17 Октября (октябристов) А.И. Гучков³⁴. Савич отмечает, что в Морском Генеральном штабе, который возглавил Л.А. Брусилов, в 1907 году произведенный в контр-адмиралы, "собралось все то лучшее из молодежи, что смогли выделить уцелевшие остатки боевого флота. Тут кипела жизнь, работала мысль, закладывался фундамент возрождения флота, вырабатывалось понимание значения морской силы, законов ее развития и бытия. Вот с этими-то элементами морского ведомства нам и пришлось впервые столкнуться в ноябре 1907 года. ...И среди этой образованной, убежденной, знающей свое ремесло молодежи особенно ярко

Лидер партии "Союз 17 октября" (октябристы), член Государственного совета, депутат Государственной думы 3-го и 4-го составов (и председатель в 1910-1911 гг.), председатель Комитета по Государственной обороне военный и морской министр Временного правительства А.И. Гучков.

выделялся молодой, невысокого роста офицер. Его сухое, с резкими чертами лицо дышало энергией, его громкий мужественный голос, манера говорить, держаться, вся внешность - выявляли отличительные черты его духовного склада, волю, настойчивость в достижении, умение распоряжаться, приказывать, вести за собой других, брать на себя ответственность. Его товарищи по штабу окружали его исключительным уважением, я бы сказал даже, преклонением; его начальство относилось к нему с особым доверием. По крайней мере во все для ведомства тяжелые минуты - а таких ему пришлось тогда пережить много - начальство всегда выдвигало на первый план этого человека, как лучшего среди штабных офицеров оратора, как общепризнанного авторитета в разбиравшихся вопросах. Этим офицером был капитан 1-го ранга* Александр Васильевич Колчак...

Колчак того времени имел громадное влияние..."

Возрождение флота, получение огромных средств на строительство мощных кораблей, реорганизация управления военно-морскими силами, освоение новых методов ведения боевых действий - все это было во многом и личной заслугой штабного работника, капитана 2-го ранга А.В. Колчака.

Путь к достижению этих целей был нелегким. Дело с ассигнованиями на нужды военно-морского флота, весь процесс его реорганизации затормозился, даже чуть было не сорвался в связи с тем, что морским министром в начале 1909 г. был назначен С.А. Воеводский, и вместе с тем вскоре умер начальник Морского Генерального штаба Л.А. Брусилов. С.А. Воеводский вступил в ссору с Государственной думой, начал переделывать запущенную уже в действие программу строительства кораблей и возрождения флота вообще. Дело, за которое так долго, упорно и, в конечном итоге, успешно боролся Колчак, затормозилось. Он был до глубины души возмущен этими обстоятельствами. "На меня это, - отмечал он, - подействовало самым печальным образом, и я решил, что при таких условиях ничего не удастся сделать, и потому решил дальше заниматься академической работой. Я перестал работать над этим делом и начал читать

* В то время А.В. Колчак был еще капитаном 2-го ранга.

лекции в Морской академии, которая была тогда образована. Я читал лекции несколько месяцев и решил, что лучше вернуться к научной работе”.

Колчак по-прежнему остро интересовался проблемами севера, северного морского пути, входил в одноименную комиссию. Как уже отмечалось, он продолжал научные исследования. Главное гидрографическое управление морского министерства возглавлял генерал-майор А.И. Вилькицкий³⁵, являвшийся также полярным исследователем, хорошо знавшим А.В. Колчака. Он рассматривал вопрос об исследовании и открытии Великого Северного пути из Атлантического в Тихий океан.

Проявлял к этому интерес и Совет министров России. На заседании Совета министров 7 апреля 1908 г. было признано необходимым “в возможно скором времени связать устья Лены и Колымы с остальными частями нашего Отечества, как для оживления этого обширного района северной Сибири, отрезанного ныне от центра, так и для противодействия экономическому захвату этого края американцами, ежегодно посылающими туда из Аляски свои шхуны для меновой торговли с прибрежным населением”.

А.И. Вилькицкий, поддержанный правительством, решил организовать экспедицию и сделал А.В. Колчаку предложение включиться в ее подготовку и быть в числе руководителей. Колчак принял это предложение. Продолжая службу в Генеральном штабе, он вместе с Ф.А. Матисеном³⁶ разработал проект экспедиции и подал его Вилькицкому. В нем важное место отводилось использованию стальных судов ледокольного типа, причем не таких, как “Ермак”. Тот рассчитан был на ломку льда. Но океанский полярный лед никакое судно ломать, колоть было не в состоянии. Целесообразней была конструкция, рассчитанная на раздавливание льда, с использованием для этого веса корабля. Опыт участия в экспедициях, изучение недостатков конструкций яхты “Заря” и “Ермака”, построенного по идее и под руководством С.О. Макарова, натолкнули Колчака и его друзей на мысль о постройке кораблей типа “Фрама” Ф. Нансена. Но в противоположность “Фраму” новые корабли должны были иметь стальной корпус. Это была идея того типа ледокола (фактически “ледодава”), которая легла в основу ледокольного флота в последующем и находится на вооружении кораблестроителей поныне.

Проект Колчака был одобрен. Он добился освобождения в Морском Генштабе и причисления к Главному гидрографическому управлению. 26 апреля

Начальник Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в 1913-1915 гг. Карской экспедиции в 1919 г., организованных с участием А.В. Колчака, капитан 1-го ранга Б.А. Вилькицкий.

1909 г. Колчак выступил с докладом “Северовосточный проход от устья реки Енисея до Берингова пролива” в Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта. Докладчик рассказал об экспедициях В. Беринга, Ф.П. Врангеля, П.Ф. Анжу, Н.А. Норденшельда, Ф. Нансена, Э.В. Толля, остановился на физико-географической и метеорологической обстановке, условиях навигации и требованиях, предъявляемых к судам. Информация и суждения его были восприняты и оценены по достоинству. К нему все определеннее “прилипало” почтительное прозвание “Колчак-полярный”.

Еще будучи генштабистом и позднее А.В. Колчак исключительно большое внимание уделяет подготовке экспедиции, особенно конструированию и строительству ледокольных судов. “Я считал необходимым иметь, - рассказывал Колчак потом, - два таких судна, чтобы избежать случайностей, неизбежных в такой экспедиции... Все свободное время я работал над этим проектом, ездил на заводы, разрабатывал с инженерами типы судов”.

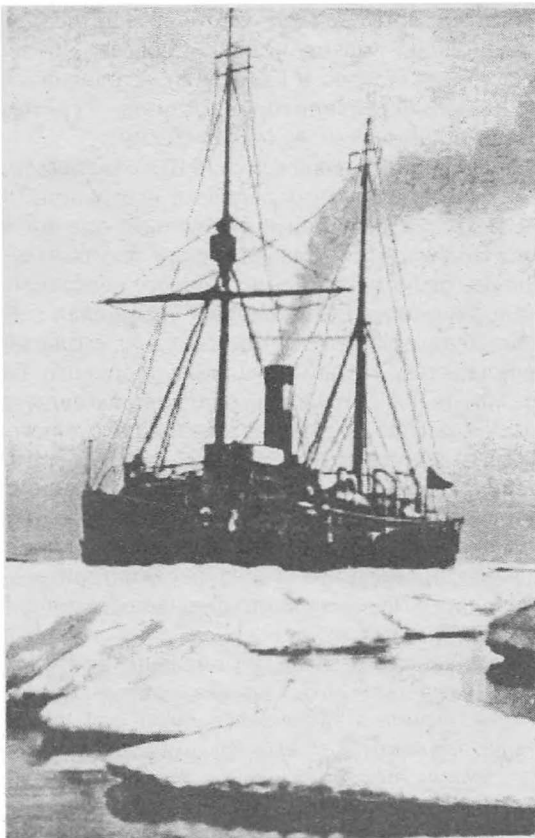
Ближайшим помощником А.В. Колчака был Ф.А. Матисен, участвовавший вместе с ним в экспедиции барона Э.В. Толля. По чертежам корабельного инженера Р.А. Матросова, который хорошо воспринял и усвоил изложенную ему идею, на Невском судостроительном заводе в Петербурге были заложены два ледокольных судна - “Таймыр” и “Хатанга”, сразу же переименованная в “Вайгач”. За их строительством постоянно наблюдал Колчак.

Говоря об участии Колчака в разработке типа ледоколов, в последующем строительстве военных кораблей, следует указать на познания его в технике. Будучи еще кадетом, гардемаринном, Колчак много времени проводил на Обуховском заводе, изучал металлургическое дело, технологию, даже освоил специальность слесаря. Приобретенные тогда познания и навыки существенно помогли теперь.

В 1909 г., летом, ледоколы были спущены на воду. Водоизмещение судов было одинаковым - по 1200 тонн. “Вайгач”, которым предстояло командовать Колчаку, имел длину 54 и ширину 11 метров, скорость - 10,5 узла. Корабли были хорошо оборудованы для проведения исследований. Будучи построенными военным ведомством, они считались военными, имели на вооружении пушки и пулеметы. Степень надежности, непотопляемости их была небывало высокой, и они долго и надежно служили исследовательским и спасательным целям, позволили сделать крупнейшие открытия. В частности, в 1913 г. капитан 2-го ранга Б.А. Вилькицкий³⁷ открыл архипелаг Северная земля, а в 1914-1915 гг. был проложен Северный морской путь. “Вайгач” затонул в 1918 г., наскочив на подводную скалу в Енисейском заливе, а “Таймыр” плавал долго, в 1938 году он участвовал в снятии с льдины полярной станции папанинцев. К сожалению, в советской литературе заслуги Колчака перед Отечеством в создании этих судов и в развитии ледокольного флота вообще замалчивались. Как и другие его заслуги, между прочим.

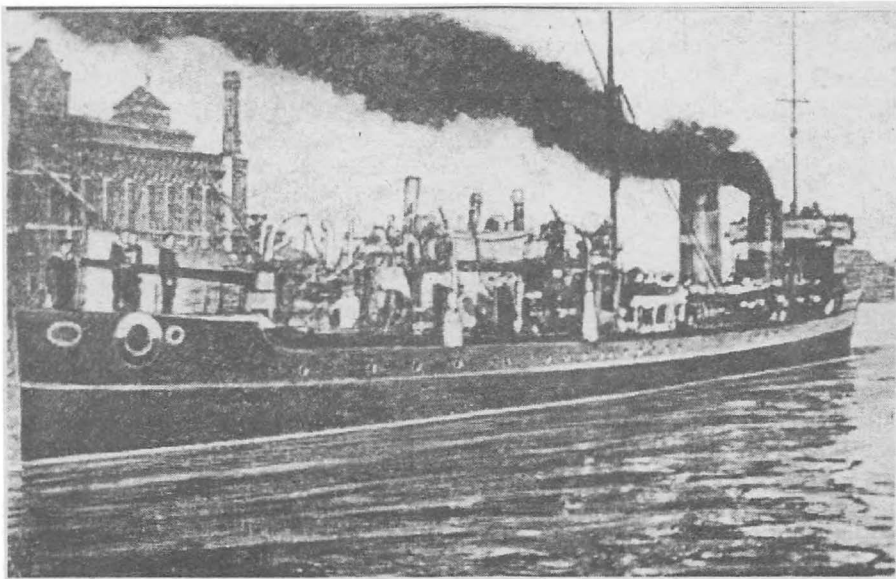
К осени 1909 г. корабли были приготовлены к плаванию на Дальний Восток. В смете снаряжений экспедиции Колчак определил ее цели: “Эти транспорты, приняв полный запас угля со специально посланного для этой цели судна, используют навигационный период на гидрографические работы в районе Берингова пролива до устья реки Лены и ко времени прекращения плавания в Ледовитом океане уйдут во Владивосток с тем, чтобы в следующем году продолжать дальнейшие работы по исследованию Северного Ледовитого океана”.

27 октября 1909 г. корабли направились из Петербурга через Суэцкий канал во Владивосток (“Вайгач” под командой А.В. Колчака и “Таймыр” - Ф.А. Матисена). Уже на пути следования проводились научные наблюдения.

Ледокол "Вайгач", капитаном которого, будучи и руководителем полярной экспедиции в 1909-1910 гг., был А.В. Колчак.

Эскадронный миноносец "Пограничник", которым в 1913-1914 гг. командовал капитан 1-го ранга А.В. Колчак.

3 июля 1910 г. суда прибыли во Владивосток, несколько позже, чем следовало, для осуществления плавания в Арктику. Во Владивосток сушей еще позднее - 9 августа - прибыл и начальник экспедиции полковник И.С. Сергеев. Причиной задержки послужила длительная остановка судов в Гавре для устранения конструктивных недостатков судов и аварийной неисправности на "Таймыре" (в связи с этим Матисен был отозван и заменен А.А. Макалинским).

Главное гидрографическое управление на навигацию 1910 г. поставило ограниченные задачи: пройти в Берингов пролив и обследовать его район, имея основным пунктом для съемок и больших астрономических наблюдений мыс Дежнева, на зимовку вернуться во Владивосток. Главная часть программы откладывалась на весну 1911 г. Задание было частично выполнено, необходимые научно-исследовательские работы в районе мыса, в которых участвовал и Колчак, завершены. По возвращении во Владивосток А.В. Колчак узнал о благоприятных переменах в морском министерстве. Новый начальник Морского Генерального штаба князь А.А. Ливен, как и Л.А. Брусилов, разделял взгляды прогрессивно настроенных офицеров. Повысилось влияние товарища министра и представителя министерства в Государственной думе капитана 1-го ранга (с 1911 г. - контр-адмирала) И.К. Григоровича³⁸. Недовольство действиями министра С.А. Воеводского нарастало. Чуть позднее, в 1911 г., он был смещен и его кресло занял И.К. Григорович. Колчака просили приехать в Петербург и продолжить работу в Генеральном штабе по проведению в жизнь судостроительной программы. После некоторого колебания Колчак на предложение ответил согласием и зимой приехал в столицу.

Экспедиционные работы в следующем году были продолжены без него, но с использованием и его идей, под руководством И.С. Сергеева, затем Б.А. Вилькицкого. В 1911-1915 гг. экспедиция изучила наиболее трудный для плавания участок у берегов Таймыра, открыла пролив Б.А. Вилькицкого, Землю императора Николая II (потом - Северная земля), остров царевича Алексея (мыс Таймыр), остров А.И. Вилькицкого и другие, сделала практические шаги по прокладыванию трассы Северного морского пути. Затем этот путь - от Владивостока до Архангельска был проложен. Основные работы были проведены уже под руководством Б.А. Вилькицкого. Хотя многие материалы экспедиции в июле 1918 г. при подавлении антибольшевистского выступления в Ярославле погибли, все же оставшаяся их часть использовалась потом при освоении Арктики еще целые десятилетия. Картами и лоциями экспедиции полярники пользовались и в 30-е годы.

На этом непосредственная, столь плодотворная и значимая деятельность А.В. Колчака, как полярного путешественника и исследователя закончилась. Однако мысли о далеком сибирском севере его не оставляли. Он, в частности, в 1912 г. участвовал в обсуждении плана экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу, указывал на его серьезные недостатки.

Будучи в 1918-1920 гг. Верховным правителем России и находясь в Сибири, он также проявлял большой интерес и заботу об исследовании Заполярья. Тогда же - в 1910 г. - задуманное в изучении севера, арктических морей было прервано Колчаком, что называется на полпути из-за не менее важных для страны дел - укрепления ее обороны, флота, предупреждения его разгрома несравненно более мощным флотом Германии. Тем не менее, и то, что было сделано, заслуживает глубокой благодарности потомков. Академик Ф.Н. Чернышев, участник Шпицбергенской экспедиции, отмечал, что даже "норвежцы не решаются делать такие отважные путешествия, как А.В. Колчак".

Со времени возвращения в Морской Генеральный штаб на прежнюю должность начальника оперативного отдела по Балтийскому флоту, А.В. Колчак на

протяжении 1911-1912 гг. проделал исключительно большую работу. Он главным образом осуществлял доводку судостроительной программы и ее реализацию, как и подготовку флота к войне в целом. Теперь работа была более плодотворной, ибо исчезли прежние препоны. По этой программе, соавтором которой был А.В. Колчак, строились корабли мощные, быстроходные, маневренные, с сильным вооружением. Потом, уже во время войны, стали вступать в строй линкоры типа "Севастополь", сверхдредноуты - крейсера типа "Измаил", новые подводные лодки т.д.

В осуществлении судостроительной программы Колчак особенно тесно взаимодействовал с Н.О. Эссенем³⁹, вице-адмиралом, последователем С.О. Макарова. В 1911 г. Эссен был назначен командующим Балтийским флотом, а в 1913 г. он получил звание адмирала. Он прилагал большие усилия к подготовке флота к войне с Германией, к укреплению защиты Кронштадта и других морских баз от атак предполагаемого противника.

В 1912 г. Н.О. Эссен предложил А.В. Колчаку перейти в действующий флот. К этому времени Колчак счел свои задачи по судостроительной программе и по подготовке флота к войне выполненными, штабной работой стал тяготиться и предложение Эссена встретил заинтересованно. Он дал согласие и был переведен в Балтийский флот. Колчак вступил в командование эскадренным миноносцем "Уссуриец". Через год командующий флотом предложил ему должность флаг-капитана, равнозначную сухопутной должности генерал-квартирмейстера. И на это предложение Колчак ответил согласием. Одновременно он командует первоклассным эскадренным миноносцем "Пограничник". Фланг командующего флотом находился на броненосном крейсере "Рюрик". Один из лучших миноносцев "Пограничник" под командованием флаг-капитана постоянно находился при флагмане. Нередко командующий находился и на "Пограничнике"*.

Колчак деятельно участвовал в подготовке флота к выполнению программы военных действий.

Командующий Балтийским флотом адмирал Н.О. Эссен.

* В августе 1913 г. на "Пограничнике" Эссен с участием Колчака принимал Николая II с его свитой. Затем Колчак участвовал в завтраке на царской яхте "Штандарт".

С декабря 1913 г. Колчак - капитан 1-го ранга.

Весной 1914 г. Н.О. Эссен, оставляя А.В. Колчака в должности флаг-капитана, перевел его непосредственно в свой штаб, освободив от командования миноносцем. "В воздухе пахло войной". Опасность ее становилась все более реальной. Колчак, как один из ближайших помощников командующего флотом, целиком сосредотачивается на подготовительных мерах к войне. Он посещает, инспектирует отряды флота, базы, продумывает меры защиты, минирования и т.д.

До начала войны и боевых действий флота оставались считанные недели, дни...

5. В МИРОВОЙ ВОЙНЕ. КОМАНДУЮЩИЙ ФЛОТОМ

Надвигавшуюся мировую войну предвидели многие. Она была порождена противоречиями между целыми группами государств, образовавшими два блока - германо-австрийский и Антанту (сердечное согласие). Наиболее острыми были противоречия между Великобританией, с ее огромными колониальными владениями, и Германией, экономически усилившейся и почти не имевшей колоний. Вопрос о том, могла ли Россия избежать войны, целесообразно ли было ей в тогдашних условиях вступать в нее, остается дискуссионным до настоящего времени. Одно несомненно, что Россия оказалась втянутой в войну недостаточно подготовленной. К тому же она раздиралась социально-политическими противоречиями, правящие круги недооценили внутреннюю и внешнюю опасности и, бросая страну и ее народ в войну, обрекли их на катаклизмы и страдания. Война, которую определенно предвидел А.В. Колчак, оказалась лично для него и вершиной взлета, и временем крушения жизненных идей и планов.

О неизбежности войны с Германией и ее союзниками, о том, что она начнется вот-вот, А.В. Колчак узнал от Н.О. Эссена. Колчак в это время находился в отряде подводного плавания, в Балтийском порту. Эссен вызвал его в Ревель (Таллинн). При встрече заявил, что разрыв с Германией и Австро-Венгрией почти неминуем и что надо готовиться к выполнению того плана, который ими был выработан. А он базировался на том, чтобы в наиболее узкой части Финского залива, между Паркалаудом и Наргеном, поставить сильное минное поле, которое защищалось бы имеющимися малыми силами флота. Такое заграждение призвано было предотвратить прорыв немецких кораблей в восточную часть Финского залива и дало бы выигрыш во времени для проведения мобилизационных мер. Вместе с тем планом предусматривались атаки на корабли противника, несмотря на их многочисленность и мощь.

Первая мировая война на море кардинально отличалась от прежних. Если раньше победа добывалась в открытых морских сражениях, просто и наглядно, то теперь борьба становилась куда более сложной, разносторонней. Особое значение приобрели оборонительные меры, в частности и прежде всего минные заграждения. В овладении этим средством был залог успеха. А.В. Колчак оказался непревзойденным мастером ведения минной войны.

Н.О. Эссен и его штаб, на свой страх и риск, без приказа из Питера, приступили к реализации плана, к созданию 8 линий заграждения из многих и многих тысяч морских мин. Когда вся подготовительная работа, вывод кораблей были завершены и уже приступили к установке мин, из Морского Генерального штаба поступила телеграмма-молния: "Ставьте минные заграждения". Через несколько

часов было получено известие об объявлении войны. Упреждающие меры командования флотом оказались исключительно своевременными. Германский флот, как уже отмечалось, был сильнее, многократно превосходил по численности и мощи русский Балтийский. Он имел корабли типа дредноутов, в то время, как Россия, из-за отмечавшихся нами причин, запаздывала с их строительством. Ввод их в действие начался только с осени 1914 г. А в начале приходилось полагаться только на устаревшие броненосные крейсера "Рюрик" и "Андрей Первозванный". То же самое было с подводными лодками. В наличии было лишь несколько устаревших. Новые появились и вступили в борьбу уже в разгар войны. Эти крупные изъяны в подготовке флота России к войне, которые всеми силами на протяжении ряда лет стремились преодолеть А.В. Колчак и поддерживавшие его единомышленники, как раз и были смягчены максимальным использованием минных заграждений, причем не только в качестве оборонительного средства. Отважные русские моряки при самом деятельном и непосредственном участии Колчака неоднократно и удачно блокировали в собственных водах и портах вражеские корабли, причиняли флоту Германии большие потери.

Первые два месяца войны А.В. Колчак продолжал исполнять должность флаг-капитана. Он вел разработки оперативных заданий, планов, операций. И в отличие от обычных штабных работников стремился всякий раз к непосредственному участию в бою. В ряде случаев на боевые задания с кораблями выходил и сам командующий флотом Н.О. Эссен, также человек большого мужества. Несмотря на немецкое происхождение, он был большим патриотом России.

В мае 1915 г. Эссен скончался; командующим флотом стал вице-адмирал В.А. Канин, куда менее одаренный и нерешительный человек. Роль А.В. Колчака возросла. Он порой фактически выступал в роли руководителя боевых действий соединений флота.

Командованию флота удалось не только предотвратить прорыв немцев к Кронштадту, в восточную часть Финского залива, но и расширять и укреплять свои позиции. Защищен был Финский залив и развита активность в Ботническом заливе, где удачно использовались шхеры. Хотя в задачу флота не входила оборона огромного Рижского залива, тем не менее и здесь были предприняты меры защиты: вход из Балтийского моря был заминирован. В августе 1915 г. германскому флоту удалось вытравить проход и войти в залив, но заграждения сделали свое дело: было выиграно время, несколько миноносцев противник потерял, они подорвались на минах, получили серьезные повреждения и некоторые крейсера. Из-за угрозы новых потерь немцы вскоре из залива ушли. А это привело потом и к неудаче наступления их сухопутных сил на Ригу, ибо они не были поддержаны флотом.

Наиболее поражающими умением и отвагой были операции, проведенные под руководством А.В. Колчака, который вступал в командование специальными отрядами кораблей по постановке минных заграждений в расположении противника. Так, отряд крейсеров под командованием Колчака пробрался за остров Борнхольм, прошел до Карколи и под новый, 1915 год, поставил там заграждения.

В феврале 1915 г. Колчак возглавил поход отряда из 4-х миноносцев и вышел к Данцигской бухте. Время было зимнее, в море - масса льда. В преодолении этих естественных препятствий Колчак использовал свой опыт плавания в Арктике. Миноносцы, которые, с их слабыми бортами, могли при неумелом вождении погибнуть при первом же столкновении с крупной льдиной, благополучно прибыли к месту операции. Поход отряда увенчался большим успехом: было выставлено 200 мин, на которых подорвались 4 крейсера, 8 миноносцев и 11 транспортов противника.

Командующий германским Балтийским флотом принц Генрих Прусский вынужден был приказать кораблям не выходить в море, пока не будут найдены средства для борьбы с русскими минами.

Осенью 1915 г. Колчак вступает во временное командование минной дивизией, а затем (в декабре) утверждается в этой должности, и одновременно становится командующим морскими силами Рижского залива. На долю дивизии и всех этих сил выпала задача отражения крупномасштабного наступления немцев как на суше, так и на море.

В августе 1915 г. немецкое командование активизировало свои действия против русских армий Западного и Северного фронтов. В конце месяца немцам удалось прорвать оборону в районе Свенцяны и выйти в тыл 10-й армии. Окружить ее немцам не удалось, но русским пришлось отступить.

Активизировали свои действия немцы и севернее, в приморских районах. Осенью 1915 г. они высадили крупный десант на южном берегу Рижского залива, вели немцы наступление и южнее. Противостояла им 12-я армия под командованием генерала Р.Д. Радко-Дмитриева. Колчак встретился в Риге с командующим армией. Договорились о плане совместных действий. В соответствии с ним Колчак вышел с главными силами к южному берегу залива. И как раз вовремя. Немцы развернули наступление на правый фланг 12-й армии, захватили Кеммерн, создали прямую угрозу Риге. Используя береговые батареи, орудия кораблей, Колчак обеспечил подавление батарей противника. Высаживая десанты, он помог выправить положение. Большое значение имело также и то, что до этого вынужден был удалиться из Рижского залива германский флот, в результате сухопутные силы немцев поддержки с моря не получили. Немецкие войска с большими потерями были выбиты из Кеммерна и отброшены. Наступление противника, непосредственно угрожавшего Риге, было остановлено, и участок фронта на долгое время стабилизировался. За эту операцию Колчак был награжден высшим орденом Св. Георгия IV степени. Получал он в ходе войны и другие награды*.

А.В. Колчак и до вступления в командование дивизией слыл крупнейшим специалистом в минном деле. Он это доказал отчасти уже в 1904 г. в русско-японской, а теперь - и в мировой войне. Колчак прилагал огромные усилия к совершенствованию боевой и специальной подготовки офицеров и матросов, доводил это военное ремесло до высшей степени совершенства. Он не только руководил действиями дивизии, но и сам изобретал мины, разрабатывал методы и технику их установки.

В числе крупнейших операций, выполненных дивизией, была установка по плану Колчака минных заграждений у порта Виндавы (Вентспилса), захваченного немцами и превращенного в стоянку большого отряда своих кораблей. Минирование произведено было ночью, быстро и совершенно не заметно для противника. В результате немцы потеряли крейсер и несколько миноносцев. В конце декабря 1915 г. под руководством Колчака была предпринята попытка установить также заграждения у Либавы (Лиепай) и Мемеля (Клайпеды). Но в связи с тем, что в пути один из миноносцев подрвался на немецкой мине и его пришлось спасать, тащить полузатопленным в свою гавань, операция сорвалась. Это была единственная неудача дивизии и ее командира. Колчак многократно выхо-

* Был награжден орденом Св. Владимира III степени и "Подарком из кабинета Его Императорского Величества".

дил во главе группы кораблей в море для сторожевой службы, охоты за судами противника и борьбы с его укреплениями на берегу. Во время такого выхода был, в частности, уничтожен сторожевой корабль "Виндава". С несколькими быстроходными миноносцами под прикрытием отряда крейсеров, которыми командовал контр-адмирал П.Л. Трухачев, Колчак, имевший достоверную информацию о выходе из Стокгольма каравана немецких судов под охраной одного крейсера, напал на него, рассеял и потопил этот крейсер. И всякий раз Колчак проявлял умение, находчивость, храбрость, физическую неутомимость. Он заражал подчиненных своим примером, вызывал у них восхищение. И их впечатления, восторг от смелых действий командира получали быструю огласку во флоте, в армии, в Петрограде, в стране. Вот отзыв одного из сослуживцев о поведении Колчака в морских походах: "Три дня мотался с нами в море и не сходил с мостика. Бессменную вахту держал. Щуплый такой, а в деле железобетон какой-то! Спокоен, весел и бодр. Только глаза горят ярче. Увидит в море дымок - сразу насторожится и рад, как охотник. И прямо на дым. Об адмирале говорят много, говорят все, а он, сосредоточенный, никогда не устающий, делает свое дело вдали от шумихи. Почти никогда не бывает на берегу, зато берег спокоен". Слава Колчака была заслуженной. Ведь огромна доля его участия в том, что к концу 1915 г. германские потери на Балтике превосходили русские по числу выведенных из строя боевых кораблей в 3,4 раза, а по торговым судам - в 5,2 раза!

В военных условиях в еще большей мере, чем в арктических плаваниях, в научно-исследовательской работе, кораблестроении, морском военном реформотворчестве, выявились таланты Колчака. С каждым днем все отчетливее обнаруживались его данные флотоводца. Если прежде, как я отмечал, продвижение в чинах Колчака шло медленно, то теперь оно стало стремительным. 1916 год для Колчака становится "звездным". 10 апреля ему присваивается звание контр-адмирала, а через каких-нибудь два с половиной месяца, 28 июня, - вице-адмирала. В конце июня 1916 г. последовало назначение А.В. Колчака командующим Черноморским флотом.* Он оказался самым молодым из командующих флотами.

До этого назначения и среди комсостава флота, и в военных верхах возникал вопрос о возможности назначения Колчака командующим Балтийским флотом, ибо становилось ясно, что Канин - неподходящая фигура. После отъезда Колчака командующим Балтийским флотом в сентябре 1916 г. назначили контр-адмирала А.И. Непенина с присвоением ему звания вице-адмирала. Николай II⁴⁰ из моголевской ставки 7 сентября писал жене: "...Приехал Григорович с Русиним⁴¹; по его мнению, в высшем командовании Балтийского флота не все обстоит благополучно. Канин ослаб вследствие недомогания и всех распустил. Поэтому необходимо кем-нибудь заменить его. Наиболее подходящим человеком на эту должность был бы молодой адмирал Непенин, начальник службы связи Балтийского флота: я согласился и подписал назначение. Новый адмирал уже сегодня отправился в море. Он друг черноморского Колчака, на два года старше его и обладает такой же сильной волей и способностями! Дай Бог, чтобы он оказался достойным своего высокого назначения..."

Текст приведенного письма интересен прежде всего в том отношении, что Колчак являлся своего рода эталоном для подбора нового командующего Балтийским флотом.

* Колчаку был определен оклад в 22 тыс. руб. в год и дополнительное морское довольствие. На переезд ему было отпущено 2 тыс. руб.

Начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего войсками России генерал от инфантерии М.В. Алексеев.

Черноморский флот, созданный в 1883 г., в 1917 г. насчитывал свыше 40 тысяч человек, около 400 различных судов, включая 7 линейных кораблей, 2 крейсера, 20 эсминцев, 11 подводных лодок. Его главной базой был Севастополь. Флот, как и приданные ему береговые службы, воинские части, и предстояло возглавить А.В. Колчаку. Затем была сформирована Дунайская военная флотилия, также подчиненная ему.

“Получивши это назначение, - вспоминал Колчак, - я вместе с тем получил приказание ехать в Ставку для того, чтобы получить секретные инструкции, касающиеся моего назначения и командования в Черном море. Я поехал сперва в Петроград и оттуда в Могилев, где находилась Ставка, во главе которой стоял ген. Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего. Верховным главнокомандующим был бывший государь. По прибытии в Могилев, я явился к ген. Алексееву⁴². Он приблизительно в течение полутора или двух часов подробно инструкти-

ровал меня об общем политическом положении на нашем западном фронте. Он детально объяснил мне все политические соглашения чисто военного характера, которые существовали между державами в это время, и затем после этого объяснения сказал, что мне надлежит явиться к государю и получить от него окончательные указания. Указания, сделанные мне Алексеевым, были повторены и государем.* Они сводились к следующему: назначение меня в Черное море обуславливалось тем, что весной 1917 г. предполагалось выполнить так называемую Босфорскую операцию, т.е. произвести удар на Константинополь. Все это находилось в связи с положением на нашем южном или левом фланге”.

На вопрос Колчака, почему именно его, служившего на Балтийском флоте, назначили командующим Черноморским флотом, генерал-адъютант М.В. Алексеев сказал, что это общее мнение - по своим личным свойствам он может выполнить операцию успешнее, чем кто-либо другой. Очевидно, ставка учитывала опыт Колчака по вторжению в расположение противника, осмотрительные

* Это была третья и последняя встреча Колчака с царем. Помимо названной ранее встречи в августе 1913 г., имела место таковая в 1915 г. на борту крейсера “Россия” в Гельсингфорсе.

действия и в то же время безграничную смелость, умение поднимать на подвиги моряков. В намечавшейся грандиозной операции по высадке десанта на территории Турции и захвату проливов Босфор и Дарданеллы личные данные и флотоводческий талант Колчака были бы необходимы. Да и сам Колчак, не будучи еще на Черном море, оказывается, размышлял над возможностью Босфорской операции и примерным ее планом.

Говоря о выдающихся качествах Колчака как флотоводца, о его широком признании и возроставшей славе, отмечу все же, что импонировал А.В. Колчак как личность и военный специалист далеко не всем. Для объективности и подтверждения этого можно привести отзыв, похожий на донос, его сослуживца А.А. Саковича в письме к адъютанту морского министра. "Колчак А.В., - писал Сакович, - с задатками военного человека, но... и в этом "но" все: он прежде всего не оператор, не творец военной идеи, а только честный начальник-исполнитель. Колчак потому прежде всего не оператор, что он абсолютно не признает системы там, где без нее не обойтись, оттого, что он слишком впечатлителен и неверен, оттого, что он совершенно не знает людской психологии. Его рассеянность, легкомыслие и совершенно неприличное состояние нервов дают богатейший материал для всевозможных анекдотов. Такой человек, как он, не может оказать благотворное влияние на общий ход событий, потому что деятельность его спорадична, очень редко обоснована и почти всегда всем крайне неприятна".

В отзыве явно сквозит личная неприязнь к Колчаку. Совершенно нельзя согласиться, что Колчак не был "творцом военной идеи", а лишь исполнителем. Дело обстояло, пожалуй, как раз наоборот. Автору письма претил творческий, нестандартный подход к решению оперативных и тактических задач, поэтому он и говорит о некоем "непризнании системы" Колчаком. Но тот был отлично образованным моряком и, надо полагать, оставлял в стороне устаревшие или в конкретной ситуации не подходившие стандартные решения, действовал в соответствии с обстановкой в интересах дела. Его послужной список, руководство группами кораблей и минной дивизией на Балтике свидетельствует тому. Но это область специальная. О ней судить историку военно-морского дела. Правда, забегая вперед, скажем, что командование более крупным военно-морским соединением на Черном море - целым флотом сопровождалось у Колчака не только несомненными успехами, но и упущениями, срывами. Однако они проистекали

Вице-адмирал А.В. Колчак.

Группа адмиралов и офицеров на крейсере "Россия" во время посещения императором Николаем II кораблей Балтийского флота в 1915 г. В центре сидит Николай II и командующий флотом адмирал И.О. Эссен (справа). Во втором ряду слева третьим сидит А.В. Колчак.

не лично от него самого, а от подчиненных. А вот нервно-психологические черты Колчака подмечены в общем верно. Уже тогда с его нервной системой было не все благополучно. В дальнейшем это стало особенно заметно. Как историк, изучивший поведение Колчака в роли Верховного правителя, склоняюсь к мнению, что психологом он был слабым. Излишняя прямолинейность и доверчивость мешали ему часто. Окружение он подбирал далеко не лучшим образом. Тем не менее, Колчак умел воздействовать на подчиненных, очевидно, своей честностью, умом, силой примера. И если кому-то он не нравился, то таких было сравнительно немного. Основная же масса офицеров и матросов его уважала. Рассказывали о нем не только "всевозможные анекдоты", но и легенды. Колчак стоял в ряду наиболее знаменитых адмиралов в истории русского флота. Авторитет его, как флотоводца, был исключительно высоким.

Завершая рассказ о балтийском периоде деятельности А.В. Колчака, нельзя не сказать, что в то время пришла к нему страстная и взаимная любовь к прекрасной женщине - Анне Васильевне Тимиревой, которая продолжалась до конца его жизни. Встреча с Тимиревой захватила его, заполнила сердце на годы. Он не развелся с женой, не оставил семью, но сложившаяся жизненная ситуация - "треугольник" - стала фактом. Поскольку у Колчака с Тимиревой шла длительная переписка, с нею он делился не только чувствами, но и служебными заботами, своими взглядами.

По описаниям многих, знавших Тимиреву, она была женщиной редкой красоты и обаяния, умной, разносторонне образованной. Иногда ей приписывали аристократическое происхождение и даже называли княжней. Но Тимирева была аристократкой по духу, по воспитанию. Ее отец - В.И. Сафонов был широко известным пианистом, дирижером и педагогом. Длительное время работал за границей. Был директором Московской и Национальной Нью-Йоркской консерваторий. Его отцом, т.е. дедом Тимиревой, был И.И. Сафонов - генерал-лейтенант Терского казачьего войска. Корни Сафоновых - в казачестве.

Уже в годы гражданской войны член миссии французского генерала М. Жанена П. Бержерон в дневнике записал: "Тимирева. Просто женщина, и

А.В. Тимирева-Книппер.

Подруга, затем гражданская
жена А.В. Колчака А.В. Ти-
мирева.

этим все сказано”. А потом добавил: “Мне действительно почти нечего добавить к характеристике Анны Тимиревой. Редко в жизни мне приходилось встречать такое сочетание красоты, обаяния и достоинства. В ней сказывается выработанная поколениями аристократическая порода, даже если, как поговаривают, она по происхождению из простого казачества. ...Я убежденный холостяк, но, если бы когда-нибудь меня привлекла семейная жизнь, я хотел бы встретить женщину, подобную этой”.

А.В. Тимирева в пору знакомства с А.В. Колчаком в начале первой мировой войны - жена балтийского офицера, позднее - контр-адмирала С.Н. Тимирева, героя русско-японской войны. После того, как жена оставила его в 1918 г. ради Колчака, С.Н. Тимирев находился на Дальнем Востоке, был командующим морскими силами белых в этом районе.

Анна Васильевна родилась в 1893 г. в Кисловодске. В Петербурге по окончании гимназии княгини Оболенской занималась живописью. Свободно владела французским и немецким языками. А.В. Колчак и А.В. Тимирева познакомились в Гельсингфорсе, где размещался штаб Балтийского флота. Шел тогда военный 1914 год. В последующие два года виделись они редко, как правило, в кругу общих знакомых. Новое назначение Колчака положило начало долгой разлуке и, ставшей уже теперь знаменитой, переписке.

А.В. Колчак, приехав в Севастополь из Ставки, принял Черноморский флот от вице-адмирала А.А. Эбергарда быстро, в течение одного дня (6 июля), и весьма своеобразно. Как вспоминал М.И. Смирнов, командовавший прежде в дивизии А.В. Колчака миноносцем и приглашенный им на новое место службы в качестве флаг-капитана флота, “в первый же день прибытия в Севастополь, тотчас по вступлении Колчака в командование флотом, было получено известие секретной разведки о том, что крейсер “Бреслау” вышел из Босфора в Черное море в неизвестном направлении. Адмирал Колчак хотел немедленно выйти с флотом в море для встречи с “Бреслау”, но оказалось, что выход флота в море в ночное время не организован, а также, что выходные фарватеры не протралены и протраление их займет шесть часов времени, поэтому если начать траление на рассвете в три часа, то флот может выйти в море в девять часов утра. Стало ясно, почему, несмотря на прекрасно организованную секретную агентуру, флот никогда не мог выйти вовремя в море для встречи противника, который успевал делать набег на наши берега. Адмирал Колчак тотчас же дал указания начальнику охраны Севастопольских рейдов организовать ночной выход флота в море с тем, чтобы эта новая организация уже действовала через двое суток, когда мы будем возвращаться с моря. Утром флот Колчак вывел, около 4 часов дня настиг врага на пути к Кавказскому побережью. Приблизившись на 90 кабельтов, флагман-линкор “Императрица Мария” дал по “Бреслау” залп, который накрыл его. Противник поспешил выпустить дымовую завесу и, пользуясь быстродностью, двинулся восвояси, не выполнив задания. Хотя шансов догнать немецкий крейсер у кораблей Колчака не было, он преследовал его до вечера. С этого времени как этот, так и другой немецкий быстроходный крейсер “Гебен”, не отваживались выходить в море и нападать на российское побережье. По отработанным на Балтике методам через некоторое время под своим личным руководством Колчак провел минирование Босфора, турецкого побережья, которое затем повторялось, и практически вообще лишил противника возможности активных действий. “Гебен” подорвался на минах и вообще вышел из строя. Подорвались на минах 6 вражеских подводных лодок. В соответствии с замыс-

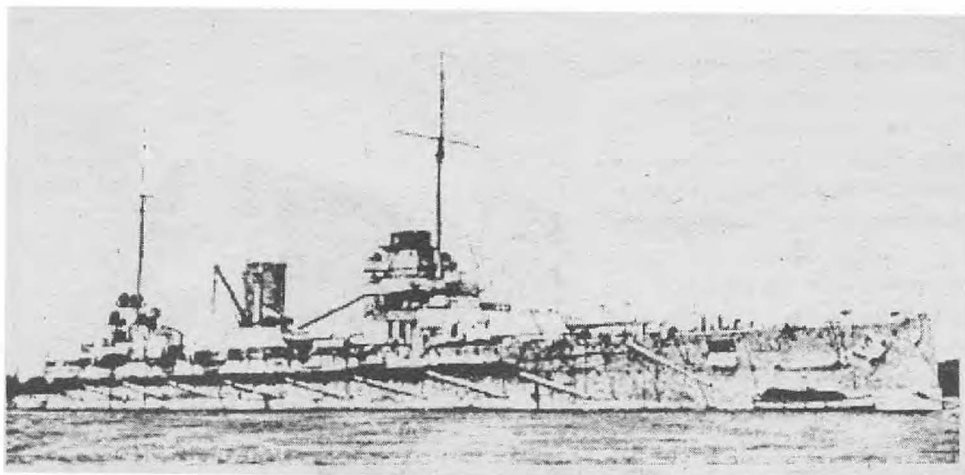
лом командующего, мины ставили, по возможности, не далее пяти миль от берега с тем расчетом, чтобы при необходимости можно было бомбардировать Босфорские укрепления с моря. Кроме того, было организовано постоянное наблюдение за портами противника, состоянием минных заграждений. Близ них, т.е. у берегов Турции, постоянно курсировали миноносцы, с которыми нередко выходил в плавание и Колчак”.

Положение на Черном море радикально изменилось. Прежние пассивные действия флота, имевшего превосходство над немецко-турецким флотом, сменились активными, обеспечившими господство на море. Это уже был важный и необходимый шаг к подготовке десантирования русских войск на турецкое побережье. Но черноморскому периоду карьеры Колчака сопутствовали, как уже упоминалось, и от-

дельные неудачи, материальные потери, которых могло не быть. Наиболее значительной из них была гибель флагмана, линейного корабля “Императрица Мария”. Линкор был заложен в 1913 г., как раз по программе, одним из разработчиков которой был А.В. Колчак. Спустили его на воду в Николаеве и ввели в строй летом 1915 г. Несчастье случилось утром 7 октября 1916 г. на Севастопольском рейде в результате пожара под носовой башней, повлекшего за собой 25 взрывов боевых запасов. Колчак сам руководил работами по затоплению погребов трех других башен и по локализации пожара. Этими мерами были спасены рейд и город, однако после последнего (более сильного, чем предыдущие) взрыва корабль опрокинулся и затонул. Погибло (вместе с умершими от ран) до 300 моряков. Работала комиссия, которая с полной достоверностью установить причину пожара не смогла, но не исключала “злого умысла”, т.е. диверсии. Могло случиться и самовозгорание пороха. Колчаку приписывают слова: “Как командующему, мне выгоднее предпочесть версию о самовозгорании пороха. Как честный человек, я убежден: здесь диверсия”. В наше время появилась публикация, в которой утверждается, будто ОГПУ в 1933 г. выяснило, что германской разведкой была проведена диверсия. Конечно же, при любой причине пожара и последовавшей гибели корабля это вредило репутации командующего флотом.

**Командующий Черноморским флотом
вице-адмирал А.В. Колчак.**

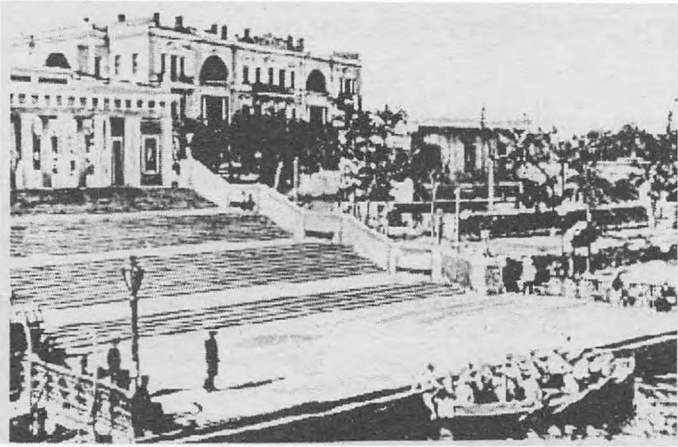

Германский эскадренный крейсер Турецкого флота "Гебен", подорвавшийся на минных заграждениях, поставленных под руководством А.В. Колчака.

На минном заграждении у берегов Румынии взорвался и погиб миноносец "Беспокойный". Случилась авария на линкоре "Екатерина Великая": при входе в бухту он наскочил на бон (морское заграждение) и намотал сети на винты. Дав полный задний ход, линкор сильно развернулся и, идя по инерции, сел на мель. Однако в результате принятых мер его удалось с мели снять. Были потери и транспортных кораблей.

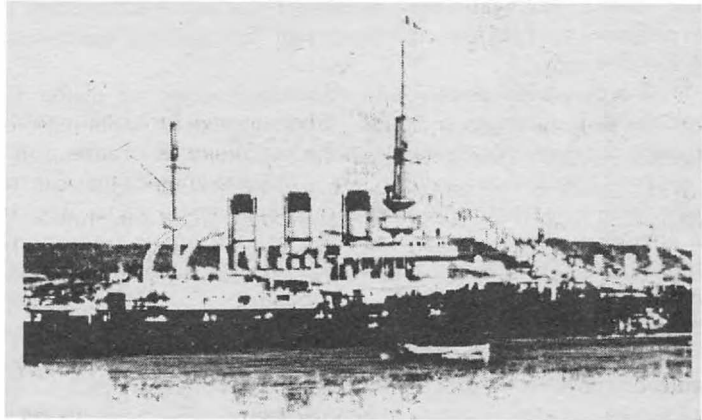
Но в целом Черноморскому флоту сопутствовали большие успехи. Они были достигнуты и в таком сложном деле, как борьба против подводных лодок противника. В итоге их удалось надолго "загнать" в свои порты. Противнику были нанесены значительные потери, он по существу лишился возможности выхода в море, нападения на русские корабли и прибрежные базы и пункты.

А.В. Колчак констатировал: "Таким образом, в Черном море наступило спокойное положение, которое дало возможность употребить все силы на подготовку большой Босфорской операции". Предполагалось сочетать действия сухопутных сил на крайнем, южном крыле Румынского фронта и флота. В распоряжение командующего Черноморским флотом Колчака для десантирования передавалась пехотная дивизия ударного типа (начальник генерал-майор А.А. Свечин, начальник штаба полковник А.И. Верховский). Мыслилось, что в операции примут участие, наступая по Эгейскому морю, британские флот и десант. В дальнейшем речь шла и о возможном соучастии в операции войск США. Однако, еще до наступления весны 1917 г. (намечавшегося времени начала проведения операции) выяснилось, что этот план неосуществим в связи с крупными неудачами на Румынском фронте и другими обстоятельствами. Оставалось надеяться на частичное осуществление плана путем проведения лишь десантной операции. В дальнейшем, в связи с революционными событиями, разложением русских войск, план рухнул вообще.

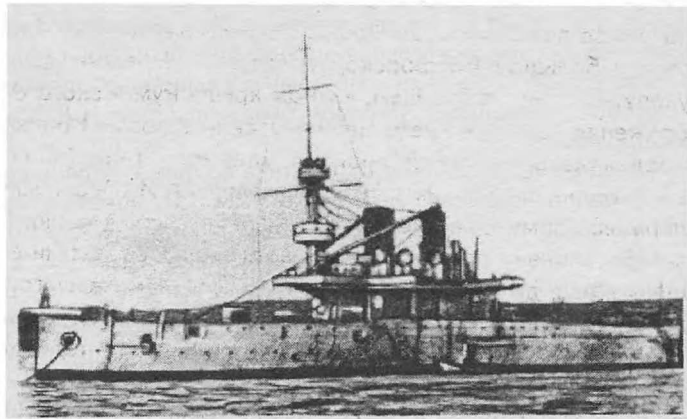

Графская пристань в Севастополе, близ которой находился штаб Командующего Черноморским флотом вице-адмирала А.В. Колчака.

Эскадренный броненосец "Святой Пантелеймон" (бывший князь Потемкин Таврический, с мая 1917 г. - "Борец за свободу"), входивший в состав Черноморского флота.

Броненосный крейсер "Георгий Победоносец" (в дальнейшем - "Свободная Россия") - флагманский корабль Черноморского флота.

6. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. НЕПОСИЛЬНАЯ БОРЬБА ЗА СПАСЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ БОЕСПОСОБНОСТИ ФЛОТА

Ухудшение положения в армии и флоте, снижение их боеспособности напрямую были связаны с состоянием тыла. Недостаточная подготовка России к войне, шаги по наверстыванию упущенного в ходе нее, далеко не всегда давали должные результаты. Шаг за шагом промышленность, а также транспорт, работавший с перегрузкой, финансовая система не выдерживали возростающих требований войны и приходили в расстройство. Ухудшался жизненный уровень масс. Углублялись социальные противоречия. Отсутствие действенных демократических институтов, государственных органов, способных в какой-то мере примирять противоречивые, конфликтующие стороны, взаимная неуступчивость низов и верхов привели к социальному взрыву. Стихийные выступления рабочих в Петрограде, начавшиеся в конце февраля 1917 г., и распространившиеся по другим городам, охватывавшие и солдат, переросли в вооруженные столкновения, вылились в мощную демократическую революцию. В результате 2 марта Николай II отрекся от престола. Монархия пала. Возникший еще до того Временный комитет Государственной думы с согласия исполкома Петроградского совета рабочих депутатов сформировал Временное правительство, к которому и перешла власть.

Февральская революция подняла Россию на дыбы. Ситуация в стране, на фронте, на флотах, включая Черноморский, коренным образом изменилась, причем преимущественно в худшую сторону. В стране под воздействием стихии и анархистских, большевистских и левосоциалистических течений нарастали дестабилизация, развал по всем направлениям и хаос. Все это остро сказалось и на военно-морских силах, даже на относительно благополучном Черноморском флоте. Дисциплина расшатывалась, чему в огромной степени способствовал так называемый “Приказ № 1” Петроградского совета, содержавший требование передачи власти в войсках и на флоте самочинно возникавшим солдатским комитетам и советам, фактически сковывавшим действия командного состава. Все чаще солдаты и матросы не выполняли приказы, дезертировали. Сильнейшему анархо-большевистскому влиянию подвергся Балтийский флот. В начале несколько иным было положение на Черноморском флоте. В нем, как и всюду, усилилась разнородная партийно-политическая деятельность. Весьма интенсивно росла и стала многотысячной организация социалистов-революционеров. Имелась и организация РСДРП. До апреля она была объединенной. Затем большевики из нее вышли, но их самостоятельная организация была пока малочисленной и влияние ее было крайне ограничено. Поэтому и в выборных органах долго господствовали эсеры и меньшевики. Лидером был меньшевик Н.Л. Канторович, ладивший с командованием.

Дисциплина и влияние комсостава во флоте первое время сохранялись. И в этом была прежде всего заслуга Колчака. Ему впервые пришлось столкнуться с политическими проблемами, включиться в политическую борьбу, учиться ее азам.

А.В. Колчак пытался освоиться в новой ситуации, старался не выпускать бразды правления флотом из своих рук. Но уже в это время, а в дальнейшем особенно, проявилась не только его непредрасположенность к политической деятельности, но полная неподготовленность к ней, тем более, к тем ее требованиям, которые возникали в 1917 году. Это признавал он сам, подчеркивая, что ни в кругу знакомых, ни среди сослуживцев политической никогда не занимался. Вся его среда была далекой от этой сферы человеческой деятельности. “В во-

просах политического и социального порядка, сколько я припоминаю, у меня вообще никаких воспоминаний не осталось”.

В литературе с давних пор поднимается вопрос о политических убеждениях Колчака. Обычно отмечается, что он был в плену монархических воззрений и устремлений, причем его взгляды в этом не претерпевали изменений. Авторы спешат окрестить его законченным и последовательным монархистом. Все было не так просто. Колчак впоследствии пытался дать самооценку своих взглядов на государственное устройство России. На допросах в Иркутске говорил: “Я относился к монархии, как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя”. На прямой вопрос, был ли он до революции 1917 г. монархистом, Колчак ответил откровенно и точно: “Я был монархистом и нисколько не уклоняюсь... Я не могу сказать, что монархия - это единственная форма, которую я признаю. Я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что тогда такого не существовало в природе. До революции 1917 года я считал себя монархистом”. Итак, как офицер, давший присягу императору, Колчак воспринимал монархию в России как факт. Но он не был монархистом того круга, представители которого иного политического строя, кроме монархии, не воспринимали. Он мог воспринять и республиканский строй, в том случае, если он, по его мнению, мог иметь позитивное значение для России, для ее блага.

А.В. Колчак далеко не всегда был удовлетворен монархическими порядками в стране, действиями царского правительства, военных ведомств. Он говорил, что положительно оценивал появление Государственной думы, активно участвовал в ее работе, т.е. вполне воспринимал конституционную монархию. И это действительно было так. Колчак не сразу, но принял свержение монархии, нарождавшийся республиканский строй. Объяснял он это так: “Когда совершился переворот, я получил извещение о событиях в Петрограде и о переходе власти к Государственной думе непосредственно от Родзянко, который телеграфировал мне об этом. Этот факт я приветствовал всецело. Для меня было ясно, как и раньше, что то правительство, которое существовало предшествующие месяцы. - Протопопов и т.д., - не в состоянии справиться с задачей ведения войны, и я вначале приветствовал самый факт выступления Государственной думы, как высшей правительственной власти...”

Я приветствовал перемену правительства, считая, что власть будет принадлежать людям, в политической честности которых я не сомневался, которых знал, и поэтому мог отнестись только сочувственно к тому, что они приступили к власти. Затем, когда последовал факт отречения государя, ясно было, что уже монархия наша пала, и возвращения назад не будет. Я об этом получил сообщение в Черном море, принял присягу вступившему тогда первому нашему Временному правительству. Присягу я принял по совести, считая это правительство как единственное правительство, которое необходимо было при тех обстоятельствах признать, и первым присягу эту принял. Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к монархии, и после совершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, - что я, в конце концов, служил не той или иной форме правительства, а служу родине своей, которую ставлю выше всего, и считаю необходимым признать то правительство, которое объявило себя тогда во главе российской власти.

... Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца, и должна быть какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну”.

Группа членов 4-й Государственной думы. В центре, с головным убором в руке, председатель Государственной думы ее Временного комитета М.В. Родзянко.

Так что А.В. Колчак воспринимал и республиканское правление, считал восстановление монархии практически уже невозможным. Определение будущего строя России Колчак связывал в это время, как и в дальнейшем, с созывом Учредительного (Национального) собрания.

А.В. Колчак стал получать телеграфные вести о революционных событиях в Петрограде из Морского Генштаба с 27 февраля. Они гласили о выступлениях рабочих, бунтах в столичном гарнизоне, захвате власти в городе восставшими. Эти телеграммы А.В. Колчак получал в пути, когда он шел с двумя миноносцами по вызову главнокомандующего Кавказским фронтом Великого князя Николая Николаевича⁴³. 1 марта командующий флотом получил телеграмму от морского министра И.К. Григоровича, в которой сообщалось, что в Питере удастся восстановить порядок. Министр оптимистически сообщал: "Характер событий совершенно исключает какую бы то ни было внешнюю опасность, и надо думать, что принятыми мерами страна избежит сильных потрясений внутри". По получении телеграммы И.К. Григоровича Колчак сразу же отплыл из Батума (Батуми) в Севастополь.

Еще до прибытия туда Колчак получил упоминавшуюся уже телеграмму от председателя Государственной думы М.В. Родзянко⁴⁴, в которой говорилось об образовании Комитета Государственной думы, взявшего на себя восстановление порядка. Родзянко призывал Черноморский флот соблюдать спокойствие, продолжать боевую работу.

2 марта Колчаку стало известно об образовании Временного правительства из разосланной им радиотелеграммы. Реакция Колчака на все эти сообщения, телеграммы была неоднозначной. Первоначально, до полного выяснения ситуации в центре, он предпринимал меры к нераспространению информации, даже на время прервал телеграфно-почтовую связь. По прибытии в Севастополь Колчак собрал комсостав флота, огласил полученные известия. Выслушав мнение

подчиненных, дал распоряжение информировать личный состав флота строго по инстанции, а затем издал приказ с изложением полученных сведений и призывом к флоту, портам и населению районов, подчиненных ему, напрячь все силы для исполнения патриотического долга - успешного завершения войны, соблюдения спокойствия. Реакция же его на радиogramму Временного правительства была такой: он телеграфировал в ставку, что может дать распоряжение о подчинении флота, частей и районов новому правительству только по получении от штаба Верховного главнокомандующего соответствующего распоряжения и просил определенных указаний. То есть, говоря военным языком, Колчак соблюдал уставные положения, не опережал решений высшего командования, сохранял субординацию.

Из ставки поступило телеграфное разъяснение: "Наштаверх сговаривается с главнокомандующим о том, чтобы от имени армии принять манифест и присягнуть Михаилу Александровичу, с тем, чтобы Михаил Александрович (младший брат царя. - *И.П.*) объявил манифест о том, что он по наступлении спокойствия в стране созывает Учредительное собрание". Колчак, солидаризируясь со ставкой, издал 2 марта приказ с требованием непоколебимо выполнять свой долг перед монархией. Он приказал привести войска к присяге новому монарху, а потом, по получении новой информации, отменил этот приказ. Опасаясь восстания на судах флота, особенно на тех, которые имели частое общение с берегом, он отдал приказ о выходе в море под предлогом проведения учебной стрельбы 2-й бригады линейных кораблей и дивизиона миноносцев.

Вопреки усилиям Колчака вести о событиях в Петрограде распространялись слухами, проникали и в местную печать, становились достоянием гласности. И далеко не в том виде, как сообщалось командованием флота, кораблей и воинских частей. Стали поступать столичные газеты, в том числе социалистические, с призывами к свержению существующего государственного строя. Брожение среди матросов усиливалось, особенно в связи с приказом о выходе кораблей в море. 4 марта в Севастополе начался митинг. Настроение моряков резко менялось, левело. Но основная масса их еще доверяла комсоставу, особенно самому Колчаку. Требовали его прибытия и выступления на митинге. Колчак решил явиться на него. Но он предварительно принял меры к ослаблению агитации леваков. Послав в казармы по два представителя от каждой роты, с кораблей, береговых команд и из гарнизона Севастопольской крепости, он стремился и к успокоению моряков, и к формированию специального органа, работающего под его, командующего, влиянием. Приехал А.В. Колчак на митинг на автомобиле. Моряки и солдаты встретили его восторженно, несли на руках. Слушали с огромным вниманием, доверием. А он говорил о необходимости сохранения дисциплины, о продолжении войны до победного конца. Дал информацию о положении в столице. Успех выступления был полный. Взаимопонимание подтверждалось бурными аплодисментами. В ответ на требование участников митинга послать телеграмму приветствия Временному правительству Колчак ответил согласием. Телеграмма была послана.

Таким образом, состоялось признание и Колчаком, и флотом Временного правительства. На митинге был избран Центральный военный исполнительный комитет (ЦВИК), позднее слившийся с советом рабочих депутатов порта. ЦВИК возглавил известный меньшевик, участник восстания на броненосце "Потемкин" в 1905 г., авторитетный тогда среди моряков, - Канторович. С советами, солдатскими и матросскими комитетами Колчак старался сотрудничать, и это довольно длительное время получалось у него вполне. С поступлением известий об отказе принять верховную власть Михаилом Александровичем Колчак пришел, как он

Начальник штаба Черноморской ударной дивизии полковник, в дальнейшем - генерал-майор, военный министр Временного правительства России А.И. Верховский.

отмечал позднее, к мысли, что с монархией в России, очевидно, покончено. Издав в соответствии с официальным сообщением приказ, он в нем вновь делает упор на сохранение во флоте дисциплины и порядка. Победа революции стала фактом, и Колчак принимает его, ждет изменений к лучшему в стране, армии и на флоте. 5 марта он организовал по случаю победы революции парад войск. Позднее Колчак присоединился к предложению о торжественном перезахоронении останков лейтенанта П.П. Шмидта и активно участвовал в нем.

Несмотря на многочисленные политические перипетии в стране и Черноморье, Колчак последовательно, до конца борется за сохранение боеспособности флота, всемерно противодействуя разложенческим элементам, тем самым выполняя долг гражданина, патриота своей Родины. И здесь он проявляет, пожалуй, не свойственную ему прежде гибкость. Это были первые уроки, первые шаги в сфере политической деятельности.

Ни в первые недели после февральской революции, ни позднее на Черноморском флоте разнузданность матросов, анархизирующих, уголовных элементов среди них не дошла до той степени, как на Балтике. Колчак тяжело переживал чудовищно жестокие убийства командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.И. Непенина, многих других адмиралов и офицеров. Колчаку в его работе в советах, комитетах, в массах существенно помогал полковник А.И. Верховский - начальник штаба ударной дивизии, пользовавшийся доверием Временного правительства. Он придерживался умеренно социалистических, демократических взглядов, входил в совет в качестве заместителя (товарища) председателя.

Колчак предупреждал моряков, что, учитывая начавшийся развал вооруженных сил России, германское командование вместе с турецким могут активизировать свои действия на море, вырвутся из фактической блокады, что в случае бездействия Черноморского флота, снятия опасности нападения на Босфор и Константинополь противник может бросить крупные сухопутные силы на север и сокрушить Румынию, русские войска на ее территории, что приведет к крайнему ухудшению всей обстановки на фронте. Он внушал подчиненным необходимость не только сохранения боеспособности, но и еще большей активности флота. И в середине марта Колчак под личным командованием, держа адмиральский

вымпел на линкоре “Императрица Екатерина”, вывел часть флота в море, к турецким берегам. 13 марта А.В. Колчак записал: “...День ясный, солнечный, штиль, мгла по горизонту. Гидрокрейсера продолжают операции у Босфора - я прикрываю их на случай выхода турецкого флота. Конечно, вылетели неприятельские гидропланы и появились подлодки. Пришлось носиться полными ходами и переменными курсами. Подлодки с точки зрения линейного корабля - большая гадость; на миноносце - дело другое... Неприятельские аэропланы атаковали несколько раз гидрокрейсера, но близко к нам не подлетали. К вечеру только закончили операцию; результата пока не знаю, но погиб у нас один аппарат с двумя летчиками. Возвращаюсь в Севастополь. Ночь очень темная, без звезд, но тихая, без волн. За два дня работы все устали, и чувствуется какое-то разочарование. Нет, Сушон* меня решительно не любит, и если он два дня не выходил, когда мы держались в виду Босфора, то уж не знаю, что ему надобно”. Запись от 14 марта: “Сегодня надо продолжать практическую стрельбу. Утром отпустил крейсера, переменяя миноносца у “Екатерины”, и отделился. Погода совсем осенняя, довольно свежо, холодно, пасмурно, серое небо, серое море. Я отдохнул эти дни и без всякого удовольствия думаю о Севастополе и политике. За три дня, наверное, были “происшествия”, хотя меня не вызывали в Севастополь...” Эта запись сделана уже после боевой операции, на обратном пути.

Принятие мер по защите своего флота, его главной базы, российского побережья, выходы боевых кораблей к Босфору, поддержание минных заграждений в надлежащем виде на протяжении всего времени и после Февральской революции, пока Черноморским флотом командовал Колчак, сковывали действия противника. Выходы его кораблей в море тем более - операции по-прежнему были исключены. С уходом Колчака с поста командующего, с июня 1917 г., “все вернулось на круги своя”: корабли противника вырвались на оперативный простор и стали вновь корсировать по Черному морю, совершать нападения на порты, на корабли, на транспорты и пароходы в море.

В апреле 1917 г. А.В. Колчак был вызван военным министром в Петроград, затем в Псков на совещание главнокомандующих и командующих сухопутными и морскими силами. Он выехал туда и пробыл в столице несколько дней. По приезде явился к министру А.И. Гучкову, которого хорошо знал прежде по работе в Государственной думе, а незадолго до приезда в столицу встречался уже как с министром в Одессе, беседовал и близко познакомился с ним. На заседании, проводившемся Гучковым, выступали с докладами, наряду с представителями сухопутных войск, начальник штаба Балтийского флота Чернявский и командующий Черноморским флотом Колчак. Вырисовывалось контрастное положение этих флотов. На первом из них оно было очень тяжелым. Флот неудержимо разлагался, выходил из подчинения правительству. Революционность многих матросов нередко выливалась в анархию, уголовщину; самосуды, просто убийства становились чуть ли не повседневными. Сотни заслуженных людей из командного состава были истреблены. В докладе Колчака речь шла не только о Черноморском флоте, но и о вооруженных силах страны вообще, содержались предложения по предупреждению их разложения. Доклад его произвел большое впечатление, запомнился участникам заседания своей логичностью и образностью. Молва давно уже и по справедливости отмечала ораторский талант Колчака.

* Сушон В. - немецкий вице-адмирал, командующий турецким флотом на Черном море.

Лидер правого крыла социал-демократов-меньшеви-ков (группы "Единство") Г.В. Плеханов.

В это время Колчаку импонирует состав Временного правительства. Он связывал с ним большие надежды на спасение России. В дальнейшем, когда военным и морским министром стал А.Ф. Керенский⁴⁵, тем более когда он возглавил правительство, отношение Колчака к нему, к правительству вообще решительно переменялось.

А.И. Гучков сделал А.В. Колчаку предложение, очевидно, вынашивавшееся и прежде, возглавить Балтийский флот и спасти его от разложения. Сам Колчак передает этот щекотливый момент следующим образом: "...Гучков сказал мне: "Я не вижу другого выхода, как назначить вас командовать Балтийским флотом". Я ответил: "Если прикажете, то я сейчас же поеду в Гельсингфорс и подниму свой флаг, но повторяю,

что считаю, что у меня дело закончится тем же самым, что у меня в Черном море. События происходят с некоторым запозданием, но я глубоко убежден, что та система, которая установилась по отношению к нашей вооруженной силе, и те реформы, которые теперь проводятся, неизбежно и неуклонно приведут к развалу нашей вооруженной силы и вызовут те же самые явления, как и в Балтийском флоте". Я указал, что у меня во флоте не так благополучно, как кажется".

Колчак объективно оценивал разницу в положении двух флотов. Черноморский был как бы на удалении от Германии, от революционных центров страны. Его корабли постоянно были в плавании, меньше общались с берегом, на них, к их экипажам, труднее было проникать антигосударственным элементам. Колчак был весьма близок к истине, полагая, что причиной интенсивного развала Балтийского флота "была немецкая работа". По этому поводу он говорил: "Гельсингфорс тогда буквально кишел немецкими шпионами и немецкими агентами, так как по самому положению Гельсингфорса, как финского города, контроль и наблюдение над иностранцами были страшно затруднены, ибо фактически отличить немцев от финнов или шведов почти не было возможности".

Теперь, спустя многие десятилетия, мы наконец узнали, что, получая миллионы немецких марок от германских властей, некоторые националистические (в Прибалтике, на Украине и т.д.) и левосоциалистические силы, прежде всего большевики во главе с Лениным, еще до Февральской революции, но особенно после нее, развернули активную антивоенную пропаганду и агитацию, работу по разложению армии и флота, правильно рассчитав, что так легче будет прорваться к власти, и преуспели в этом отношении. Борьба правительственных, политических сил против них оказалась малоэффективной.

А.И. Гучков от своего намерения назначить А.В. Колчака командующим Балтийским флотом отказался не сразу. Но в итоге - внял Колчаку и оставил все как есть.

В Петрограде Колчак встретился с М.В. Родзянко, получил дополнительную информацию о положении в стране, в правительственных и иных структурах. Колчак высказал опасение, что его флот может постигнуть та же участь, что и Балтийский, советовался о средствах и методах борьбы с разлагающей антивоенной и антиправительственной пропагандой. Родзянко порекомендовал Колчаку встретиться с лидером правых меньшевиков, стоявших на революционно-оборонческих позициях, Г.В. Плехановым⁴⁶, и спросить его совета по этому вопросу. Колчак выполнил рекомендацию. Об этой встрече вспоминал К.И. Иорданский, на квартире которого, по приезду из эмиграции, проживал Плеханов. Визит адмирала, энергичного, собранного, с интеллигентным лицом, запал ему в памяти. После встречи Плеханов со свойственным ему остроумием рассказывал: "Сегодня... был у меня Колчак. Он мне очень понравился. Видно, что в своей области молодец. Храбр, энергичен, не глуп. В первые же дни революции стал на ее сторону и сумел сохранить порядок в Черноморском флоте и поладить с матросами. Но в политике он, видимо, совсем неповинен. Прямо в смущение привел меня своей развязной беззаботностью. Вошел бодро, по-военному, и вдруг говорит:

- Счел долгом представиться Вам, как старейшему представителю партии социалистов-революционеров.

Войдите в мое положение! Это я-то социалист-революционер! Я попробовал внести поправку:

- Благодарю, очень рад. Но позвольте Вам заметить...

Однако, Колчак, не умолкая, отчеканил: ...представителю социалистов-революционеров. Я - моряк, партийными программами не интересуюсь. Знаю, что у нас во флоте, среди матросов, есть две партии: социалистов-революционеров и социал-демократов. Видел их прокламации. В чем разница - не разбираюсь, но предпочитаю социалистов-революционеров, так как они - патриоты. Социал-демократы же не любят отечества, и, кроме того, среди них очень много жидов...

Я впал в полное недоумение после такого приветствия и с самой любезною кротостью постарался вывести своего собеседника из заблуждения. Сказал ему, что я - не только не социалист-революционер, но даже извещен, как противник этой партии, сломавший немало копий в идейной борьбе с нею... Сказал, что принадлежу именно к не любимой им социал-демократии и, несмотря на это, - не жид, а русский дворянин, и очень люблю отечество! Колчак несколько не смутился. Посмотрел на меня с любопытством, пробормотал что-то в роде: ну это не важно, - и начал рассказывать живо, интересно и умно о Черноморском флоте, об его состоянии и боевых задачах. Очень хорошо рассказывал. Наверное, дельный адмирал. Только уж очень слаб в политике..."

Не исключено, что Г.В. Плеханов несколько утрировал относительно политического уровня подготовки А.В. Колчака, но суть от этого не меняется: Колчак действительно находился в начальной стадии политической подготовки. Вести работу в условиях революции ему было крайне трудно. Приходилось в основном, как и прежде, опираться на личный авторитет, заслуги перед флотом.

Итоги беседы с Плехановым сам Колчак излагал так: "Я... сказал, что... обращаюсь к нему... с просьбой помочь мне, приславши своих работников, которые могли бы бороться с этой пропагандой разложения, так как другого способа бороться я не вижу в силу создавшегося положения, когда под видом свободы слова проводится все, что угодно. Насильственными же мерами прекратить, - в силу постановления правительства, - я этого не могу, и, следовательно, остается только этот путь для борьбы с пропагандой."

Министр юстиции, с мая - военный и морской министр, с июня - председатель Временного правительства России А.Ф. Керенский.

Лидер партии народной свободы (кадетов), депутат Государственной думы 3-го и 4-го состава, министр иностранных дел Временного правительства России, историк П.Н. Милюков.

Плеханов сказал мне: “Конечно, в вашем положении я считаю этот способ единственным, но он является в данном случае ненадежным”. Во всяком случае, Плеханов обещал мне содействие в этом направлении, причем указал, что правительство не управляет событиями, которые оказались сильнее его”.

На квартире заболевшего А.И. Гучкова было намечено заседание правительства. Но из-за начавшейся вооруженной апрельской демонстрации оно было кратким. И там А.В. Колчак просил о помощи в борьбе против левых агитаторов, на сей раз - А.Ф. Керенского, как имеющего “связь с политическими партиями”. Тот обещал.

От совета командующих армиями в Пскове Колчак вынес тяжелейшее впечатление о состоянии войск, о братании на фронте с немцами, о развале. И хотя выхода из создавшегося положения в ставке найдено не было, обмен информацией и соображениями свелся все же к мнению, что войну прекращать нельзя. Колчак сделал вывод, что правительство, состоящее из честных людей,

но отвергающих в критической ситуации насильственные методы борьбы с угрозой существующему строю, бессильно, бесперспективно. Он считал отказ генералу Л.Г. Корнилову⁴⁷ (командующему столичным военным округом) в подавлении вооруженной демонстрации ошибкой. Как и отказ в его просьбе, в случае необходимости, применить во флоте, в районе его дислокации, такой же метод. Колчак был убежден, что в то время сил и влияния командного состава и в столице, и на юге этого было еще достаточно.

Тяжелое положение в стране, на фронте все же не обескуражило Колчака. Он был человеком действия, не уваливающим от трудностей. Еще в самом начале революции, как отмечал М.И. Смирнов, Колчак сделал военному и морскому министру заявление, что считает возможным продолжать командование флотом до тех пор, пока не наступит “одно из трех обстоятельств: 1) отказ какого-либо корабля выйти в море или исполнить боевое приказание; 2) смещение с должности без согласия командующего флота кого-либо из начальников отдельных частей, вследствие требования, исходящего от подчиненных; 3) арест подчиненными своего начальника”. Какое-либо из этих обстоятельств на его флоте к концу апреля еще не возникло. Сразу по прибытии в Севастополь (вероятно, 24 апреля), А.В. Колчак приказал собрать свободные от боевого задания команды и выступил перед ними. Затем, 25 апреля, было создано делегатское собрание.

Командующий Петроградским военным округом, с июля 1917 г. - Верховный главнокомандующий войсками России генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов.

Оно состоялось в крупнейшем помещении Севастополя - цирке Труцци. По просьбе его организаторов Колчак выступил с докладом "Положение нашей вооруженной силы и взаимоотношения с союзниками". Колчак говорил, что в разгар войны страна стоит перед распадом и уничтожением вооруженных сил. Он убеждал, что отказом принимать дальнейшее участие в войне Россия настраивает против себя союзников, что стране грозит зависимость от Германии. Его речь заканчивалась словами: "Какой же выход из этого положения, в котором мы находимся, которое определяется словами "Отечество в опасности"... Первая забота - это восстановление духа и боевой мощи тех частей армии и флота, которые ее утратили, - это путь дисциплины и организации, а для этого надо прекратить немедленно доморощенные реформы, основанные на самоуверенности невежества. Сейчас нет времени и возможности что-либо создавать, надо принять формы дисциплины и организации внутренней жизни, уже существующие у наших союзников: я не вижу другого пути для приведения нашей вооруженной силы из "мнимого состояния в подлинное состояние бытия". Это есть единственно правильное разрешение вопроса".

Тогда вообще и в этом конкретном случае речи командующего флотом встречались все еще бурными аплодисментами. Большевики и анархисты тогда на Черноморском флоте были слабы, заметной поддержкой не пользовались. Можно привести характерный эпизод. На флоте, в воинских частях и среди рабочих к началу мая распространились слухи, что в Крым может приехать В.И. Ленин. Большевики вели агитацию за его приезд. В ответ началась контр-агитация. На делегатском собрании 4 мая из 409 голосовавших 340 были против приезда Ленина, 49 воздержались и лишь 20 высказались за приезд. На основе этого решения ЦВИК разослал по южным приморским городам телеграмму с распоряжением - ни в коем случае не допускать приезда Ленина. Лозунг "Война до победного конца!" на митингах, демонстрациях в Севастополе был довлеющим.

Усилия Колчака, как командующего, по предотвращению анархии, развала флота пока давали свои плоды. Более того, болея за общее состояние военных и морских сил России, он предпринял важный шаг по распространению здорового духа черноморцев на разлагающийся Балтийский флот, на сухопутные войска крупных гарнизонов и фронта. После триумфального выступления Колчака 25 апреля ЦВИК принял (подсказанное и одобренное командующим) решение об организации и посылке делегации Черноморского флота с целью агитации за сохранение боеспособности войск и продолжение войны. В большую делегацию (210 человек, позднее дополненную еще 250 матросами и солдатами) были включены социалисты и беспартийные, придерживавшиеся патриотической ориентации.

Группы моряков из состава этой делегации побывали в Москве, Петрограде, Гельсингфорсе, на Балтийском флоте. Ее члены затем разъехались по фронтам, выступали в действующих частях. Они преследовали главную цель - сохранить боеспособность войск, пресечь в них анархию, большевистское разлагающее влияние.

До какой-то степени делегация, деятельность которой получила широкую известность, сыграла свою роль, благотворно влияла на матросов и солдат. Способствовала она и распространению сведений о действиях и взглядах Колчака. Московский городской голова запросил у адмирала текст одной из его речей для многомиллионного тиражирования и распространения по стране. О Колчаке, Черноморском флоте, его успехах в борьбе с противником и анархией писали в прессе. Слава и престиж Колчака поднялись весьма высоко. Но, как он сам

чувствовал, не миновать было и его флоту разложения. В какой-то степени шаг командующего, ЦВИК по формированию и посылке делегации отрицательно сказался на положении в Черноморском флоте, ибо уехали наиболее патристически настроенные матросы и солдаты. В дальнейшем большинство из них вернулись в Севастополь, но далеко не все. На фронте члены делегации не ограничивались агитацией, но и пытались воодушевить солдат, сами шли в бой, и часть из них там полегла или была ранена.

В мае положение во флоте прогрессирующе ухудшалось. Отказалась от выхода на боевое задание команда миноносца "Жаркий". Колчак и совет матросских и солдатских депутатов попытались воздействовать на экипаж, но их усилия оказались тщетными. Командующий вынужден был вывести миноносец из состава действующих сил. Сходный конфликт затем произошел на миноносце "Новик", но командующему удалось его уладить. Возник прецедент со старшим помощником капитана Севастопольского порта генерал-майором береговой службы Петровым. Его обвиняли в корыстных злоупотреблениях. Советом, состав которого сильно изменился, была создана комиссия, которая потребовала от командующего флотом ареста этого генерала. Колчак отказал, заявив, что даст санкцию на арест официальному следствию, если оно в процессе расследования дела выявит действительные признаки преступления. Конфликт разрастался. Петров без санкции Колчака был арестован, что означало игнорирование мнения командующего. Одним словом, возникла именно та ситуация, при которой, как ранее предупреждал Колчак, он откажется от руководства флотом. 30 мая на линкоре "Георгий Победоносец" А.В. Колчак записывал: "До сего времени мне удалось в течение 3-х месяцев удержать флот от позорного развала и создать ему имя части, сохранившей известную дисциплину и организацию. Сегодня на флоте создавалась анархия и я вторично обратился к правительству с указанием на необходимость моей смены".

В конце мая речь уже идет о вторичном заявлении Колчака об отставке. Первый раз оно было сделано именно в связи с инцидентом с генералом Петровым. О мотивах просьбы об отставке Колчак говорил следующее: "Состав совета изменился. Верховский оттуда ушел; часть людей, с которыми я работал в согласии, ушли и заменились другими, и таким образом прервалась всякая связь у меня с этим советом. Я перестал бывать там, они перестали приходить ко мне. Взвесивши все эти обстоятельства, я признал по совести, что дальнейшее мое командование флотом является совершенно ненужным, и что я могу по совести сказать, что я больше не нужен совершенно".

А.Ф. Керенский (к тому времени - военный и морской министр) в ответ на заявление об отставке сообщил, что считает ее нежелательной, просил подождать до его приезда в Севастополь и сказал, что надеется на устранение трений. Керенский прибыл в Одессу. Колчак отправился туда на встречу с отрядом миноносцев, доставил Керенского в Севастополь, а затем - обратно в Одессу. Это зафиксировано записью Колчака от 20 мая, по возвращении в Севастополь. Следовательно, министр Керенский находился в Севастополе в середине мая. На сей раз представилась возможность для близкого знакомства Колчака с Керенским. В пути они часами беседовали. Колчак вынес неприязненное впечатление о Керенском, которое в дальнейшем усугублялось. "Керенский, - отмечал он, - как и всегда, как-то необыкновенно верил во всемогущество слова, которое, в сущности говоря, за эти два-три месяца всем надоело, и общее впечатление было таково, что всякая речь и обращения уже утратили смысл и значение, но он верил в силу слова. Я доказывал ему, что военная дисциплина есть только одна, что волей-неволей к ней придется вернуться и ему..."

А.Ф. Керенского в Севастополе встретили хорошо. Он усиленно проявлял демократизм, здороваясь за руку с большой массой матросов. Много выступал, объезжая суда. Колчак все время его сопровождал. По мнению Колчака, речи министра не производили впечатления, тогда как он сам был ими доволен: “Вот видите, адмирал, все улажено; теперь приходится смотреть сквозь пальцы на многие вещи; я уверен, что у вас не повторятся события. Команды меня уверяли, что они будут исполнять свой долг”. Керенский старался поладить с выборными органами, в сущности поддерживая их в противостоянии командующему. И все-таки министру удалось уговорить Колчака остаться во главе флота.

А.Ф. Керенский о поездке в Севастополь и А.В. Колчаке в воспоминаниях повествовал следующее: “...Не смог побывать на самом фронте, поскольку должен был выехать вместе с адмиралом Колчаком и его начальником штаба капитаном Смирновым в Севастополь, в штаб Черноморского флота, чтобы попытаться уладить острые разногласия адмирала с Центральным исполнительным комитетом Черноморского флота и местным армейским гарнизоном”.

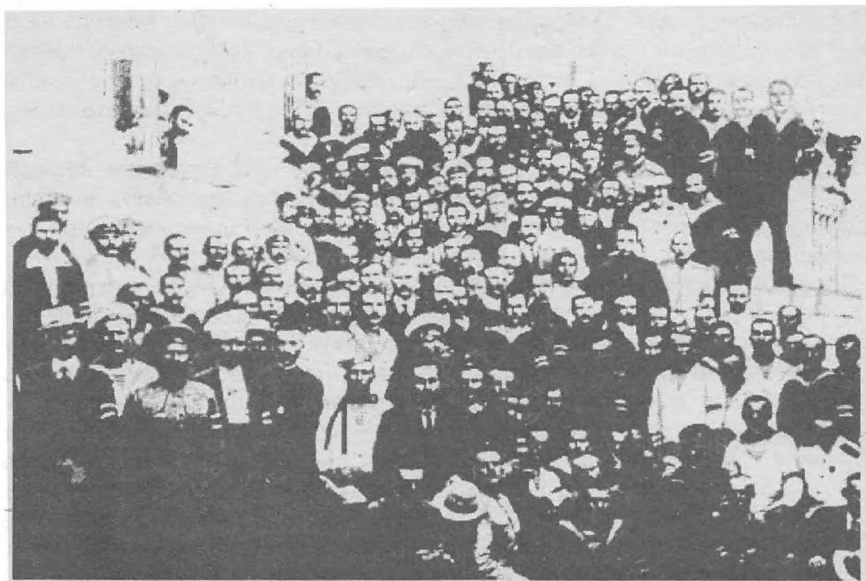
Адмирал Колчак был одним из самых компетентных адмиралов Российского флота и пользовался большой популярностью как среди офицеров, так и среди матросов. Незадолго до революции он был переведен с Балтики и назначен на пост командующего Черноморским флотом. В первые же недели после падения монархии он установил отличные отношения с экипажами кораблей и даже сыграл положительную роль в создании Центрального комитета флота. Он быстро приспособился к новой ситуации и потому смог спасти Черноморский флот от тех кошмаров, которые выпали на долю Балтийского.

Матросы Черноморского флота были настроены весьма патриотически и горели желанием вступить в схватку с противником, и когда я прибыл в Севастополь, офицеры и матросы только и говорили, что о высадке десанта на Босфоре. На фронт была даже направлена делегация матросов с наказом убедить солдат вернуться к выполнению своего долга. Казалось, в таких условиях конфликт между адмиралом и Центральным комитетом был маловероятен. Тем не менее он возник.

Центральный комитет издал приказ об аресте помощника начальника порта генерала Петрова за отказ выполнять распоряжения Центрального комитета, на которых не было подписи командующего флотом. Это было серьезным нарушением дисциплины, однако, 12 мая Колчак передал князю Львову прошение об отставке, сославшись на то, что не может более мириться с создавшимся положением. Сохранить адмирала на его посту было жизненно необходимо, и князь Львов попросил меня отправиться в Севастополь и постараться уладить конфликт.

В тесной каюте торпедного катера, на котором мы шли в Севастополь, у нас с Колчаком состоялся продолжительный разговор. Я приложил максимум усилий, чтобы убедить его в том, что этот инцидент не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло с командующим Балтийским флотом, что у него нет основания для расстройства, что положение его намного прочнее, чем он предполагает. Не найдя никаких логичных возражений против моих доводов, он в конце концов воскликнул со слезами на глазах: “Для них* Центральный комитет значит больше, чем я! Я не хочу более иметь с ними дела! Я более не люблю их!..” Что можно было ответить на эти слова, продиктованные не столько разумом, сколько сердцем?

* То есть матросов.

Военный и морской министр Временного правительства А.Ф. Керенский и командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак среди матросов, солдат и офицеров в Севастополе в мае 1917 г.

А.В. Колчак и А.Ф. Керенский в автомобиле.

На следующий день после долгих разговоров и уговоров мир между Колчаком и комитетом был восстановлен. Однако их отношения уже никогда не были такими, как прежде, и спустя ровно три недели возник новый острый конфликт. На этот раз адмирал Колчак в тот же вечер, даже не сообщив о своем решении правительству, сел вместе с начальником своего штаба в прямой поезд на Петроград, навсегда распрощавшись с флотом”.

В общем и целом внешний рисунок событий в Севастополе передается верно. Керенский лишь обходит вопрос о подлинном характере совета, его сильной последующей радикализации, неуклонном стремлении подмять под себя командование флотом.

После отъезда Керенского положение в Севастополе не только не улучшилось, но продолжало стремительно ухудшаться. Этому в огромной степени способствовало прибытие 27 мая делегации от Балтийского флота. Она была составлена из членов большевистской партии и им сочувствующих анархистов. Многие из членов делегации, одетых в матросскую форму, были партийными функционерами. Тогда же большевистский ЦК направил в Крым группу видных партийцев, в том числе Ю.П. Гавена, которому Я.М. Свердлов давал напутствие: “Севастополь должен стать Кронштадтом юга”. Попытки помешать деятельности большевиков из Питера и Кронштадта оказались тщетными. Более опытные в проведении антиармейской агитации против всего от “старого слоя”, чем местные большевики, прибывшие большую ставку делали на компрометацию офицерства и лично командующего флотом. Агитаторы упрекали моряков: “Товарищи черноморцы, что вы сделали для революции, вами командует прежний командующий флотом, назначенный еще царем, вот мы, балтийцы, убили нашего командующего флотом, мы заслужили перед революцией и т.п.”. Как отмечал М.И. Смирнов, “арестовать этих агитаторов не было сил. Их речи имели большое влияние на некультурные массы матросов, солдат и рабочих. Влияние офицеров быстро падало”.

Тяжело переживал А.В. Колчак эти события на флоте, тот шквал беззастенчивой клеветы, который обрушился на него. Началась спекуляция на якобы имеющихся у него крупных помещичьих владениях, на том, что из-за них он лично заинтересован в продолжении войны и т.д. Честнейшему человеку, бессребренику, подвижнику, ничего не нажившему за все годы своей службы и никогда не стремившемуся к обогащению, ему было крайне оскорбительно слышать все это. Человеческое достоинство его попиралось. Во дворе Черноморского экипажа состоялся митинг, на который собралось около 15 тысяч человек. И Колчак решил поехать на митинг. “Там какие-то неизвестные мне посторонние люди, - рассказывал он, - подняли вопрос относительно прекращения войны, представляя его в том виде, в каком велась пропаганда у нас на фронте, - что эта война выгодна только известному классу. В конце же концов, перешли на тему относительно меня, причем я был выставлен в виде прусского агрария.

В ответ на это я потребовал слова и сказал, что мое материальное положение определяется следующим. С самого начала войны, с 1914 г., кроме чемоданов, которые я имею и которые моя жена успела захватить с собой из Ливавы, не имею даже движимого имущества, которое все погибло в Ливаве. Я жил там на казенной квартире вместе со своей семьей. В первые дни был обстрел Ливавы, и моя жена, с некоторыми другими женами офицеров, бежала из Ливавского порта, бросивши все. Впоследствии это все было разграблено в виду хаоса, который произошел в порту. И с 1914 г. я жил только тем, что у меня было в чемоданах в каюте. Моя семья была в таком же положении.

Я сказал, что если кто-нибудь укажет или найдет у меня какое-нибудь имущество или недвижимое имущество, или какие-нибудь капиталы обнаружит, то я

могу охотно передать, потому что их не существует в природе. Это произвело впечатление, и вопрос больше не поднимался”.

В данном случае, на конкретном митинге, видимо, случилось именно так. Но политические недуги его в дальнейшем не раз возвращались к подобным инсинуациям. В большевистских изданиях вообще каких только измышлений не писали о Колчаке, вплоть до того, что он и в боевых-то действиях никогда не участвовал, и адмиральское звание получил, будучи придворным, хорошо танцуя на паркетe царских дворцов, и т.п.

Обстановка в Севастополе к началу июня накалилась. На заседаниях совета, митингах в эти дни шла речь о якобы готовящемся офицерами во главе с Колчаком контрреволюционным выступлении, о необходимости их разоружения и ареста. Такие требования, в частности, выдвигались на наиболее бурных митингах 5 и 6 июня. 6 июня делегатское собрание постановило: “Колчака и Смирнова от должности отстранить, вопрос же об аресте передать на рассмотрение судовых комитетов. Командующим избрать Лукина и для работы с ним избрать комиссию из 10 человек”. Резолюция была предложена большевиками, которых среди делегатов было уже много, влияние эсеров и меньшевиков среди матросов и солдат быстро шло на убыль. Колчак “большевизироваться” никак не мог. Остаться далее командующим он тоже не мог, тем более, что существовало постановление делегатского собрания о его снятии, начались обыски и разоружение офицеров. Колчак большую часть времени проводил на корабле, в семье бывал изредка, чтобы жена и малолетний сын не были свидетелями его унижения. 6 июня он приказал вступить в командование флотом упомянутому контр-адмиралу В.К. Лукину и отправился на флагманский корабль линкор “Свободная Россия” (прежде - “Георгий Победоносец”). Там он собрал команду, еще раз выступил перед моряками. Успеха его речь уже не имела. Судовой комитет разоружил офицеров, предложили сдать оружие и Колчаку. Он вынес из каюты свое почетное Георгиевское оружие - золотую саблю - и бросил ее в море. Легенда приписывает ему фразу, произнесенную при этом: “Море мне ее дало, морю я ее и отдаю”. Тут, видимо, сказалась минутная вспышка гнева. До этого момента Колчак намерен был почетное оружие отдать насильникам. Об этом можно судить по переданному им по телеграфу приказу. Текст его гласил: “Считаю постановление делегатского собрания об отобрании оружия у офицеров позорящим команду, офицеров, флот и меня. Считаю, что ни я один, ни офицеры ничем не вызвали подозрений в своей искренности и существовании тех или иных интересов, помимо интересов русской военной силы. Призываю офицеров, во избежание возможных эксцессов, добровольно подчиниться требованиям команд и отдать им все оружие. Отдаю и я свою Георгиевскую саблю, заслуженную мною при обороне Порт-Артура.* В нанесении мне и офицерам оскорбления не считаю возможным винить вверенный мне Черноморский флот, ибо знаю, что преступное поведение навеяно заезжими агитаторами. Остаться на посту командующего флотом считаю вредным и с полным спокойствием ожидаю решения правительства”.

С полным ли спокойствием оставлял Колчак боевой командный пост? Нет, конечно. В те дни он записывал в черновике письма А.В. Тимиревой: “Я хотел

* По описанию В.В. Князева, в прошлом личного адъютанта А.В. Колчака, матросы достали со дна саблю и вернули ее владельцу. В конце июня в Петрограде Союзом офицеров армии и Флота Колчаку за мужество и патриотизм врученo “оружие храбрых” - золотой кортик и адрес в знак глубокого к нему уважения.

вести свой флот по пути славы и чести, я хотел дать Родине вооруженную силу, как я ее понимаю, для решения тех задач, которые так или иначе, рано или поздно будут решены, но бессмысленное и глупое правительство и обезумевший, дикий (и лишенный подобия), неспособный выйти из психологии рабов народ этого не захотели”.

При внешнем спокойствии в те дни у Колчака в душе бушевала буря, вызванная прежде всего тем, что рушился флот, то дело, которому он служил и в котором добивался успеха.

Колчак приказал спустить свой флаг командующего и отправил Временному правительству телеграмму об отказе от командования флотом и передаче его Лукину. После этого долго заседало делегатское собрание, ожидали запрошенные от команд и частей резолюции, как поступить с А.В. Колчаком, а также с начальником штаба капитаном 1-го ранга М.И. Смирновым, следует ли их арестовать. Выяснилось, что за арест Колчака было вынесено только 4 резолюции, а против ареста 68 (относительно Смирнова соответственно - 7 и 50). О чем это свидетельствовало даже в тогдашней, большевизировавшейся обстановке? О сохранявшемся на кораблях уважении к своему адмиралу, хотя матросы уже переходили на противоположные ему позиции. На собрании была оглашена полученная ночью телеграмма, подписанная главой правительства Г.Е. Львовым и министром А.Ф. Керенским. Ее текст гласил: “Временное правительство требует:

- 1) немедленного подчинения Черноморского флота законной власти;
- 2) приказывает адмиралу Колчаку и капитану Смирнову, допустившим явный бунт, немедленно выехать в Петроград для личного доклада⁴⁸;
- 3) временное командование Черноморским флотом принять адмиралу Лукину, с возложением обязанностей нач. штаба временно на лицо по его усмотрению;
- 4) адмиралу Лукину немедленно выполнить непреклонную волю Временного правительства;

5) возвратить оружие офицерам в день получения сего повеления. Восстановить деятельность должностных лиц и комитетов в законных формах. Чинов, которые осмелятся не подчиняться сему повелению, немедленно арестовать, как изменников отечеству и революции, и предать суду. Об исполнении сего телеграфно донести в 24 часа. Напомнить командам, что до сих пор Черноморский флот считался всей страной оплотом свободы и революции”.

Делегатское собрание приняло решение подчиниться приказу правительства. Но такое решение стоило не столь уж много и давало лишь небольшую отсрочку. Большевизация и разложение Черноморского флота продолжались.

Итак, 6 июня 1917 г. оказалось тем днем, когда А.В. Колчак раз и навсегда был отставлен от Российского флота, а флот потерял одного из виднейших адмиралов за всю его историю! О том, что значил уход Колчака, красноречиво свидетельствует тот факт, что, узнав о нем, командование турецкого флота решило незамедлительно его использовать. Вице-адмирал В. Сушон бросил мощный быстроходный крейсер “Бреслау” через протраленный участок в минном заграждении к российским берегам и практически беспрепятственно учинил разгром укреплений у устья Дуная, высадил десант, захватил пленных и вернулся на свою базу, пользуясь бестолковщиной, неуправляемостью действий русских кораблей. Новый командующий Черноморским флотом В.К. Лукин уклонился от личного руководства операцией и выхода в море. На кораблях, в основном среди офицеров, предпринимались усилия по возвращению Колчака на флот, велась агитация за это.

По окончании первой мировой войны немцы оценивали деятельность своего противника - адмирала Колчака - очень высоко.

“Колчак был молодой и энергичный вождь, сделавший себе имя в Балтийском море. С его назначением деятельность русских миноносцев еще усилилась. Сообщение с Зунгулдаком было значительно стеснено (Зунгулдак - каменно-угольный центр, расположенный на Черноморском побережье Турции, блокированный флотом под командованием Колчака. - *И.П.*). Подвоз угля был крайне затруднен, угольный голод (в Турции) все больше давил. Флот был принужден прекратить операции”. “Постановка русскими морскими силами мин перед Босфором производилась мастерски”. “Летом 1916 года русские поставили приблизительно 1800-2000 мин. Для этого они пользовались ночами, так как только ночью можно было подойти к берегу, и новые мины ложились так близко к старым, что можно было только удивляться ловкости и уверенности, с которыми русские сами избегали своих собственных раньше поставленных мин”. “Становилось все более очевидным, что при обычной энергии русского флота эти операции были только подготовительными к другой активной на другом пункте побережья”. “На все надобности Оттоманской империи пришлось ограничиться 14000 тоннами угля в месяц, прибывшими из Германии. Пришлось сократить железнодорожное движение, освещение городов, даже выделку снарядов. При таких безнадежных для Турции обстоятельствах начался 1917 год. К лету деятельность русского флота стала заметно ослабевать. Колчак ушел. Россия явно выходила из строя союзников, ее флот умирал. Революция и большевистский переворот его добились”.

А.В. Колчак, хотя и предвидел такой финал деятельности Черноморского флота, все же очень тяжело переживал случившееся. Это отмечают многие люди, встречавшиеся тогда с ним. Человек талантливым, энергичным и в то же время впечатлительный, нервный, он как личную трагедию воспринял разрушение флота.

10 июня, прибыв в Петроград и устроив семью на частной квартире, Колчак явился в министерство. Информацию о том, что в Севастополь направляется особая комиссия по расследованию всего случившегося, надежды начальства на то, что вскоре все должно наладиться, он воспринял скептически и сказал, что во всяком случае назад не вернется.

На заседании правительства А.В. Колчак выступил с докладом. Он охарактеризовал положение флота, тенденции к его развалу. К изменившемуся в начале мая 1917 г. составу правительства его критическое отношение усилилось. Он не считал необходимым это скрывать и выступал с прямыми и резкими осуждениями. Особое внимание обратил на неспособность правительства спасти флот, как боевую силу. Он, в сущности, обвинял правительство в беспомощности, в неприятии должных мер к сохранению флота и армии.

Доклад, по отзывам, произвел сильное впечатление. И хотя министры в большинстве своем не могли согласиться со многими оценками Колчака, отношение к нему, герою войны, было почтительным. По возвращении комиссии из Севастополя, пришедшей к выводу, что все действия его там были правомерными, Колчаку предложили вернуться к командованию флотом. Это предложение он отверг категорически. Шли дни, недели, а боевой адмирал во время грандиозной войны, в то время, когда Родина терпела поражения, оставался не у дел.

Можно предполагать, что правительство оставляло А.В. Колчака не у дел не случайно, а из опасения, что он включится в активную деятельность против него самого. Особенно, если иметь в виду отношение к Колчаку Керенского, в чьем прямом подчинении, как министра, он находился и который в правительстве уже в то время играл особую роль. По всем данным, он относился к Колчаку настороженно, как к возможному сопернику за власть. Пресса имя Колчака, особенно после освобождения его от командования флотом, выступления с до-

кладом на заседании Временного правительства, при нахождении его в столице, поднимала на щит весьма высоко. Страницы некоторых газет буквально кричали: “Адмирал Колчак - спаситель России”, “Вся власть - адмиралу Колчаку” и т.д. Военные, правые круги прочили его, наряду с Л.Г. Корниловым, некоторыми другими генералами в диктаторы России в надежде на предотвращение хаоса и катастрофы. Керенский, сам стремящийся к высшей власти, не мог не создавать препятствий своим возможным конкурентам. Он имел сведения о причастности Колчака к деятельности “Республиканского центра”, нелегально спланировавшего силы для военного переворота.

Колчак действительно был связан с этим центром, в дальнейшем сам отмечал, что участвовал в нескольких его заседаниях. Он не скрывал солидарности с генералом Л.Г. Корниловым во мнении, что для спасения войска и страны необходимы и военные, насильственные методы борьбы. Колчак не говорил о степени вовлеченности его в подготовку военного переворота. Видимо, непосредственного участия во всем этом он не принимал. Иначе он бы не покинул на длительное время пределы России. Колчак оставался не у дел и в июне, и в июле. Неизвестность, неустроенность для него, человека действия, была мукой. Нужно было искать из сложившегося положения выход.

7. ВО ГЛАВЕ ВОЕННО-МОРСКОЙ МИССИИ. ЗАРУБЕЖЬ

Лето 1917 г. в жизни А.В. Колчака стало переломным рубежом. Как мы видели, он оказался в сложнейшей ситуации. Идет война. Россия терпит поражения. А Колчак не находит применения своим способностям флотоводца...

Принятию назревавшего решения А.В. Колчака о выезде за границу помог, как принято говорить, “господин случай”. Перед тем, как наступила трагическая для Колчака и Черноморского флота развязка, и он покинул Севастополь, туда 7 июня прибыл американский вице-адмирал Дж.Г. Гленнон. Он входил в состав специальной миссии во главе с сенатором Э. Румом, направленной весной 1917г. в Россию президентом США В. Вильсоном. США к тому времени (в мае 1917г.) вступили в мировую войну, как союзник России. Миссия призвана была решить ряд важных вопросов с тем, чтобы успешно координировать совместные с Россией действия. Гленнон интересовался положением Черноморского флота, особенно планом подготовки захвата турецких проливов, минным делом, непревзойденным специалистом которого, как они знали, был Колчак. Но в силу быстро развивавшихся негативных событий на флоте, поездка Д. Гленнона в Севастополь оказалась безрезультатной.

Д. Гленнон возвращался в Петроград в том же поезде, что и А.В. Колчак со М.И. Смирновым. По свидетельству Смирнова, американский адмирал прибыл в Севастополь только-только, имел целью “переговорить с адмиралом Колчаком о возможной помощи нам со стороны американского флота”. И вот он вынужден был вечером того же дня возвращаться. В пути они встречались и беседовали. Возник ли во время этих бесед разговор о возможности поездки Колчака в США, - сказать трудно. Смирнов отмечал, что Гленнон уже тогда сделал Колчаку предложение поехать в США, “так как, вероятно, американский флот будет действовать против Дарданелл для открытия сообщения с Россией” и что Колчак дал согласие. Сам же Колчак писал и говорил о беседе с Гленноном только по прибытии в Петроград. В передаче лейтенанта Д.Федотова, прикомандиро-

ванного к группе Дж. Гленнона, во время поездки в Петроград, состоявшихся бесед помощнику американского адмирала капитану Кросли дали понять, что неплохо было бы пригласить русского адмирала в США. Однако, сам Гленнон без переговоров с главой миссии Э. Рутом, очевидно, принять решения не мог.

В Петрограде, через того же Д.Н. Федотова, А.В. Колчак был приглашен в Зимний дворец, где размещались Э. Рут и Д. Гленнон. Состоялся взаимноинтересующий и полезный разговор. Вот как передает завершение беседы с Д. Гленноном сам А.В. Колчак: "Гленнон спросил меня: "Как бы вы отнеслись, если бы я обратился с просьбой к правительству командировать вас в Америку, так как ознакомление с этим вопросом (имелась в виду десантная операция в Босфор и Дарданеллы. - *И.П.*) потребует продолжительного времени, а между тем мы на днях должны уехать". Относительно этой десантной операции он просил меня никому ничего не говорить и не сообщать об этом даже правительству, так как он будет просить командировать меня в Америку официально для сообщения сведений по минному делу и борьбе с подводными лодками. Я сказал ему, что против командирования в Америку ничего не имею, что в настоящее время свободен и применения себе пока не нашел. Поэтому, если бы правительство согласилось командировать меня, я возражать не буду".

Как видим, в наибольшей степени американскую сторону тогда интересовала операция по захвату проливов. Впоследствии, в результате развала русских армии и флота, особенно после Октябрьского переворота, выхода России из войны, эта операция уже и не могла быть осуществлена. Мы обращаем внимание на это затем, чтобы можно было лучше понять, почему в начале адмирал А.В. Колчак был встречен в Америке исключительно торжественно, но потом интерес к нему заметно упал. Что касается вопроса о несообщении Колчаком правительству о намерении проинформировать военные круги США о планах операции по захвату турецких проливов, то оценку здесь дать не просто. Одно лишь известно, что незадолго до того ему же и поручалось дать в Севастополе такую информацию Гленнону. Официальное предложение о командировании А.В. Колчака в США было сделано. Как отмечал М.И. Смирнов, А.Ф. Керенский принял решение отпустить А.В. Колчака в зарубежную поездку после того, как был проинформирован "О связях Колчака с контрреволюционными группами". Этому поспособствовала встреча А.В. Колчака с генералом В.И. Гурко, настроенного к правительству крайне отрицательно. Колчак действительно вошел в Республиканский национальный центр, возглавил его военный отдел (потом передал его руководство генералу Л.Г. Корнилову) и расценивался как один из возможных диктаторов России. В ожидании разрешения на отъезд Колчак вынужден был наблюдать в Петрограде и июньскую демонстрацию, и полуорганизованную попытку июльского анархо-большевистского восстания матросов и солдат. Об этом времени ожидания решения вопроса об отъезде в США А.В. Колчак писал А.В. Тимиревой: "Теперь я могу говорить более или менее определенно о своем дальнейшем будущем. По прибытии в Петроград я получил приглашение от посла США Рута и от морской миссии адмирала Гленнона на службу в американский флот. При всей тяжести своего положения я все-таки не решился сразу бесповоротно порвать с Родиной, и тогда Рут с Гленноном довольно ультимативно предложили Временному правительству послать меня в качестве начальника военной миссии в Америку для службы во время войны в U.S.Navy.*

* В(ооруженные) С(илы) США.

Глава военно-морской миссии России вице-адмирал А.В. Колчак. Рисунок неизвестного художника.

фамилией. В последнюю пору ожидания он находился уже в Прибалтике - Северодвинске, далее - в Финляндии, Гельсингфорсе... Получив от английской миссии уведомление, когда и куда следует выезжать, в конце июля он железной дорогой направляется через Торнео, Христианию (Осло) в Берген. В этом норвежском портовом городе он провел около суток. Ждал парохода. Спутниками-членами возглавляемой им миссии были морские офицеры М.И. Смирнов, Д.В. Кольчицкий, И.Э. Вуич, А.М. Меженцев, В.В. Макаров, Лечинский и Безуар.* Как и Колчак, эти люди пользовались вымышленными именами. Конспирация оказалась весьма полезной. Колчаку стало известно, что еще задолго до его выезда немцы, не зная, что он еще в России, начали за ним охоту. Один из пароходов, следовавших из Христиании в Лондон, был задержан германскими подводной лодкой и миноносцем. С парохода сняли часть пассажиров.

Миссия Колчака выехала из Петрограда 27 июля и прибыла в Лондон в самом начале августа. В письме А.В. Тимиревой, датированном 4 августа, он отмечает, что в Англии находится уже третий день. Начальником Морского Гене-

Теперь этот вопрос решен и правительством в положительном смысле, и я жду окончательного формирования миссии, в которую войдут М.И. Смирнов, А.А. Тавташерна и еще один или два офицера”.

Выезд задерживался еще и из-за сложности самой поездки в США в военных условиях. За А.В. Колчаком, как виднейшим военным деятелем России, следила немецкая разведка. Американская сторона допустила неосторожность, дав информацию о предстоящей военно-морской миссии России в США во главе с Колчаком. Это вызвало повышенный интерес к нему. Разрабатывался план поездки. Была достигнута договоренность с правительством Англии о проезде в США через эту страну. Ехать следовало под чужой

* В источниках состав миссии разнится, иногда не называются Кольчицкий, Меженцев и Макаров.

рального штаба генералом Холлем было сказано, что придется ждать недели две, прежде чем представится возможность для отплытия в США. Колчак решил воспользоваться свободным временем, предупредительно-дружественным отношением к себе со стороны первого лорда адмиралтейства Джеллико, адмирала Пенна и других руководителей английского флота. Он выезжает в Брайтон, Исборн, Феликстоун. Знакомился с морской авиацией, подводными лодками, тактикой противолодочной борьбы, даже летал на разведку в море. Его доверительно посвящают в систему заграждений Северного моря, в оперативные вопросы. Колчак также ездил по заводам, знакомился с военно-морским производством.

В 20-х числах августа Колчак с членами миссии на крейсере "Глотчестер" отправился из Глазго в Галифакс. Плавание длилось 10-11 дней. Из этого канадского портового города миссия, встреченная морским офицером Миштовтом, направилась в США. Поездом, в специальном вагоне, Колчак и его спутники проехали из Монреаля в Нью-Йорк, затем - в Вашингтон. Было начало сентября.

В США А.В. Колчак пробыл чуть меньше двух месяцев. Он встретился с русскими дипломатами во главе с послом Б.А. Бахметьевым, затем нанес визиты государственным деятелям США - морскому министру, его помощнику, государственному секретарю, военному министру, другим лицам, с которыми предстояло общаться и вести совместную работу. Позднее, 16 октября, Колчака принял президент В. Вильсон. Внешне прием выглядел даже помпезным. Но пока с июня по октябрь шло время, положение в мире, особенно в России, сильно изменилось. Эта союзница США, других стран антигерманского блока оказалась мало полезной в совместной борьбе. Большевики и анархическая стихия заканчивали разложение вооруженных сил страны. Выступление генерала Л.Г. Корнилова, имевшего главной целью спасение и оздоровление армии, потерпело тяжелую неудачу. Поэтому к представителям России, планам совместных военных действий с ней уже не могло быть прежнего отношения. Неуважение к России ощущалось и сквозь внешнюю любезность.

Почти сразу стало ясно, что идея совместных союзнических действий по захвату проливов Босфор и Дарданеллы и выведению из войны Турции уже невыполнима. Главный смысл миссии адмирала Колчака, встреч с ним военных и государственных деятелей США практически отпал. А ведь Колчак намеревался не только тщательно познакомить союзников с планом десанта в Босфор, захваченными с собой документами, быть консультантом и советником, но и стать непосредственным участником сражения.

А.В. Колчак об этих столь неожиданных изменениях говорил: "После обмена визитами в первые же дни официальных приемов я выяснил, что план относительно наступления американского флота в Средиземном море был оставлен. Его выполнение было невозможно в виду того, что шла перевозка американских войск на французский фронт, и производить новую экспедицию на Турцию, Дарданеллы, было бы совершенно невозможно, хотя военные круги и говорили, что это имело бы большое значение, так как захват Константинополя и вывод Турции из состава коалиции послужил бы началом конца всей войны... Я был глубоко разочарован, так как мечтал продолжить свою боевую деятельность, но видел, что отношение в общем к русским тоже отрицательное, хотя, конечно, персонально я этого не замечал и не чувствовал...".

Это было новое, еще одно сильнейшее потрясение для Колчака. Знакомство с прессой позволяло судить о все более ухудшающемся положении на Родине.

И все же Колчак и его спутники с пользой проводят время в Америке. Колчак по просьбе коллег-союзников ведет работу в Морской академии. Он

принял предложение от морского министра познакомиться с американским флотом и на его флагмане "Пенсильвания" вместе с членами своей миссии более десяти дней участвовал в маневрах. Это совместное плавание было взаимно полезно.

После приема президентом Вильсоном миссия 20 октября выехала в Сан-Франциско. Решено было возвращаться на Родину. Время комфорта в поездках и плаваниях А.В. Колчака кончилось. В Сан-Франциско довольно долго пришлось ждать парохода. Здесь Колчак получил некоторые известия об октябрьских событиях, но не придал им серьезного значения. На полученную из России телеграмму с предложением выставить свою кандидатуру в Учредительное собрание от партии народной свободы и группы беспартийных по Черноморскому флоту ответил согласием. Однако его ответная телеграмма опоздала.

Сесть на перегруженный японский пароход "Карио-Мару" удалось с большим трудом, при помощи государственного секретаря Р. Лансинга и морского ведомства. Примерно через две недели, 8 или 9 ноября 1917 г., члены миссии, кроме оставшегося в США М.И. Смирнова, прибыли в Йокохаму.

После длительного отрыва от информации о событиях в России на А.В. Колчака обрушились ошеломляющие сообщения о свержении Временного правительства и захвате власти советами, большевиками. Спустя некоторое время было получено известие и о начале переговоров правительства В.И. Ленина с немецкими властями в Бресте на предмет заключения мира, который Колчак расценивал, как "полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нее и окончательное уничтожение нашей политической независимости".

Октябрьский большевистский переворот Колчак встретил с негодованием и к Советской власти до конца своих дней был крайне враждебен. Он был глубоко уверен (в отличие от значительной части военной интеллигенции), что от Ленина и его партии ничего позитивного для России и ее народа ждать не приходится.

Эти известия были для Колчака, как он потом отмечал, "самым тяжелым ударом, может быть, даже хуже, чем в Черноморском флоте. Я видел, что вся работа моей жизни кончилась именно так, как я этого опасался и против чего я совершенно определенно всю жизнь работал". В дальнейшем последовало заключение ленинским правительством Брестского мира⁴⁹, позорнее, кабальнее которого трудно было что-либо представить. Что дело идет к этому, Колчак предвидел. Перед Колчаком встал острейший вопрос: что же делать, как поступить дальше? В стране утверждается враждебный ему и массе других людей режим. Связывать служение Родине с большевизмом для него было невысказано. Наоборот, надо было вступить в борьбу с ним. В этом отношении Колчак был тверд. Но как и где начинать эту борьбу - вот в чем вопрос. Будь Колчак в России во время захвата большевиками власти, он был бы в эту борьбу вовлечен естественным путем, самой исторической ситуацией.

"Обдумав этот вопрос, - отмечает Колчак, - я пришел к заключению, что мне остается только одно - продолжать все же войну как представителю бывшего русского правительства, которое дало известное обязательство союзникам. Я занимал официальное положение, пользовался его доверием, оно вело эту войну, и я обязан эту войну продолжать. Тогда я пошел к английскому посланнику в Токио сэру Грину и высказал ему свою точку зрения на положение, заявив, что этого правительства я не признаю и считаю своим долгом, как один из представителей бывшего правительства, выполнять обещание союзникам; что те обязательства, которые были взяты Россией по отношению союзников, являются и моими обязательствами. Я обратился к нему с просьбой довести до сведения английского правительства, что я прошу принять меня в английскую армию на

каких угодно условиях. Я не ставлю никаких условий, а только прошу дать мне возможность вести активную борьбу”. Два члена миссии - Вуич и Безуар разделили выбор Кблчака, остальные, по его разрешению, решили вернуться в Россию.

Предложение А.В. Колчака своих услуг именно Англии, объясняется, думается, наилучшим и заинтересованным отношением к нему со стороны руководителей военно-морских сил этой страны. К. Грин с пониманием воспринял предложение А.В. Колчака и его мотивы. Он передал его просьбу по своему дипломатическому каналу министру иностранных дел Англии А. Бальфуру. Колчак был крупным военачальником и к тому же, судя по сведениям, которыми располагали англичане, пользовался в России определенным политическим авторитетом. Его предложением, переданным из Токио, заинтересовалось английское правительство. Колчаку через К. Грина было передано, чтобы он подождал решения.

Ждать и томиться в Йокохаме пришлось около двух месяцев. Можно, видимо, сказать, что это были единственные месяцы в жизни Колчака, когда он не был занят какой-либо активной и конкретной работой.

“Скучно, - жаловался он в письме А.В. Тимиревой, - и без конца тянутся дни, нарушаемые изредка только шифрованными телеграммами, для разбора которых приходится ездить в посольство или к морскому агенту контр-адмирала в Токио. Но надо ждать, и я жду окончательного ответа”.

Хотя в Йокохаме было немало русских, в основном из самой первой волны - послеоктябрьской эмиграции, Колчак проводил время в основном в одиночестве. Характер его всегда был сложным. Но на протяжении лет в нем происходили существенные изменения. Если ранее знавшие Колчака указывают на его тягу к общению, обществу, веселости, то впечатления о встречах с ним в последние годы пестрят указаниями на впадение его в крайности, включая нервность, раздражительность, склонность к замкнутости; своих соотечественников в Йокохаме, бежавших от большевиков, он не жаловал, полагая, что они проявили “бессилие”, что должны были оставаться на Родине и бороться за ее интересы.

Неожиданно открывшуюся полосу незанятости и ожидания Колчак заполнял чтением китайской литературы по философским и военным проблемам. Приобретенное в юности, во время плавания в южных широтах, знание китайского языка он существенно пополнил. Его притягивали военно-стратегическая концепция китайского полководца VI века до нашей эры Сунь-цзы. Суть концепции сводилась к приданию большого значения моральному состоянию войск, высоким и разносторонним качествам полководца (ум, беспристрастность, гуманность, мужество и строгость). Колчака привлекало учение секты Зен-воинствующего буддизма. Он разделял его основные догмы. Колчак придавал милитаризму, войнам в истории особое значение. С этой точки зрения он смотрел и на будущее России.

“... Война проиграна, но еще есть время выиграть новую и будем верить, что в новой войне Россия возродится, - писал он. - Революционная демократия захлебнется в собственной грязи или ее утопят в ее же крови. Другой будущности у нее нет. Нет возрождения нации помимо войны, и оно мыслимо только через войну. Будем ждать новой войны как единственного светлого будущего”.

Колчак - боевой адмирал, вынужденный уже полгода, в разгар мировой войны, обретаться где-то около дипломатических служб и тыловых военных штабов, жаждал непосредственного участия в горячем деле, в сражениях и, что уж скрывать, мечтал о новых подвигах.

Изучение военного искусства Древнего Востока наталкивает его на символы. Определенным воплощением этого искусства для него становятся сабли,

клинки, изготовлявшиеся для самураев большими мастерами средневековой Японии. После долгих целенаправленных поисков в лавочках Токио он купил клинок, сделанный знаменитым мастером Майошин. И в минуты, когда становилось на душе особенно тяжело, в раздумьях на военную тему, разглядывая клинок у пылающего камина, он видел в его отблесках живую душу древнего воина. Эти мысли, обращенные в прошлое, успокаивали. О своих раздумьях, мрачных размышлениях с клинком в руках у вечернего камина Колчак писал Тимиревой.

Многие исследователи мечут острые стрелы в адрес А.В. Колчака, прежде всего в связи с его высказываниями рассматриваемой поры. Но он сходные высказывания делал и в другое время, в частности, был сторонником надвигавшейся войны с Германией. Он “с радостью” встретил ее начало, считая происшедшее - неизбежным. Критические оценки воззрений Колчака, надо полагать, базируются на реальной почве. А.В. Колчаку действительно были присущи милитаристские воззрения. Но и преувеличенного подхода в оценках этого не следовало бы допускать. Естественно, выбор военной профессии сам по себе накладывал отпечаток на весь ход его мыслей, личности. В исторических условиях, в которых он жил и действовал, возможностей исключать войны практически не было. Колчак пережил грандиозный военный катаклизм - первую мировую войну. Отсюда военному деятелю трудно было не впасть в абсолютизацию такого явления, как война, в преувеличение военных методов решения исторических задач.

Своими мыслями об исторической судьбе России Колчак делится в письмах к любимой женщине - А.В. Тимиревой, хотя их переписка, осуществлявшаяся чаще через посольства (главным образом английского), другие посреднические каналы, с 1917 г. стала крайне затрудненной. “Оказии” стали редкими. С отъезжающим из Японии в Россию лейтенантом А.М. Меженцевым он 2 января отправил “рекордное, - как приписывал, - письмо в 40 страниц”. Тот обещал его передать общему знакомому в Петроград, а уж затем оно попало бы в руки Тимиревой. Трудно сказать, какие письма дошли до адресата и вообще были ли отправлены. Мы имеем дело все с теми же черновиками писем в тетрадах.

Не часто, с опозданием, но получал ответы на свои послания и сам Колчак. Так, 3 декабря 1917 г. Колчак извещает Тимиреву, что “сегодня неожиданно я получил Ваше письмо от 6 сентября, доставленное мне офицером, приехавшим из Америки”. Письмо пропутешествовало через страны и океаны три месяца, пока оказалось в Йокохаме. Письма Колчака наполнены дневниковыми зарисовками, описанием поездок, встреч, бесед, планов на будущее. Подчас эти темы преобладают. Но бывает и так, что письма почти целиком носят личный, интимный характер, обращены к сердцу любимой, полны воспоминаний о былых встречах 1914-1916 гг.

Вот такие слова находил Александр Васильевич в письмах к Анне Васильевне. “... И Ваш милый и обожаемый образ все время был перед моими глазами. - Ваша... улыбка, Ваш голос, Ваши розовые ручки для меня являются символом высшей награды, которая может вручаться лишь за выполнение величайшего подвига, выполнение военной идеи, долга и обязательств. И, думая о Вас, я временами испытываю какое-то странное состояние, где мне кажется прошлое каким-то сном, особенно в отношении Вас. Да верно ли я (знаю) Анну Васильевну; неужели это правда, а не моя собственная фантазия о ней, что был около нее, говорил с нею, целовал ее милые розовые ручки, слышал ее голос? Неужели ни сада Ревельского собрания, белых ночей в Петрограде, - может быть, ничего подобного не было?! Но передо мной стоит портрет Анны Васильевны с

ее милой прелестной улыбкой, лежат ее письма с такими же миленькими ласковыми словами; и когда читаешь их и вспоминаешь Анну Васильевну, то всегда кажется, что совершенно не достоин этого счастья, что эти слова являются наградой незаслуженной, и возникает боязнь за их утрату, и сомнения...”.

Ни сами письма Колчака к Тимиревой, в чем-то безусловно отличавшиеся от черновиков, ни ее письма к нему (кроме написанных в 1919 г. на фронт), к сожалению, до нас не дошли. Они, видимо, погибли в пекле гражданской войны, при бесконечных арестах, тюремных и лагерных мытарствах Тимиревой в условиях советской власти. Очень жаль! Но, судя по записям Колчака, письма Тимиревой были прелестными. Читая сейчас гораздо более поздние воспоминания А.В. Тимиревой, можно предполагать, что и письма ее к А.В. Колчаку были умными, полными ярких наблюдений, душевными и обаятельными. По письмам-ответам Колчака чувствуется, что и она упивалась эпистолярными посланиями любимого и вновь, и вновь просила у него слов о любви, внимания.

Пронеся любовь к Александру Васильевичу через десятилетия тяжелых лагерных испытаний, она, обладавшая поэтическим даром, писала:

Ты ласковым стал мне сниться,
Веселым, как в лучшие дни.
Любви золотые страницы
Листают легкие сны...

В конце декабря 1917 г. А.В. Колчак получил наконец, сообщение о том, какое решение принято правительством, военным ведомством Англии по отношению к нему. В письме А.В. Тимиревой 30 декабря он, не без явного волнения, отмечает: “Сегодня день большого значения для меня; сегодня я был вызван сэром Грином в посольство и получил от него сообщение, решающее мое ближайшее будущее. Я с двумя своими спутниками принят на службу Его Величества короля Англии и еду на Месопотамский фронт. Где и что я буду делать там - не знаю.

... В своей просьбе, обращенной к английскому послу, переданной правительству Его Величества, я сказал: “Я не могу признать мира, который пытается заключить моя страна с врагами... Обязательства моей Родины перед союзниками я считаю своим обязательством. Я хочу продолжить и участвовать в войне на фронте Великобритании, т.к. считаю, что Великобритания никогда не сложит оружия перед Германией”.

Назначение Колчака на сухопутный и второстепенный фронт было не очень логичным и понятным. Видимо, оно было связано с расчетами англичан на соединение войск в Месопотамии с русскими войсками, находившимися еще с царских времен в Персии; а также в Закавказье. Известно, что перед тем в Месопотамию на соединение с англичанами прорвалась часть русских войск, а другие наступали из Закавказья в южном направлении вплоть до декабря 1917 г.

Итак, вице-адмирал А.В. Колчак с конца 1917 г. становится было военнотружущим английской армии. Колчак понимает, что его положение необычно. Он иронически называет себя “кондотьером” и признает, что его решение служить в иностранной армии не бесспорно. Сознает он и излишнюю категоричность своих милитаристских взглядов. “Моя вера в войну, - пишет он Тимиревой, - ставшая положительно каким-то... убеждением, покажется Вам дикой и абсурдной и, в конечном результате, страшная формула, что я поставил войну выше Родины, выше всего! быть может, вызовет у Вас чувство неприязни и негодования. Я отдаю отчет в своем положении... Как посмотрите Вы на это - я не знаю.

Главноуправляющий Китайско-Восточной железной дороги генерал-лейтенант Д.Л. Хорват.

сланником князем Н.А. Кудашевым. Здесь дипломатов, различных чиновников, приехавших из Харбина, из управления Китайско-Восточной железной дороги⁵⁰, эмигрантов из России было гораздо больше. Встречи с земляками были более многочисленными. У Колчака уже в это время завязываются определенные связи с представителями атамана Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова, администрацией КВЖД, японскими дипломатическими представителями. Он оказался в курсе дела о контактах семеновцев с японцами, даже пытался содействовать первым в получении средств из посольства для закупки в Японии оружия. Посол России князь Н.А. Кудашев, управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д.Л. Хорват⁵¹ продумывали вопрос о задержании А.В. Колчака, чтобы предложить ему включиться в борьбу с большевистским режимом на территории России. Через значительный промежуток времени Кудашев прислал Колчаку из Пекина в Шанхай письмо с просьбой приехать к нему по весьма важному делу. Но Колчак ответил, что приехать не может, должен следовать по назначению, и вскоре отплыл в Сингапур. Он вполне мог предполагать, о чем пойдет речь. Видимо, по каким-то причинам он не был готов, не был склонен

Но меня, конечно, заботит этот вопрос, вопрос существенный для меня только в отношении войны”.

По получении 30 декабря (по ст. стилю) 1917 г. предписания отправиться на Месопотамский фронт, Колчак, который практически всегда был по военному в сборе, готов был двинуться в путь незамедлительно. Предстояло плыть пароходом через Шанхай - Сингапур - Коломбо - Бомбей. Но, увы, ему вновь пришлось ждать транспорта. В показаниях на допросе в Иркутске Колчак говорил, что уехал из Йокохамы в Шанхай в 20-х числах января. В письме-записи прибытие в Шанхай Колчак датирует 16-м (по ст. (-) стилю; по новому - 29-го) января 1918 г. Здесь вновь пришлось долго ждать английского парохода для дальнейшего следования. А когда этот пароход - “Динегга” пришел, то на нем были выявлены заболевания чумой. Начался карантин. Удалось отплыть лишь через месяц, в феврале.

Как и в Японии, в Китае, в его столице Пекине, А.В. Колчак встречается с российскими дипломатами, в том числе с по-

связывать свою судьбу с белым движением на Дальнем Востоке, предпочитал внешний, хотя и зарубежный фронт. Но этим планам не суждено было сбыться. Русские дипломатические и политические деятели за его спиной договорились с англичанами об использовании Колчака на внутреннем российском фронте. Надобно отметить, что зачисление Колчака и двух его офицеров на английскую службу не было подкреплено материально. Они продолжали жить и ездить на средства, которые оставались от суммы, выданной Временным правительством летом 1917 г. Деньги подходили к концу. Их приходилось жестко экономить.

В Сингапуре, куда Колчак прибыл на “Динеге” 11 марта 1918 г.*, его встретил командующий английскими войсками генерал Ридаут. Встретил, по отзыву Колчака, “весьма торжественно” и передал уже подготовленный пакет с распоряжением английского генерального штаба. Колчаку следовало вернуться в Россию, ехать на Дальний Восток и начинать свою деятельность там. В качестве мотива выдвигался тот факт, что к тому времени положение на Месопотамском фронте резко изменилось; русские войска, находившиеся в Персии, Месопотамии и сражавшиеся против турок, фактически исчезли, разбежались. Большие территории правительство Ленина передало Турции.

Пробыв некоторое время в экзотическом Сингапуре в отеле “Европа” и написав 16 марта 1918 г. письмо А.В. Тимиревой, А.В. Колчак первым же пароходом вернулся в Шанхай. В письме Тимиревой он информировал ее о своих делах и сетовал на судьбу: “И вот я со своими офицерами оставил “Динегу”, перебрался в Хотель Европа и жду первого парохода, чтобы ехать обратно в Шанхай и оттуда в Пекин, где я имею получить инструкции и информации от союзных посольств. Моя миссия является секретной, и хотя я догадываюсь о ее задачах и целях, но пока не буду говорить о ней до приезда в Пекин.

Милая моя, Анна Васильевна, Вы знаете и понимаете, как это все тяжело, какие нервы надо иметь, чтобы переживать это время, это восьмимесячное передвижение по всему земному шару...

Не знаю, я сам удивляюсь своему спокойствию, с каким встречаю сюрпризы судьбы, изменения внезапно всех намерений, решений и целей...”.

На самом деле спокойствия, конечно, не было: сильнейшие потрясения, неурядицы, личная неустроенность этих восьми месяцев основательно подействовали на здоровье Колчака; нервы его часто стали сдавать. Его раздражало, что он, его судьба зависят не только от постоянно меняющихся исторических обстоятельств, но и от многих людей.

С прибытием А.В. Колчака в Пекин и последовавшим обоснованием его в Харбине закончился многомесячный зарубежный период поездок. Предстояла деятельность, связанная с политическими и военными приготовлениями к участию в борьбе с большевистским режимом на внутренних, российских фронтах.

* Все последующее датирование событий нами дается, как и в данном случае, уже по новому стилю.

Вице-адмирал А.В. Колчак (сидит второй слева) и генерал-лейтенант Д.Л. Хорват (сидит - третий слева) с членами правления Китайско-Восточной железной дороги и предпринимателями.

8. НА ПОРОГЕ РОССИИ

Имея самую общую информацию и ориентировку о предстоящей работе, А.В. Колчак ждет конкретных разъяснений, посвящения в суть дела. В конце концов окончательное решение вопроса об участии в нем зависело от его собственного решения.

Первым, главным источником ожидаемой информации и соавтором предполагаемого плана действий явился все тот же князь Н.А. Кудашев. При встрече в Пекине он Колчаку сказал: "Против той анархии, которая возникает в России, уже собираются вооруженные силы на юге России, где действуют добровольческие армии генерала Алексеева и генерала Корнилова (тогда еще не было известно о его смерти. - *И.П.*). Необходимо начать готовить Дальний Восток к тому, чтобы создать здесь вооруженную силу, для того, чтобы обеспечить порядок и спокойствие на Дальнем Востоке". Колчак дал согласие на сделанное ему предложение. Позднее в Пекине состоялись встречи его с рядом политических деятелей, представителей КВЖД, включая ее управляющего Д.Л. Хорвата и А.И. Путилова. Он убедился, что русскими политиками действительно вынашивается идея создания в районе КВЖД крупных вооруженных сил с тем, чтобы в дальнейшем двинуть их против большевиков, то есть начать движение, подобное тому, которое возникло на юге страны. В этом большая ставка, видимо, делалась на него, Колчака. С учетом возможного успеха всего дела его это устраивало. Решено было, что для удобства действий А.В. Колчаку надо занять офици-

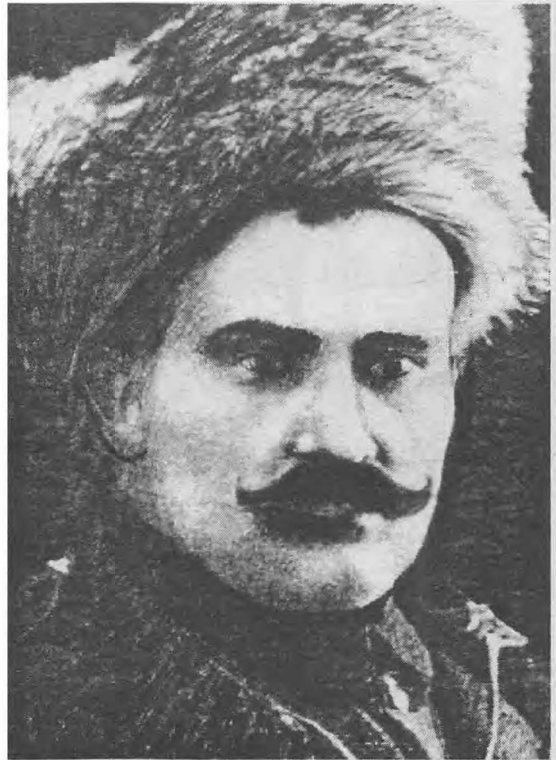
альное положение. И он был введен в правление КВЖД.

Итак, главной задачей А.В. Колчака в Харбине было формирование на Дальнем Востоке вооруженных сил, противостоящих советской большевистской власти. Но уже в силу этого его деятельность переставала быть чисто военной, она становилась и политической. Ему приходилось иметь дело с различными политическими организациями. А их на Дальнем Востоке, в зоне КВЖД, появилось много.

В “русском” городе Харбине в феврале 1918 г. был образован “Дальневосточный комитет активной защиты Родины и Учредительного собрания”, решающее влияние в котором имел Д.Л. Хорват, возглавлявший КВЖД с ее открытия в 1903 г. Комитет включал в себя силы либерально-демократической, а отчасти и право-монархической ориентации. К моменту возвращения Колчака в Китай в Харбине появилось временное правительство автономной Сибири во главе с эсером - П.Я. Дербером⁵², возникшее в Томске и вынужденное бежать от советов на восток. Эти два органа конкурировали между собой. Доминировал комитет. Особую прояпонскую политическую силу составляли казацкие атаманы - Г.М. Семенов и другие, подвизавшиеся в это время также в Маньчжурии. Все сильней оказывалось влияние Японии и на комитет Хорвата. В тогдашних условиях без поступления оружия из этой рядом расположенной страны начинать формирование отрядов было невозможно.

Войдя в состав управления КВЖД, А.В. Колчак контактировал прежде всего с Д.Л. Хорватом. Но ему с самого начала пришлось столкнуться с “атаманщиной”, с Г.М. Семеновым, который, прочно поддерживаемый японцами, стремился проводить независимый от существующих в Харбине организаций курс, в том числе в создании вооруженных отрядов.

С апреля 1918 г. Колчак, находясь в Харбине, часто выезжая в места дислокации различных отрядов, приступил к выполнению своей задачи под эгидой обновленного правления КВЖД. Колчаком начато было формирование крупного соединения. Оно развертывалось под предлогом укрепления охраны железной дороги. Основные средства, в том числе и на оплату приобретаемого оружия, давало правление КВЖД. Колчак столкнулся с невероятно большими трудностями, острой конкурентной борьбой различных сил, нарастающим давлением Японии, представители которой пытались влиять на него, прибегая к различным методам. Готовя интервенцию и видя “неподатливость” адмирала, они пришли к выводу, что целесообразней было бы его как-то отстранить от дел. Готовились к вступлению на российскую территорию не только семеновцы, не только не вступившие в подчинение Колчаку отряды, но и те, которые находились в его подчинении, в распоряжении правления КВЖД, Дальневосточного комитета. Вместе с

Атаман Забайкальского казачьего войска есаул, в дальнейшем - генерал-лейтенант Г.М. Семенов.

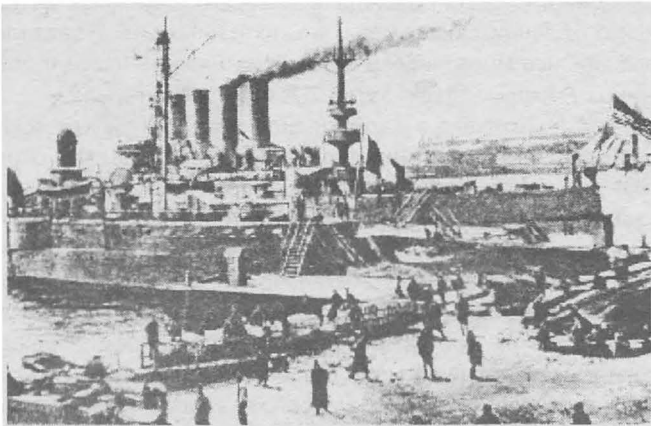

Главноуправляющий Китайско-Восточной железной дороги генерал-лейтенант Д.Л. Хорват (в центре) с членами Международного совета, созданного интервентами в Приморье русскими и иностранными офицерами.

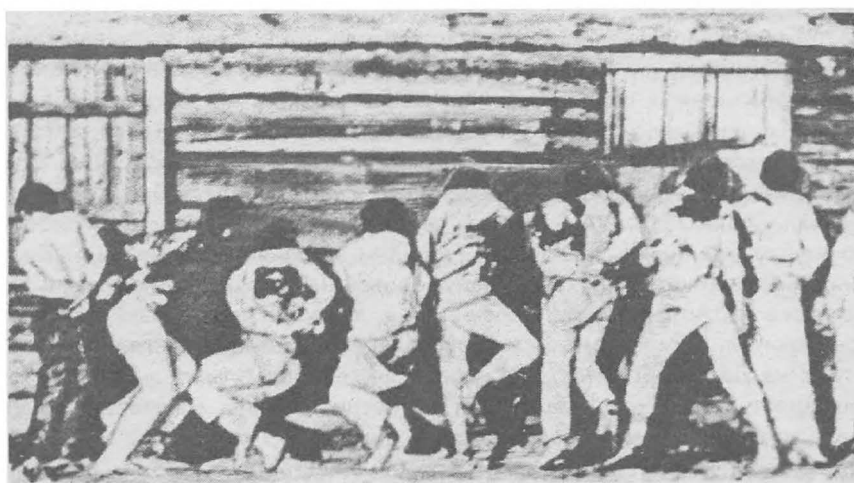
тем в сфере политической также развертывалась борьба. Группа П.Я. Дербера предприняла попытку выйти на первый план, но этого ей добиться не удалось. Попытка ее опереться для этого на земство Приморья также не увенчалась успехом. Областная земская управа во Владивостоке сама объявила себя законной местной властью. Д.Л. Хорват в начале июля провозгласил себя Временным Верховным правителем России и стремился с военными силами выйти на территорию страны, с дальневосточных пределов которой в это время советские отряды, терпевшие поражение, откатывались на запад. Самостоятельно, независимо от Дербера, Хорвата, земства, действовали казацкие атаманы. Крупной военной фигурой в этой игре являлся Г.М. Семенов (Забайкальское казацье войско), отряды которого становились все более многочисленными, а также И.М. Калмыков (Уссурийское казацье войско) и И.М. Гамов (Амурское казацье войско).

В условиях противоборства многочисленных дальневосточных правительств и атаманов, претензий на власть Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) в Самаре и Уральского правительства в Екатеринбурге повышалось значение правительства в Омске. Сформировалось оно в конце июня 1918 г. Его возглавил известный сибирский адвокат Петр Васильевич Вологодский⁵³. Омское Временное правительство Сибири стремилось стать руководящим органом в масштабах всей Сибири, Дальнего Востока, а также Урала и Поволжья - всей территории, освобожденной летом 1918 г. от большевиков. Обладая наиболее крупными формированиями вооруженных сил, располагаясь в центре региона, Омское правительство укреплялось.

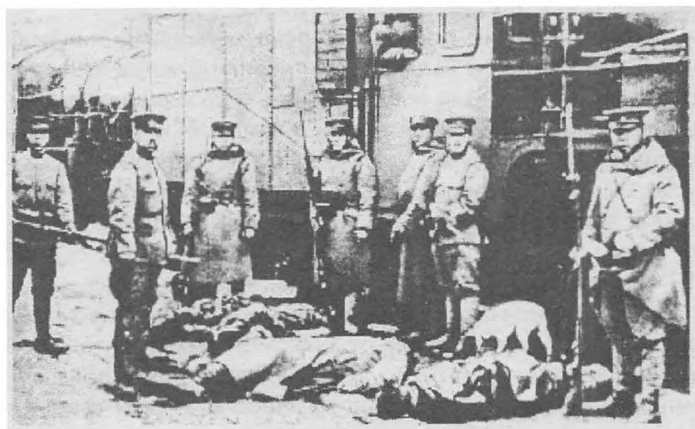
Летом 1918 г. "очаговая" прежде гражданская война стала всеохватывающей. Установки и призывы большевистских руководителей начать гражданскую войну в деревне, расколоть ее крестьянство, соответствующее сопротивление части этого крестьянства, городского населения, другие факторы, в том числе "расказачивание", попытки советских властей задержать, разоружить части чехословацкого корпуса, их восстание с санкции и по указанию западных правительств, привели к тому, о чем как о неотвратимой перспективе говорил и Колчак. В Рос-

Военный корабль американских интервентов в бухте "Золотой Рог" (г. Владивосток).

Жертвы красного террора в Енисейской губернии.

Японские интервенты у трупов расстрелянных.

сии полыхала гражданская война. Она сопровождалась широкой военной интервенцией японских, английских, французских, американских и иных сил. В частности, на Дальнем Востоке высадились многочисленные войска Японии, части и подразделения других союзников России - США, затем - Англии, Франции...

С самого начала работа А.В. Колчака в Харбине шла тяжело. Прежде всего из-за того, что слишком много было препон на пути объединения мелких отрядов. Фактически не уделяя должного внимания этому вопросу Хорват. Больше того, он стал проявлять заметную подозрительность по отношению к адмиралу Колчаку. Стремившийся сделать собственную всероссийскую политическую карьеру, Хорват видел конкурента во властном, деятельном и широко известном в России Колчаке. Но главное противоречие между ними было то, что Колчак ориентировался главным образом на контакты с западными странами, прежде всего с Англией, Хорват же во все большей мере сближался с Японией. У Колчака к политиканствующему, лавирующему генералу складывалось неуважительное отношение. Дело дошло до публичных негативных оценок А.В. Колчаком действий Д.Л. Хорвата.

В то время, когда японские представители стали открыто вмешиваться в дела по формированию единого мощного соединения, добиваясь сохранения мелких, разрозненных отрядов, Колчак решил поехать в Токио для выяснения отношений с японскими военными верхами. Очевидно, он надеялся завязать связи и с представителями других стран, чтобы получить от них помощь в военном строительстве. Передав командование войсками генералу Б.Р. Хрещатицкому, в начале июля 1918 г. А.В. Колчак уехал в Токио. К тому времени соперничество между Японией и западными странами за влияние на Дальнем Востоке усилилось. Доминирование здесь Японии вовсе не устраивало Англию и Францию, а также США. Дипломаты России, продолжавшие действовать в этом районе, предпочитали придерживаться прозападной ориентации. Английским правительством на Дальний Восток был направлен генерал Альфред Уильям Нокс⁵⁴, долгое время (с 1911 г.) работавший в России, сначала в качестве военного атташе, а во время войны - представителем при Ставке. Он хорошо знал Россию, следил за перипетиями политической борьбы в ней в 1917-1918 гг., владел русским языком. Прибывали на Дальний Восток и другие дипломаты, но Нокс, сочетавший дипломатические и военные знания, заметно выделялся среди них. Впоследствии он сыграл большую роль в судьбе Колчака, стал его другом и сохранил о нем добрые воспоминания.

Колчак в Токио добился встречи с высшими чинами японского Генштаба генералами Ихарой и Танакой. Он просил об устранении возникших осложнений между ним и японскими представителями, помощи оружием. Но - тщетно. Развеять возникшие подозрения о его "японофобии" в правящих кругах страны восходящего солнца ему не удалось. Под предлогом отдыха и лечения он, в сущности, был задержан в Японии и пробыл там почти два месяца. Здоровье у Колчака действительно было расшатанным, и лечение оказалось кстати. В те дни у него произошли и перемены в личной жизни. В Харбине он встретился с А.В. Тимиревой и вот здесь, в Токио, ждал ее вновь.

Анна Тимирева с мужем летом 1918 г. ехала во Владивосток. В Благовещенске она случайно узнала от знакомого лейтенанта Б.Н. Рыболовского, что в Харбине находится А.В. Колчак. По последнему полученному письму от него Тимирева знала, что он отбыл на Месопотамский фронт, будучи принятым на английскую службу. Письма из Сингапура, вести о его возвращении она не полу-

чала.* О той минуте, когда она узнала о близком местонахождении Колчака, Тимирева вспоминает: “Не знаю уж, вероятно, я очень переменялась в лице, потому что Женя (девушка, ехавшая к родителям в Харбин. - *И.П.*) посмотрела на меня и спросила: “Вы приедете ко мне в Харбин?” Я, ни минуты не задумываясь, сказала: “Приеду”. Из Владивостока Тимирева написала Колчаку. “С этим письмом, - вспоминала она, - я пошла в английское консульство и попросила доставить его по адресу. Через несколько дней ко мне вошел незнакомый мне человек и передал закатанное в папиросу мелко-мелко исписанное письмо Александра Васильевича.

Он писал: “Передо мной лежит Ваше письмо, и я не знаю - действительно это или я сам до него додумался”. Она приехала в Харбин. Встретились, проехав навстречу друг другу по всей окружности земного шара.

Колчак жил в вагоне, Тимирева сначала в семье упомянутой Жени, потом в гостинице. Состоялся серьезный разговор о совместной жизни.

“А.В. приходил измученный, - вспоминала Тимирева, - совсем перестал спать, нервничал, а я все не могла решиться порвать со своей прошлой жизнью. Мы сидели поодаль и разговаривали. Я протянула руку и коснулась его лица - и в то же мгновение он заснул. А я сидела, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить его. Рука у меня затекла, а я все смотрела на дорогое и измученное лицо спящего. И тут я поняла, что никогда не уеду от него, что, кроме этого человека, нет у меня ничего и мое место - с ним”.

Вернувшись во Владивосток, А.В. Тимирева сказала мужу, что уходит от него к А.В. Колчаку. Сын Тимиревых жил в то время у матери Анны Васильевны в Кисловодске. Продав жемчужное ожерелье, А.В. Тимирева отплыла в Японию. “Александр Васильевич, - пишет она, - встретил меня на вокзале в Токио, увез в Империял-отель. Он очень волновался, жил в другом отеле. Ушел - до утра.

Александр Васильевич приехал ко мне на другой день. “У меня к Вам просьба”. - “?” - “Поедемте со мной в русскую церковь” Церковь почти пуста, служба на японском языке, но напевы русские, привычные с детства, и мы стоим рядом молча. Не знаю, что он думал, но я припомнила великопостную молитву “Всем сердцем”. Наверное, это лучшие слова для людей, связывающих свои жизни.

Когда мы возвращались, я сказала ему: “Я знаю, что за все надо платить - и за то, что мы вместе, - но пусть это будет бедность, болезнь, что угодно, только не утрата той полной нашей душевной близости, я на все согласна”. Что ж, платить пришлось страшной ценой, но никогда я не жалела о том, за что пришла эта расплата”.

А.В. Колчак и А.В. Тимирева, состоявшие с этого времени, как принято говорить, в гражданском браке, вместе отдыхали. Уехали в курортный город Никко. Курорт был одновременно и примечательным городом-памятником архитектуры. Отдых, лечение, приезд любимой женщины благотворно влияли на Колчака, хотя в той и предстоящей обстановке сплошных нервных перегрузок и потрясений прийти в полное физическое равновесие ему было уже не дано.

* Последнее письмо, полное нежности (“Милый Александр Васильевич, далекая любовь моя... чего бы я дала, чтобы побыть с Вами, взглянуть в Ваши милые темные глаза...”), она послала 10 марта в Сингапур. Колчака оно нашло в начале апреля уже в Харбине.

Отдых от отдыхом, но в Японии Колчак не отрывался от событий в России. Он поддерживал переписку с рядом влиятельных лиц. Из письма Н.А. Кудашева А.В. Колчаку в Японию видно, что ставка на него делалась большая. “Искренне надеюсь, что Вы только временно отошли от активной работы воссоздания России и восстановления у нас порядка и власти”. Вряд ли можно сомневаться в том, что речь о Колчаке шла и в переписке дипломатов российских, английских, французских, возможно, и других.

В конце августа в Токио состоялась встреча А.В. Колчака с А. Ноксом, уже побывавшим во Владивостоке и находившимся в курсе событий не только на Дальнем Востоке, но и в Сибири, и в России в целом. О визите к нему генерала Нокса Колчак на следствии в Иркутске 30 января 1920 г. рассказал: “Разговаривая со мной о положении на Дальнем Востоке, он спросил меня, что я делаю. Я изложил ему подробно свою эпопею на Дальнем Востоке и причину, почему я уехал оттуда и нахожусь в Японии. Он просил меня сообщить, что происходит во Владивостоке, так как, по его мнению, нужно было организовать власть. Я сказал, что организация власти в такое время, как теперь, возможна только при одном условии, что эта власть должна опираться на вооруженную силу, которая была бы в ее распоряжении. Этим самым решается вопрос о власти, и надо решать вопрос о создании вооруженной силы, на которую эта власть могла бы опереться, так как без этого она будет фиктивной, и всякий другой, кто располагает этой силой, может взять власть в свои руки. Мы очень долго беседовали по поводу того, каким образом организовать эту силу, Нокс, по-видимому, приехал с широкими задачами и планами, которые ему впоследствии пришлось изменить, но он приехал помочь организации армии.

Я указывал ему, что, имея опыт с теми организациями, которые были, я держусь того, что таким путем нам вряд ли удастся создать что-нибудь серьезное. Поэтому я с ним условился принципиально, что создание армии должно будет идти при помощи английских инструкторов и английских наблюдающих организаций, которые будут вместе с тем снабжать ее оружием, что если надо создавать нашу армию, то надо создавать с самого начала...”. Колчак при этом развивал ту точку зрения, что командующий сформированной армией и должен затем осуществлять всю полноту власти, то есть говорил о необходимости установления военной диктатуры. В записке Ноксу относительно налаживания местной власти Колчак писал: “Как только освобождается известный район вооруженной силой, должна вступить в отправление своих функций гражданская власть. Какая власть? Выдумывать ее не приходится, - для этого есть земская организация, и нужно ее поддерживать. Покуда территория мала, эти земские организации могут оставаться автономными. И по мере того, как развивается территория, эти земские организации, соединяясь в более крупные соединения, получают возможность уже выделить из себя тем или другим путем правительственный аппарат”. В Токио по совету российского посла В.Н. Крупенского Колчак встретился и с французским послом М. Реньо. Шли беседы и с ним, но более общего характера.

Хотелось бы высказаться относительно того вопроса, который издавна вновь и вновь поднимается в литературе, - была ли достигнута между А. Ноксом и А.В. Колчаком договоренность о перевороте в Сибири, о назначении его диктатором? Вряд ли. Во-первых, Колчак на допросах, оставляя свидетельства для потомства, был весьма откровенным и о такой договоренности не упомянул, во-вторых, обсуждать вопрос о перевороте без конкретного знания ситуации в

Омске было немислимо. Собеседники обменивались мнениями, изучали друг друга. Колчак стремился выяснить, в каких формах и масштабах может быть осуществлена помощь антибольшевистским силам со стороны Англии. И на допросе в Иркутске и до этого многим близким людям он говорил, что намерен был через Дальний Восток проехать на юг России и там включиться в вооруженную борьбу. Вполне возможно, что его конечные истинные цели были именно такими. Тем более, что там был "его" Черноморский флот.

Один из исследователей деятельности А.В. Колчака Г.З. Иоффе склонен считать, что тот в Японии уже стал действовать под руководством А. Нокса и англичане вели его к заданной цели. Автор приводит сообщение А. Нокса своему начальству о Колчаке, что "нет никакого сомнения в том, что он является лучшим русским для осуществления наших целей на Дальнем Востоке". Данные эти ценны, но они говорят лишь о впечатлениях Нокса от знакомства и бесед с Колчаком, о видах британской дипломатии на него, но отнюдь не о каком-то совместном плане действий. И вообще речь целесообразнее вести о взаимовлиянии Колчака и Нокса, российских и английских дипломатов и политиков, их стремлении найти общие точки соприкосновения, выяснить взаимные интересы. Надо постоянно иметь в виду, что Колчак был патриотом России до мозга костей, интервенция ему претила, он воспринимал ее как неизбежное зло и вел переговоры с представителями союзных держав лишь с целью получения какой-то реальной помощи для белого движения.

Теперь все помыслы А.В. Колчака сосредоточены на идее возвращения в Россию с тем, чтобы непосредственно включиться в ряды борцов против большевизма.

9. ЕХАЛ НА РОССИЙСКИЙ ЮГ - ОКАЗАЛСЯ ОМСКИМ МИНИСТРОМ

В сентябре 1918 г. Колчак выехал из Японии во Владивосток. С ним вместе в Россию возвращалась и А.В. Тимирева.

По прибытии во Владивосток Колчак знакомится с ситуацией не только на Дальнем Востоке, но и вообще в восточных районах страны. О многом узнает впервые, в частности о только что состоявшемся совещании в Уфе представителей различных политических сил и об образовании Директории - Временного Всероссийского правительства.

Директория была создана 23 сентября 1918 г. в составе председателя правого эсера Н.Д. Авксентьева⁵⁵, кадета Н.И. Астрова, беспартийного генерала В.Г. Болдырева, беспартийного, близкого к кадетам П.В. Вологодского и народного социалиста Н.В. Чайковского. Из-за нахождения за линией фронта Астрова и Чайковского их заместителями были избраны кадет В.А. Виноградов и эсер В.М. Зензинов, так и оставшиеся фактическими членами Директории. Деловым аппаратом Директории стало Омское правительство с его Административным советом, потом реорганизованным в Совет министров. Другие местные правительства, органы власти были ликвидированы или реорганизованы и подчинены Директории и ее Совмину. 9 октября 1918 г. Директория обосновалась в Омске. Председателем Совета министров был П.В. Вологодский, бывший прежде, как

Председатель Директории (Временного Всероссийского правительства) Н.Д. Авксентьев.

уже отмечалось, председателем Временного Сибирского правительства.

С созданием Директории белое движение на востоке России консолидировалось, хотя сепаратизм различных организаций и не был устранен и в дальнейшем остро сказывался. Директория по составу и направленности политики была кадетско-эсеровской. Но реальной властью обладал Совет министров при Директории, который фактически стремился выйти из-под ее контроля и встать над ней. Совет министров, имея поддержку военных, в том числе казачьих кругов, испытывал их давление, придерживался куда более радикальных ориентаций, нежели Директория. Разнородные силы в сложившейся системе власти, в Совете министров как-то уравнивал его председатель и член Директории П.В. Вологодский.

П.В. Вологодский в Уфимском совещании не участвовал (в Директорию был избран заочно), так как находился в поездке по Дальнему Востоку, налаживая контакты с местными конкурировавшими органами власти и организациями, с военным командованием. Именно в эти дни он встретился во Владивостоке с Колчаком по инициативе последнего. Эта встреча оказалась для Колчака полезной и для получения информации, и для ориентации в последующих действиях.

Не меньшее, а, пожалуй, еще большее значение имела встреча А.В. Колчака с генерал-майором Р. Гайдой, бывшим командующим 2-й чехословацкой дивизией, только что вступившим в русскую службу и получившим назначение на фронт.

Радола Гауда (настоящие имя и фамилия - Рудольф Гейдль)⁵⁶ - крупный, талантливый авантюрист, чех по национальности, военфельдшер австро-венгерской армии, присвоивший затем себе офицерское звание. Бежал в Россию. Находясь в составе чехословацкого корпуса, в конце мая 1918 г. он возглавил борьбу против власти большевиков в восточной части Сибири, достиг крупных успехов и совершил головокружительную карьеру, став одним из виднейших военачальников. Ему предстояло из Владивостока прорваться в Екатеринбург и вступить в командование группой войск, реорганизованной потом в Сибирскую армию.

Как вспоминал А.В. Колчак, он долго не мог выбраться из Владивостока и обратился за помощью в штаб белочехов. Ему передали, что адмирала хочет

видеть Гайда. Состоялась встреча в здании порта, где размещался штаб генерала.

Беседа была длительной и оказалась весьма предметной. Оба расценивали вооруженные силы как главную опору власти, высказались за установление военной диктатуры. Гайда считал возможным на роль главнокомандующего, военного диктатора выдвинуть представителя от чехословацкого корпуса, даже предлагал Вологодскому свою кандидатуру. Колчак же, резонно считая, что преобладать в борьбе с большевиками будут русские войска, высказывался за выдвижение русского. Он говорил: "Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армия верила, которое она знала бы, и только в таких условиях это возможно".

Кто знает, может быть, именно теперь, перед поездкой из Владивостока в Омск, во время разговора с Гайдой Колчак конкретно и задумался над вопросом о возможности стать этим самым главнокомандующим и диктатором? Что касается Гайды, то он совершенно определенно задавался вопросом о такой роли Колчака. Есть основание считать, что Гайда и Колчак в какой-то форме договаривались о последующей совместной работе. Адьютант А.В. Колчака капитан А.Н. Апушкин, ехавший с ним из Владивостока в Омск, в ноябре 1918 г. в докладе А.И. Деникину сообщал: "... во Владивостоке Гайда предложил Колчаку работать с ним на Екатеринбургском фронте, на что Колчак и согласился... В это время Директория переехала в Омск, и мы решили посетить правительство". Документ свидетельствует о том, что сам Колчак еще не имел определенного плана действий.

В это же время в Восточную Сибирь и в Маньчжурию выезжал член подпольной антисоветской организации "Национальный центр"⁵⁷, лидер сибирских кадетов Виктор Николаевич Пепеляев. От этой подпольной организации он имел специальное задание и большие полномочия для его осуществления. "Национальный центр" командировал меня на восток, - отмечал он, - для работы в пользу единоличной диктатуры и для переговоров с адмиралом Колчаком в целях предотвращения соперничества имен Алексева и Колчака. Со смертью Алексева кандидатура адмирала стала беспорной...".

Председатель Совета Министров Директории, затем правительства Верховного правителя России А.В. Колчака П.В. Вологодский.

Командир 2-й чехословацкой дивизии, с октября 1918 г. - командующий Екатеринбургской группой Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда.

Затем Гайда заявил, что он также не верит в Уфимское совещание, в твердость Директории ("они будут оставлять жить тех, кому жить не следует").

- Какой-же, по-вашему, выход, - военная диктатура?

- Конечно.

- Я очень рад, что узнал лично ваш взгляд. В своих интересах вы его не высказывали.

- Да, пока не все готово. Пока не соорганизованы воен(ные) силы. Вот едет Колчак.

На это я сказал, что в Москве наметили ген. Алексеева, но с ним нет никакой связи. Между тем время идет. Колчак имелся в виду как второй кандидат. Его, возможно, поддержат. Но когда это может быть?

- Дней через двадцать. Чехов мне удастся убедить.

- А...* так же думает?

- Мы одинаково думаем, он меня поддержит".

Об этом Пепеляев писал в марте 1919 г., а выехал он из Москвы еще в августе 1918 г. Видимо, действительно "Национальный центр" знал о пребывании Колчака весной и летом 1918 г. на Дальнем Востоке, в Маньчжурии, и рассматривал его как одного из кандидатов в диктаторы во всероссийском масштабе. Это весьма существенный факт.

Р. Гайда специальным поездом из Владивостока через Маньчжурию ехал на запад. В пути 28 сентября с ним встретился В.Н. Пепеляев. В дневнике Пепеляева главный сюжет переговоров записан так:

"... Перешли к вопросу о власти. Я сказал, что не поехал на Уфимское совещание, ибо не верю в создание таким путем прочной власти и что спасение в единоличной военной диктатуре.

- Но выдвигайте же лицо.

- В Москве мы наметили ген. Алексеева, но его нет. Алексеев очень ценен, как специалист, но он стар для диктатора.

- Деникин.

- О, да: но ведь и его тоже нет.

* Так в тексте. В.Н. Пепеляев не вписал фамилию умышленно. Возможно, имеется в виду командующий чехословацким корпусом генерал-майор Я. Сыров³⁸.

Мы видим, что у Гайды сложилось твердое намерение добиваться продвижения Колчака в диктаторы.

В дневнике В.Н. Пепеляева имеется также запись: "Гайда обещал дать телеграмму Колчаку, чтобы он встретился со мною в Маньчжурии. Колчак едет дня через 2-3".

Речь идет о предстоящей встрече В.Н. Пепеляева с А.В. Колчаком. Но по каким-то причинам она не состоялась. Тем не менее В.Н. Пепеляев, побывавший в Маньчжурии и получивший там сведения о Колчаке, следил за его продвижением к Омску. По возвращении с Дальнего Востока Пепеляев продолжает прорабатывать вопрос о военной диктатуре и продвижении на эту роль Колчака. Сам адмирал, очевидно, этого не знал.

А.В. Колчак сложил с себя полномочия члена правления КВЖД, подав заявление. Как и из Японии во Владивосток, через Сибирь Колчак ехал в гражданском платье. Выехал он из

Владивостока, очевидно, 27 сентября*, ибо, как отмечал, в пути был 17 дней, а в Омск приехал 13 октября. По приезде, уже на другой день, он пишет письмо генералу М.В. Алексееву на юг, не зная еще, что за неделю до этого тот скончался. В этом письме Колчак сообщает о своем решении ехать в Европейскую Россию и работать в подчинении Алексеева. Он информирует о существующем в Омске правительстве и позитивно оценивает его ("поскольку могу судить, эта власть является первой, имеющей все основания для утверждения и развития").

На основе приведенных данных, мы со всей определенностью можем утверждать, что А.В. Колчак не был кем-то и с его согласия заранее намечен на пост Верховного правителя, "привезенным в обозе английским генералом Ноксом", как сплошь и рядом утверждалось. Такого решения ни кем-либо, ни самим Колчаком до прибытия в Омск не принималось, хотя из предшествовавших разговоров он мог вынести мнение, что собеседники склонны были видеть его в какой-то роли на Дальнем Востоке, в Сибири, в России. Конечно же, на его решения влияли и члены английского представительства, к которым он, как известно, питал наибольшее доверие и сам этого не скрывал. Но решил остаться в Омске он сам. Кстати, А. Нокса в то время в Омске не было, он находился во Владивостоке.

Посмотрим же далее на то, что получилось у А.В. Колчака из "остановки" в Омске по пути к фронту.

Лидер сибирских организаций Партии народной свободы (кадетов) председатель Совета Министров последнего состава В.Н. Пепеляев.

* По некоторым сведениям, из Владивостока выехал позднее - 3 октября.

Как и во Владивостоке, у Колчака здесь оказалось немало знакомых, ибо этот город стал средоточием российского офицерства. Собеседники расспрашивали Колчака о его длительных зарубежных поездках, о планах на будущее. Он всем говорил, что намеревается пробраться на юг. Но вот начались официальные встречи. Первым официальным лицом, с которым он встретился, был член Директории, Верховный главнокомандующий генерал-лейтенант В.Г. Болдырев. Узнав о приезде Колчака, Болдырев через адъютанта пригласил его к себе. Услышав о том, что Колчак намеревается ехать на юг, Болдырев сказал: "Вы здесь нужнее, и я прошу вас остаться". Предложение не было облечено в конкретную форму, но в принципе вызвало внимание у Колчака, и он решил в Омске задержаться. Жил в те дни он на железнодорожной ветке, в вагоне. В Омске "на колесах" вообще проживала огромная масса людей, особенно военнослужащих.

Колчак продолжает встречаться со знакомыми и другими офицерами-сибиряками, в том числе с комендантом Омска казачьим полковником В.И. Волковым⁵⁹. Тем временем Болдырев определенно решил рекомендовать Колчака на пост военного министра, который занимал генерал П.П. Иванов-Ринов⁶⁰, не удовлетворявший Директорию и правительство.

В своем дневнике знакомство с Колчаком и процесс назначения его на пост министра Болдырев описывает так:

"Омск. Вагон. 14 октября.

Среди многих посетителей был адмирал Колчак, только что прибывший с Дальнего Востока... Колчак объяснил цель своего приезда желанием пробраться на юг к ген. Алексееву...

Омск. Вагон. 16 октября.

... Беседовал с Колчаком по вопросу о назначении его военно-морским министром...

Омск. 22 октября.

... Кандидатура Колчака на пост военно-морского министра не встречает возражений. Завтра предложу ему этот пост".

Никаких данных ни в тогдашних, ни в более поздних записях о влиянии, тем более чьем-то давлении в целях включения А.В. Колчака в состав правительства В.Г. Болдырев не указывал. Он подчеркивал, что был инициатором этого назначения.

А.В. Колчак предварительно выяснил некоторые детали, особенно волновавший его вопрос о степени подчиненности ему какой-то части войска, а потом дал согласие на предложение, уже сделанное официально от имени Директории в целом. Он стал исполняющим обязанности министра.

Итак, остановка А.В. Колчака в Омске по пути на фронт обернулась его включением в качестве военного и морского министра в состав Временного Всероссийского правительства. Сибирь - край временного пребывания Колчака в начале 900-х годов во время полярных экспедиций становится последним его пристанищем...

10. ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ. ПРИХОД К ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

А.В. Колчак с первых же дней вхождения в состав правительства оказывается в центре внимания омских политиков и военных. Когда 4 ноября 1918 г. вышел указ Директории о назначении состава Совета министров, то в его списке вслед за председателем - П.В. Вологодским - первым назван военный и морской министр А.В. Колчак. Некоторые из назначенных на аналогичные должности были даже не в ранге министров, а - управляющих (главноуправляющих) министерствами.

Для людей, искушенных в политике, наслышанных о деятельности адмирала, Колчак являл собою масштабную фигуру. Для многих он был просто человеком, выделяющимся на фоне провинциальных, сибирских деятелей, оказавшихся вдруг министрами, генералами и командующими войсковыми соединениями. Известно, что основная часть политической, военной элиты, высшего чиновничества оказалась в рядах белого движения на юге России. В Сибири таковых было очень немного. Внимание окружающих Колчак приковывал и своими личностными качествами. О Колчаке, как противнике социалистических партий, стороннике жесткого курса в деле консолидации антибольшевистских сил и установления военной диктатуры, было широко известно. Он импонировал сибирякам-государственникам, противникам примиренческого отношения к большевистской советской власти.

Появление А.В. Колчака в Омске, в составе правительства совпало с моментом крайне обострившейся борьбы между сложившимися политическими группировками, которая наглядно проявлялась в противостоянии Совета министров и Директории.

Колчак сразу же увидел эту все усиливающуюся конфронтацию. И он все более активно вовлекается в это противостояние на стороне Совета министров, большинства его, которому претила Директория, возглавлявшаяся эсером Н.Д. Авксентьевым. В Директории ее противники видели своего рода воспроизведение Временного правительства России, возглавлявшегося эсером А.Ф. Керенским и оказавшегося неспособным спасти страну, предотвратить захват власти большевиками.

А.В. Колчак покидает железнодорожный вагон и перебирается в город. На первых порах он поселяется в доме В.И. Волкова, сняв одну комнату. Казачий полковник, тогдашний комендант Омска В.И. Волков отличался крайне правыми взглядами и весьма широко трактовал свои комендантские полномочия. Житье в доме Волкова в какой-то степени компрометировало, да к тому же было весьма неудобно Колчаку в бытовом отношении. 18 ноября он переезжает в здание штаба (бывший дом генерал-губернатора), и 15 декабря переселился в особняк на берегу Иртыша, принадлежавший в прошлом семье Батюшкиных. Там Колчак проживал до эвакуации.

А.В. Тимирева также поселилась в частном домике, вдали от центра. Встречались они у Колчака на квартире. В качестве переводчицы, общественной деятельницы, организовавшей пошив одежды, белья для солдат, Тимирева бывала у Колчака в Ставке, иногда на официальных и неофициальных встречах. Но, как уже отмечалось, своих близких отношений они на показ не выставляли.

Так началась жизнь в Омске. Этот город был в ту пору крупнейшим в Сибири, в 1917 г. насчитывал 113680 жителей. Он был центром Акмолинской области, охватывавшей значительную часть западной и юго-западной Сибири, включая обширные районы современного Казахстана. Прежде здесь находилась резиденция генерал-губернатора Западно-Сибирского края. Будучи узловым железнодорожным и, наряду с Томском и Иркутском, наиболее значительным культурным центром, расположенным в обширном и хлебородном крае со значительной долей казачьего населения, сыгравшего большую роль в свержении советской власти, Омск привлек особое внимание политических сил Сибири. Именно здесь в свое время обосновалось упоминавшееся Временное Сибирское правительство. Омск приобрел огромную притягательную силу для всех, кто бежал от большевиков после Октябрьского переворота. Население города, по некоторым данным, в тот период составило чуть ли не миллион человек.

Здесь, в Омске, начались сначала осторожные, затем все более определенные разговоры в присутствии Колчака о необходимости установления военной

диктатуры, возможности военного переворота и т.д. На встречах с военными разговоры в большинстве случаев сводились к этой теме. Наиболее серьезным оказался разговор А.В. Колчака с В.Н. Пепеляевым, состоявшийся 5 ноября.

Пепеляев сообщил, что “Национальный центр” обсуждал вопрос об А.В. Колчаке как о кандидате в диктаторы, второго после генерала М.В. Алексева. Колчак в принципе высказался за вступление в роль диктатора, как “жертве”, которую он может принести, “если будет нужно”. Так понял его и записал в дневнике Пепеляев. Вместе с тем Колчак высказался против “форсирования событий”. В принципе Колчаку теперь, после встречи с этим влиятельным в Сибири человеком, было ясно, что в свое время перед ним может прямо встать вопрос о верховенстве в регионе. А поскольку Директория и Совет министров считались органами всероссийской власти, то и в масштабах страны. Поэтому нет оснований считать, что последовавший вскоре правительственный переворот и провозглашение А.В. Колчака Верховным правителем оказались для него совершенно неожиданными. Конечно, конкретная дата переворота ему могла быть неизвестна. Но и только.

В то же время с достаточным основанием можно утверждать, что сам Колчак в подготовку переворота вовлечен не был. Работа проводилась за его спиной. Не исключено, что поездка его на фронт перед самым переворотом была специально инспирирована.

А.В. Колчаку было направлено приглашение от чехословацкого командования приехать к 9 (-) ноября в Екатеринбург для участия в торжестве по передаче знамен четырем полкам. Колчак для выполнения министерских обязанностей и сам чувствовал надобность встречи с начальствующим составом, личного ознакомления с положением на фронте.

Через пару дней после разговора с В.Н. Пепеляевым А.В. Колчак выехал на фронт, в Екатеринбург. Ехал в специальном поезде с полковником Дж. Уордом, который перед тем во главе Мидлсекского батальона английских войск прибыл в Омск. С ним на торжества в Екатеринбург следовало подразделение солдат этого батальона.

Встреча Колчака в Екатеринбурге с чехословацким и русским командованием, с представителями местных властей была торжественной и теплой. Колчак, как в тылу, в Омске, так и на фронте, стал знаменем основной массы генералитета и офицеров, фигурой, вокруг которой они быстро стали спланиваться.

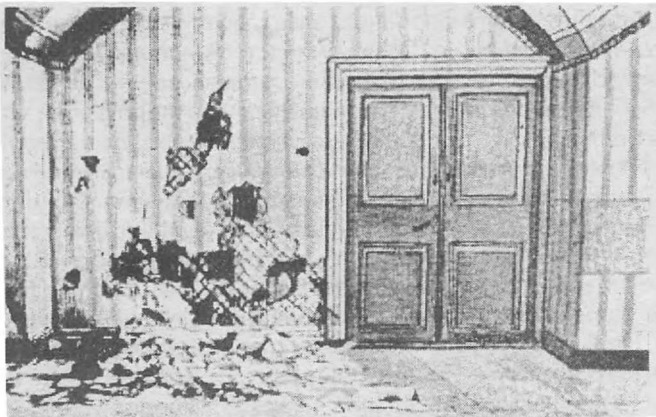
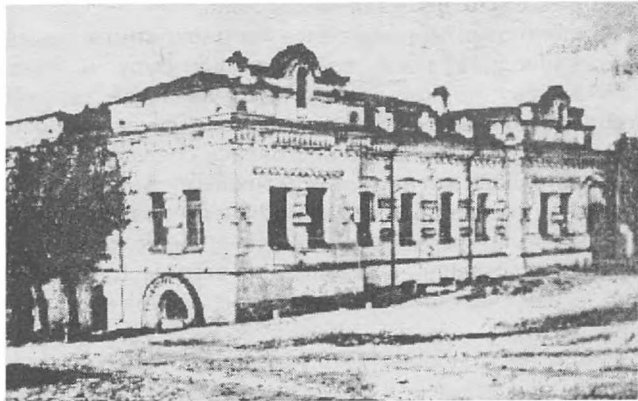
После торжества 9 ноября был устроен банкет, на котором Колчак, как лицо официальное, произнес свою первую речь. 12 ноября он дал интервью представителю чехословацких войск, текст которого был срочно телеграфно распространен. Колчак, как бы предвосхищая свои последующие программные выступления, указывал на то, что долг национальный должен ставиться выше партийного. Он поднимал вопросы о помощи союзников, военного строительства, борьбы за освобождение России.

Министр и сопровождавшие его генералы совершили объезд воинских соединений, ряда гарнизонов и фронтовые участки в районах Кунгуры, Лысьвы. В Челябинске состоялась беседа с командующим чехословацким корпусом генерал-майором Я. Сыровы и членами его штаба. Здесь стало известно о победе стран Антанты над германским блоком и условиях перемирия. Событие было отмечено шампанским. Планировалась поездка на уфимский участок фронта, но ее пришлось отложить, ибо, как отмечал полковник Д. Уорд, было получено уведомление о необходимости вернуться в Омск. Источник уведомления Уорд не указывает. Надо полагать, оно исходило из Ставки, от лиц, вовлеченных в заговор. Между Петропавловском и Курганом была сделана остановка, для встречи с В.Г. Болдыревым. На вопрос Колчака о положении в Омске ответил, что “идет

Семья императора Николая II. Слева направо: Ольга, Александра Федоровна, Алексей, Татьяна, Николай Александрович, Мария и Анастасия.

Дом инженера Н.Н. Ипатьева в Екатеринбурге, в котором в апреле-июле 1918 г. содержалась в заключении и была казнена царская семья в ночь с 16-го на 17 июля (в комнате подвального этажа - второе окно справа налево). В ноябре 1918 г. А.В. Колчак посетил и осмотрел этот дом.

Комната дома Н.Н. Ипатьева, в которой в ночь с 16-го на 17 июля была казнена царская семья.

брожение среди казаков, в особенности говорят о каком-то перевороте, выступлении, но я этому не придаю значения”. Вернулся А.В. Колчак в Омск ранним вечером 17 ноября.

До намеченного переворота, как затем выяснилось, оставались считанные часы. В городе было неспокойно. К Колчаку в тот же вечер заходило немало офицеров, в том числе из Ставки, из казачьих частей. Среди приходивших были полковники Д.А. Лебедев, В.И. Волков, войсковые старшины А.В. Катанаев⁶¹, И.Н. Красильников⁶², генерал А.И. Андогский⁶³ и другие. Часть посетителей вела речь о том, что Директории осталось жить недолго и необходима единая власть. На вопрос Колчака о форме этой власти и кто ее должен выдвинуть ему, как потом он сам отмечал, указывали прямо: “Вы должны это сделать”. Колчак уклонился от более чем прямых предложений возглавить переворот. “У меня армии нет, я человек приезжий, - говорил он, - и не считаю для себя возможным принимать участие в таком предприятии, которое не имеет под собой почвы”.

Не войдя в состав заговорщиков (а он, очевидно, понял, что дело имеет с ними), Колчак и не выдал их, не предпринял мер по предупреждению переворота, хотя мог бы попытаться это сделать, тем более что к нему заходил в тот вечер и Н.Д. Авксентьев. По взглядам на необходимую систему власти, как военную диктатуру, он в принципе одобрял переворот, который произошел бы при наименьших издержках, бескровно.

Надобно отметить, что ранее неоднократно в той или иной форме делались предложения установить военную диктатуру и возглавить ее и генералу В.Г. Болдыреву, но, как отмечал тот в дневнике, он отклонял эти предложения, считая необходимым сохранение демократической правительственной системы.

Вечером 17-го и ночью состоялись совещания заговорщиков. Их основной костяк составляли военные, в том числе чуть ли не весь состав Ставки и штаба. Наиболее активную роль играли офицеры-казаки, они производили аресты. Руководящей политической пружиной был лидер кадетов В.Н. Пепеляев, непосредственно участвовавший в совещаниях заговорщиков и во всей подготовке переворота. В ней участвовали и некоторые зарубежные дипломаты, члены военных миссий.

В ночь на 18 ноября 1918 г. переворот совершился. Он выразился главным образом в аресте членов Директории и некоторых ее сторонников. Арестовали членов Директории Н.Д. Авксентьева и В.М. Зензинова, а также товарища министра внутренних дел Е.М. Роговского, заместителя члена Директории А.А. Аргунова. Все они были эсерами, поддерживали связь с ЦК своей партии, руководителями съезда членов Учредительного собрания, заседавшего в те дни в Екатеринбурге. Примиренчески настроенных к Совету министров членов Директории беспартийного П.В. Вологодского, кадета В.А. Виноградова аресту не подвергли. Вологодский сам был посвящен в план готовящегося переворота и на определенных условиях одобрял его. В.Г. Болдырев находился в отъезде на фронте.

Для большинства членов правительства эти события оказались неожиданными. Вологодский еще до наступления утра по телефону разбудил членов Совета министров, в том числе Колчака, и созвал на заседание. Некоторые проявляли растерянность, но в итоге “нашли себя”, сориентировались. После того, как Виноградов сложил с себя полномочия члена Директории, обстановка на заседании упростилась. Директория признана была несуществующей. Совет министров взял власть в свои руки и решил избрать военного диктатора с тем, чтобы передать ему высшую власть. Поскольку кандидатура Колчака была предложена для избрания на эту роль, он с заседания на время выборов удалился. В итоге один голос получил отсутствовавший Болдырев, все же остальные - Кол-

чак. Колчаку было объявлено решение Совета министров - об избрании его Верховным правителем России. Затем он становится Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами*.

В тот же день Совет министров принял ряд актов, в том числе "Положение о временном устройстве государственной власти в России", с учреждением поста Верховного правителя, о производстве вице-адмирала А.В. Колчака в адмиралы, о передаче ему "в виду тяжкого положения государства" временно осуществление Верховной власти. Своим приказом Колчак объявил о вступлении в "Верховное командование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России" и освобождении с этой должности генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева. Постановления, указы и приказы были спешно доведены до населения и армии. В тот же день А.В. Колчак, с которым был солидарен П.В. Вологодский, приказал освободить из заключения арестованных и смещенных с государственных постов лиц. Вскоре их, а несколько позднее и вызванного в Омск Болдырева, снабдив большими суммами денег, выслали за границу. По своему желанию туда же отправился В.А. Виноградов, отказавшийся войти в состав правительства.

Таким образом, Директория, представлявшая собой по сути блок правых эсеров и левых кадетов, перестала существовать. Конфликт между нею и "ее деловым аппаратом" - Советом министров разрешился в пользу последнего, передавшего высшую власть Верховному правителю. В системе новой власти господствующее положение заняли сторонники буржуазной республики. В правительственных кругах имелись и консервативные силы, вплоть до сторонников монархии. Но тон задавали не они. Принятая характеристика Омского правительства Колчака как помещичье-буржуазного, и, тем более, помещичье-монархического, бытующая в литературе, - неправомерна и тенденциозна. Столь же ошибочно называть самого Колчака монархистом. По душевному складу своему да и по многим действиям он, скорее всего, был умеренным демократом и республиканцем.

11. ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ. ПРИЗНАНИЕ БЕЛОЙ РОССИЕЙ

Верховный правитель А.В. Колчак в первые же дни развивает бурную деятельность. Первостепенной была задача - смягчить в общественном мнении отношение к перевороту, добиться широкого признания своей власти населением, союзниками, другими белогвардейскими правительствами и войсками.

Колчак предпринял маневр для успокоения общественно́го мнения: приказал выявить виновных в аресте членов Директории и передать их дело в суд. Перед судом предстали исполнители: упоминавшиеся казацки офицеры, полковник В.И. Волков, войсковые старшины А.В. Катанаев и И.Н. Красильников. Но они были сразу предупреждены, что осуждения их не предвидится.

* 26 ноября Совмин определил размер месячного жалованья Верховному правителю в сумме 4 тыс. руб. Кроме того постановил выделить в его распоряжение 16 тыс. руб. ежемесячно на представительские расходы.

Здание Временного Всероссийского правительства в г. Омске до прихода к власти А.В. Колчака и при нем.

Во время заседаний суда речь преимущественно шла о подрывных действиях членов Директории - эсеров, их связи с лидером партии В.М. Черновым⁶⁴ и т.д. В итоге все трое обвиняемых были оправданы. Больше того, указом Верховного правителя в те же дни им были присвоены очередные воинские звания. Следует сказать, что осудить этих офицеров тогда было практически невозможно: реальная сила, только что испробованная, была в руках военных и их сторонников. И Колчак на приговоре суда 21 ноября написал резолюцию: "С приговором суда согласен".

Для видимости оправданные офицеры были на время удалены из Омска, отправлены в Восточную Сибирь. Этим инцидент официально и был исчерпан. Кстати, атаман Г.М. Семенов всерьез воспринял суд над казачьими офицерами и по этому поводу шумно протестовал, лишь позднее он понял, в чем тут дело.

Реакция в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке на омский переворот была не однозначной, но в основном все же спокойной, благоприятной. Многие, очень многие желали установления твердой власти. В адрес Верховного правителя посыпались многочисленные приветствия от местных органов власти, общественных организаций, воинских соединений и частей, отдельных граждан. Так, Всероссийский Совет съездов торговли и промышленности, находившийся в Омске, телеграфировал организациям предпринимателей на местах: "Вчера, 18 ноября, Всероссийское Временное правительство реорганизовалось, поручив осуществление всей полноты верховной государственной власти адмиралу Александру Васильевичу Колчаку. Торгово-промышленный класс уже давно на своих съездах единодушно заявляет, что путь к возрождению России лежит в создании

сильной, единоличной национальной Верховной власти. Совет съездов ныне горячо призывает вас оказать новой власти самую дружную поддержку и принять участие в деятельной работе по созданию экономической мощи страны и устранению царящей в ней разрухи". Одним из первых признал Колчака, послав в Омск соответствующую телеграмму, влиятельный атаман Оренбургского войска А.И. Дутов⁶⁵. Быстро признал власть Верховного правителя генералитет, а после отъезда с фронта в Омск В.Г. Болдырева полное подчинение армии новому Верховному главнокомандующему стало фактом. Двусмысленно повело себя чехословацкое руководство. Национальный совет⁶⁶ 21 ноября выступил с заявлением, в котором в смягченной форме выражался протест против переворота, как "нарушающего начало законности". Но командир корпуса и командующий фронтом генерал-майор Я. Сыровы еще 19 ноября

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий сухопутными и морскими силами России адмирал А.В. Колчак в своем кабинете.

разослал по войскам телеграмму-приказ, в которой обошел оценку событий 18 ноября в Омске, отнеся их к внутренним российским делам. В таком же духе 20 ноября был составлен приказ командующего Самарской группой войск генерал-майора С.Н. Войцеховского⁶⁷. Командующие войсками переворот официально или фактически поддержали.

Быстро последовало одобрение прихода к власти Колчака от иностранных представителей в Омске и из-за рубежа. Верховного правителя посетили представители миссий, поздравляли его и выражали удовлетворение. Некоторые из них свои поздравления и выражения поддержки отразили в письмах и телеграммах. Английский Верховный комиссар в Сибири Ч. Эллиот от имени своего правительства сообщал: "Ввиду того, что ваше высокопревосходительство приняли на себя Верховную власть в Омске, великобританское правительство желает выразить свое горячее сочувствие всем усилиям к установлению свободного русского государства на твердых основах общественного доверия. При таких условиях Россия может вернуться к ее прежнему положению и получить возможность в полной мере принять участие в работе цивилизации". Аналогичным

Атаман Оренбургского Казачьего войска,
генерал-лейтенант А.И. Дутов.

было и послание представителя Франции М. Реньо.

Однако были и протесты против переворота. Наиболее значительными из них последовали слева - от съезда членов Учредительного собрания в Екатеринбурге, Совета управляющих ведомствами в Уфе, а справа - от атамана Забайкальского войска Г.М. Семёнова. Членами съезда в Екатеринбурге 18 ноября принимается резолюция-воззвание с осуждением омского переворота и призывом борьбы за устранение "кучки заговорщиков". Объявлялось о создании специального органа для осуществления этих целей во главе с лидером партии социалистов-революционеров В.М. Черновым. Аналогичные заявления были сделаны в Уфе. Председатель Совета управляющих эсер В.Н. Филипповский и другие его члены, фактическая власть которых ограничивалась Уфимской губернией и некоторыми частями Народной армии, пытались борьбу против Верховного правителя поставить на практические рельсы. В частности, большие надежды возлагались на Ф.Е. Махина, командовавшего на Южном Урале значительными воинскими силами. Но дей-

ствия Махина были быстро блокированы. Попытка договориться с генералом Болдыревым о выступлении против омских властей также не увенчалась успехом, так как тот после длительных колебаний, опасаясь раскола в армии, ослабления фронта, решил подчиниться Колчаку. Занявшие было половинчатую позицию Национальный совет и командование чехословаков вскоре ее изменили. Значительную роль в этом сыграли западные дипломаты, оказавшие на руководство корпуса давление. Для этого понадобилось проведение в Челябинске 23 ноября специального совещания.

А.В. Колчак предполагал, что против него выступят социалисты - члены Учредительного собрания, и не ошибся. По получении их протестующей телеграммы он отдал приказ генералам М.К. Дитерихсу и Р. Гайде, являвшимся хозяевами положения в Екатеринбурге, о разгоне съезда членов Учредительного собрания и аресте его руководителей, включая В.М. Чернова. 19 ноября солдаты во главе с офицерами ворвались в гостиницу "Пале-Рояль", в которой проживало большинство членов Учредительного собрания, учинили погром помещений. Был смертельно ранен один из членов собрания - И.Н. Муксунов. 19 человек во главе с В.М. Черновым были арестованы. Таким образом Гайда выполнил приказ Колчака, правда не в полной мере: учитывая настроения чехословаков, и в то же время мнение определенных общественных кругов, он вско-

ре распорядился освободить арестованных, выслать всех членов Учредительного собрания в Челябинск. Там с помощью чехословаков многим видным эсерам и меньшевикам, включая Чернова, удалось скрыться, уехать в Уфу. В дальнейшем некоторые из них были все-таки арестованы.

Военные чины в своих действиях при этом руководствовались поступившим официальным приказом Колчака от 30 ноября 1918 г. В нем говорилось: "Бывшие члены Самарского комитета членов Учредительного собрания, уполномоченные ведомств бывшего Самарского правительства, не сложившие своих полномочий до сего времени... и примкнувшие некоторые антигосударственные элементы в Уфимском районе... пытаются поднять восстание..."

П Р И К А З Ы В А Ю:

§1. Всем русским военным начальникам самым решительным образом пресекать преступную работу вышеуказанных лиц, не стесняясь применять оружие.

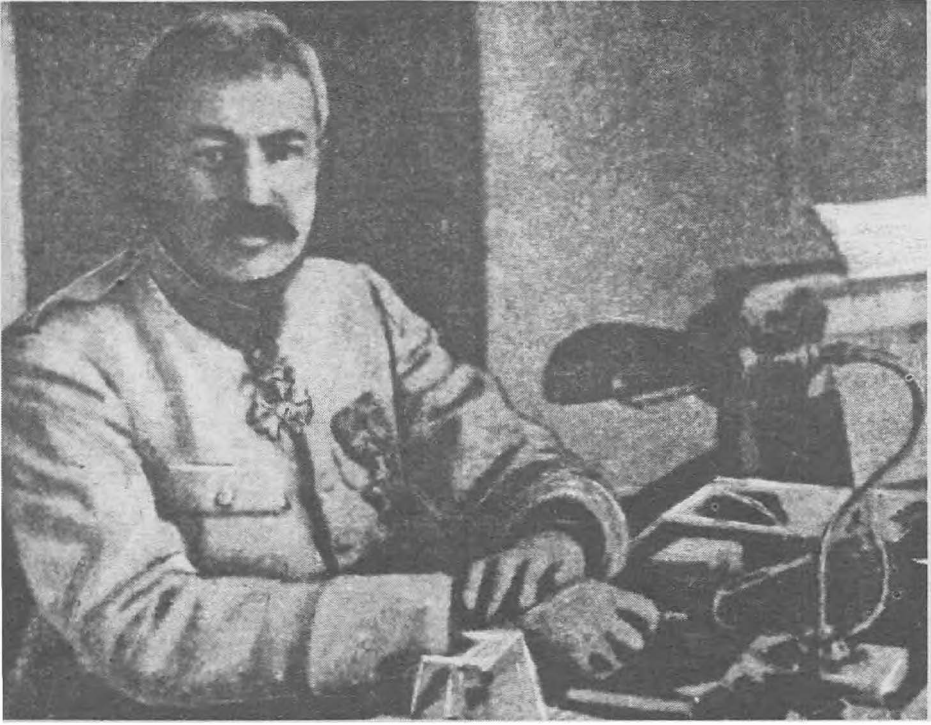
§2. Всем русским военным начальникам, начиная с командиров полков (включительно), и выше, всем начальникам гарнизонов арестовывать таких лиц для предания их военно-полевому суду, донося об этом по команде и непосредственно - начальнику штаба Верховного главнокомандующего".

Приказ был суровым. Его составителя можно понять: в военной обстановке, близ фронта социалисты не подчиняются его власти, пытаются организовать борьбу против него... Он борется с ними, как с политическими и даже военными противниками. Понять-то можно, а вот правильно оценить этот приказ и последовавшие практические действия, вытекающие из него, трудно. Следует ведь учитывать, что речь шла не просто о социалистах, а о членах Учредительного собрания, избранниках народа и последовательных противниках большевиков. При этом среди двух десятков арестованных на Урале членов Учредительного собрания и других общественных деятелей лидеров съезда не было. Но, будучи доставленными в Омск, почти половина из них (Н.В. Фомин, И.И. Девятов, Марковецкий, Кириенко и др.) во время восстания 22 декабря 1918 г., в котором они не принимали участия, офицерами были расстреляны. Некоторые офицеры-участники расстрела были арестованы, но затем отпущены; им помогли скрыться.

Ходили слухи, что расправа была учинена по приказу, исходившему от Колчака. Сам он это отрицал.

Главнокомандующий Восточным фронтом (белых) - генерал-лейтенант М.К. Дитерихс.

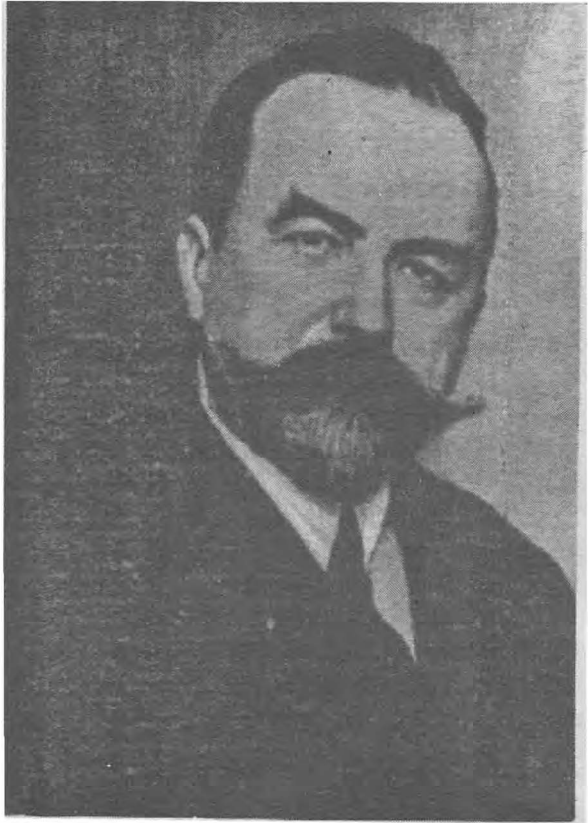
Главнокомандующий союзными войсками в Сибири французский генерал-лейтенант П.М. Жанен.

Из показаний видного кадета В.А. Жардецкого видно, что он, опасаясь за судьбу арестованных учредилковцев, через адъютанта довел до сведения Колчака информацию об их аресте. Колчак дал распоряжение о невыдаче их из тюрьмы без особого распоряжения. Но было уже поздно. Как бы то ни было, но кровавая расправа с эсерами и меньшевиками - членами Учредительного собрания осталась пятном на правительстве Колчака и на нем лично. А, главное, она создала раскол в рядах антибольшевистского фронта на востоке страны. Этим умело воспользовались коммунисты. К большевистскому подполью на Урале, в Сибири и в других районах стало примыкать и подполье эсеро-меньшевистское. В советской России основная часть эсеро-меньшевистских сил занимала позиции или нейтралитета, или поддержки большевистского руководства. Раскол в рядах белого движения - одна из коренных причин его последующего поражения. Позднее Колчак остро почувствует опасность этого раскола. Он совершит сдвиг влево, попытается бороться с крайне правыми силами за сплочение политического центра с левым социалистическим антибольшевистским крылом, но, как далее увидим, будет уже поздно. Не только Верховному правителю, но и разнородным политическим партиям и группам в сложнейшей обстановке гражданской войны крайне трудно было улавливать неустойчивое настроение масс и более или менее адекватно на него реагировать.

В ноябре-декабре 1918 г. сопротивление социалистов, учредилковцев новый политический режим преодолел. Что касается Г.М. Семенова, то здесь А.В. Колчака ждала неудача. Атаман долго не признавал Колчака как Верховного правителя, противодействовал ему. Попытка "поставить на место" атамана Семенова Колчаку не удалось, ибо за тем стояли японские дивизии. Пришлось прибегать к

более гибким методам, искать компромисс. "Атаманщина" все время торчала занозой в организме сибирского белогвардейского режима, существенно ослабляла его. Первопричиной неподчинения Семёнова, его крупных воинских формирований, так и не появившихся на внешнем фронте, являлась его прямолинейная прояпонская ориентация, тогда как Колчак по-прежнему был сдержан в отношениях со страной восходящего солнца. Он рассчитывал прежде всего на помощь Англии и других западных стран.

В связи с этим надо сказать, что правительства Англии и Франции на первых порах недооценивали Колчака и движение белых вообще. Ж. Клемансо и Д. Ллойд-Джордж считали, что вся борьба с большевиками в Сибири должна вестись силами и под руководством западных союзников. Из радиограммы в Омск следовало, что французский генерал М. Жанен и английский А. Нокс уполномочены на Верховное командование всеми армиями союзников в Сибири. Жанену предписывалось вступить в

Главнокомандующий войсками Северной области генерал-лейтенант Е.К. Миллер.

должность главнокомандующего и зарубежными, и русскими войсками. Высадившись во Владивостоке, он дал интервью представителям печати, в котором многообещающе заявил: "В течение ближайших пятнадцати дней вся Советская Россия будет окружена со всех сторон и будет вынуждена капитулировать". Прибывший вместе с М. Жаненом чехословацкий военный министр генерал М.Р. Штефаник давал обещание, что приложит все силы к возвращению чехословаков на фронт, с которого они повсеместно уходили. Жанен и в этот момент, и позднее, выражая волю своего правительства, также нажимал на руководство чехословацкого корпуса, но добиться должной отдачи от его частей так и не смог. Не оказалась столь обширной, как было обещано, и помощь западных стран белому движению, и размах интервенции. В Западной Сибири и на Урале силы союзников были совершенно незначительными. На фронте их практически не было. Там кратковременно действовали французское подразделение да английская бригада, в которой рядовой состав был набран почти целиком из русских. Чехословаки на фронт так и не вернулись.

А.В. Колчака возмутили радиограмма и предъявленный М. Жаненом мандат, подписанный Ж. Клемансо и Д. Ллойд-Джорджем, и он категорически отверг надуманный вариант руководства антибольшевистскими силами в Сибири посланцами с Запада. Назначение французского генерала главнокомандующим над всеми силами не было бы понято русскими войсками. После переговоров, в том числе

Главнокомандующий войсками белых на северо-западе России генерал-Губернатор, генерал от инфантерии Н.Н. Юденич.

которое он так и не смог преодолеть. Что касается А. Нокса, ставшего заместителем М. Жанена, то ему поручались в основном тыл и снабжение при согласованных действиях с военным министром омского правительства. Он эту работу старательно выполнял. К Колчаку он был настроен лояльно и даже дружески.

С приходом к власти Колчака консолидируются силы белых во всем восточном регионе. Колчака и его правительство признали все, в том числе казачьи атаманы, кроме Г.М. Семенова и И.М. Калмыкова. Исчезло деление войск на "Народную армию" (в прошлом - Комуча), "Сибирскую армию" и др. Успешнее пошло формирование новых частей и соединений под эгидой единой Верховной власти. Несколько сложнее шел процесс признания верховенства Колчака и его правительства в российских масштабах. Но под определенным давлением союзников, "Русского политического совещания" в Париже⁶⁸, образованного в декабре 1918 г. и ставшего политическим центром антибольшевистских сил России, А.В. Колчака признают генералы Е.К. Миллер⁶⁹, Н.Н. Юденич⁷⁰ и их правительства. Указами Верховного правителя эти генералы, как вступившие в его подчинение, были официально назначены генерал-губернаторами и главнокомандующими вооруженными силами в их регионах.

с правительством Франции, было решено, что адмирал А.В. Колчак остается Верховным главнокомандующим российскими войсками, соглашаясь с М. Жаненом лишь общие оперативные планы. Жанен становился главнокомандующим остальными войсками. Этим войскам пришлось лишь охранять железную дорогу на отрезке от Новониколаевска до Иркутска да в какой-то мере участвовать в борьбе с повстанческим движением. Формировавшиеся под руководством Жанена польские, сербские, румынские и другие национальные части на фронт практически не выводились, а лишь забирали львиную долю поступающего оружия, обмундирования, продовольствия. Японские и американские войска оставались самостоятельными.

У Жанена к Колчаку после неожиданного для него исхода распределения командных функций возникло чувство обиды, неприязни,

Более сложно протекал процесс признания А.В. Колчака, как Верховного правителя России генералом А.И. Деникиным и его правительством. Но и он в конце мая 1919 г. завершился тем же. Колчак 17 июня назначил Деникина своим заместителем. Таким образом, Колчак стал Верховным правителем России, точнее - тех ее регионов, которые были на тот момент под властью белых.

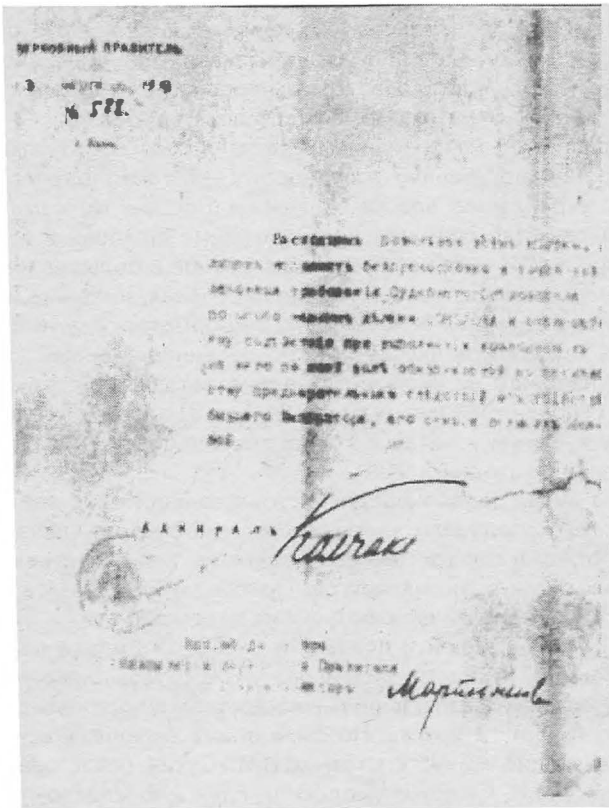
Затянулось дело с официальным признанием правительства А.В. Колчака как всероссийского со стороны иностранных государств. Они, конечно, способствовали формированию и укреплению власти Колчака в России. Но сами не спешили признать его правительство официально. Основными причинами этого были две: во-первых, союзники ждали от него успехов в борьбе с большевиками на фронте, во-вторых, их отпугивали репрессии против населения, имевшие место при режиме Колчака, и недостаточная ясность в его реформаторских устремлениях, в его желании пойти по демократическому пути. Весенние военные успехи войск Колчака оживили надежды на скорое признание западными странами Временного Всероссийского правительства - единственного законного представителя России. Но на смену военным успехам Колчака пришли поражения. Дело осложнялось, и сроки признания отодвигались.

Перед А.В. Колчаком в числе первоочередных стоял вопрос о составе Совета министров. В решении его следовало учитывать многие обстоятельства, в том числе степень пригодности старого состава правительства, волю и устремления некоторых политических сил и военных кругов. Председателем Совета министров остался П.В. Вологодский, являвшийся одним из лидеров белых в Сибири, в той или иной степени устраивавший и правых, и левых. В составе правительства остались И.А. Михайлов (министр финансов)⁷¹, С.С. Старынкевич (министр юстиции), А.Н. Гаттенбергер (управляющий министерством внутренних дел), Л.И. Шумиловский (министр труда)⁷² и другие. Но были в него включены вскоре и новые министры и управляющие министерствами: И.И. Сукин (иностранных дел), Н.А. Степанов (военный), М.И. Смирнов (морской), Г.К. Гинс (главноуправляющий делами Верховного правителя и Совета министров) и другие.

Перестановка в правительстве с привлечением новых лиц происходила и далее, но основной его костяк сохранялся, в сущности, вплоть до осени 1919 г. В связи с этим генерал М. Жаннен в дневнике записал: "Любопытная вещь - перманентность министров: они работали с Директорией, работают с адмиралом, который опрокинул Директорию". А в общем-то все было понятно: в то-то и дело, что министры в большинстве своем были настроены против Директории и желали, а то и непосредственно способствовали ее ликвидации, готовы были работать под началом А.В. Колчака. Несколько позднее в состав правительства входили В.Н. Пепеляев (министр внутренних дел), А.П. Будберг (военный министр), Г.Г. Тельберг (в новой роли - министр юстиции) и другие. Обращает на себя внимание то, что среди министров, как и до 18 ноября 1918 г., сохранялось значительное число эсеров (Старынкевич и другие) и меньшевиков (Шумиловский, Н.И. Петров и другие). Правда, со вступлением в должность они объявляли о выходе из своих партий. Колчак социалистические партии, их сибирские организации, кроме РКП(б), официально не запрещал, хотя по многим позициям был ими недоволен и идеи их совершенно не разделял.

При Колчаке усилилась работа по упорядочению государственного аппарата, соблюдению законности*, восстановлению или совершенствованию админи-

* А.В. Колчаку принадлежит заслуга в организации тщательного расследования убийства царской семьи, в частности, поручений этого дела генералу М.К. Дитерихсу, а затем и следователю Н.А. Соколову.

Повеление Верховного
правителя А.В. Колчака о
всемирном содействии
деятельности Н.А. Соко-
лова в расследовании об-
стоятельств убийства
царской семьи.

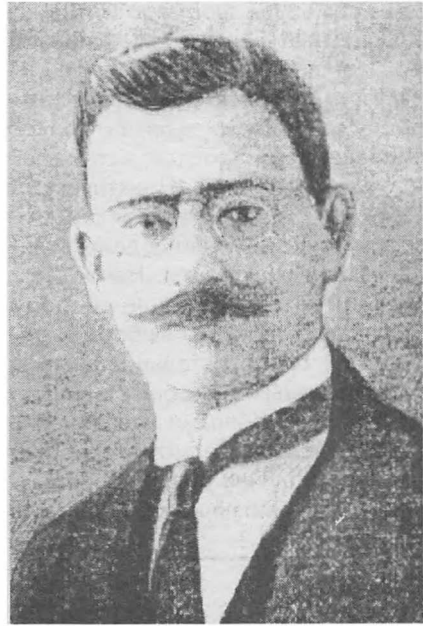
Следователь по особо важным делам
Н.А. Соколов.

Министр финансов Временного Все-
российского правительства
И.А. Михайлов.

Управляющий Министерством внут-
ренних дел Временного Всероссийско-
го правительства А.Н. Гаттенбергер.

Главноуправляющий делами Верхов-
ного правителя и Совета Министров
Г.К. Гинс.

стративных и судебных органов. Был восстановлен Правительствующий сенат, суды, для которых подбирались квалифицированные юристы, разгонявшиеся при большевиках. Был повышен статус администраторов на местах. Во главе губерний (областей), уездов стояли управляющие (в большинстве своем бывшие комиссары Временного Сибирского правительства). В прифронтовых районах, на Урале был введен институт Главных начальников края (Уральского - С.С. Постникова, Самаро-Уфимского - Е.К. Вишневецкий, Южноуральского - А.И. Дутов), с функциями генерал-губернаторов. Исключительно большое внимание уделялось возрождению местных органов самоуправления - городских дум с их правами и широчайшей сетью земств. В Сибири до революции они существовали не везде и теперь во многих местах создавались впервые. На Урале же земства существовали многие годы и по размаху, по результатам своей деятельности относились к числу лучших в стране. Теперь они здесь и возрождались значительно быстрее.

Несмотря на военные условия, местные органы самоуправления имели широкие права. Правда, на местах военными работниками, особенно в прифронтовой полосе, они часто попирались, в связи с чем возникали многочисленные конфликты, чаще разрешавшиеся в пользу военных.

В местных органах самоуправления, как и в кооперативах, было много эсеров и представителей других левых партий, и им сочувствующих. В связи с этим конфликты центральной власти с ними вообще были неизбежны. Однако в целом они так или иначе разрешались. Сложней дело обстояло с военными органами, которые на местах допускали произвол - разгон органов самоуправления, аресты и даже порку их представителей.

Правительство Колчака, претендовавшее на роль общероссийского, а затем и признанное таковым, увлеклось государственным строительством, формированием штатов министерств, других учреждений без всякой меры. Государственная структура формировалась как общероссийская, для обслуживания всей страны.* Штаты ее оказались чрезмерно раздутыми. Больше того, многочисленные учреждения заполняли люди часто малоквалифицированные. Громоздкий аппарат становился малоэффективным. За канцелярскими столами отсиживалась масса молодых мужчин, способных сражаться на фронте. Этот безудержный нездоровый процесс, к стати наблюдавшийся и в системе власти большевиков, отмечали многие. Практически безуспешно пытался с ним бороться и Колчак. Так что государственное строительство было сложным, развертывалось противоречиво, в нем наблюдались негативные явления. Но в целом оно все же давало свои результаты. Наиболее ценным было то, что возрождались многие демократические традиции, не формальная, а фактически вовлеченность в систему управления через выборы и другие формы активной части населения. Возрождалась самостоятельность масс, попиравшаяся при советской власти и в государственных, и в общественных организациях партийными комитетами коммунистов и различными чрезвычайными, в том числе и военными, органами.

А.В. Колчак, несмотря на официальный статус Верховного правителя-диктатора, единолично решать вопросы управления громадными районами, армией, отношений с союзниками, естественно, не мог. Тем не менее, Совет министров

* Государственным гербом был двуглавый орел, но без корон, вместо которых на изображениях, в частности, на денежных купюрах - сияющий крест Константина и девиз "Сим победиши"; державы и скипетра, вместо которых были мечи (на время войны). Флаг - дооктябрьский национальный - бело-сине-красный. Гимн - музыка на слова "Коль славен" (композитора Д.С. Бортнянского).

он все более определенно рассматривал как исполнительный орган. Он постепенно ограничил его права, записанные в “Положении о временном устройстве государственной власти в России”. Например, пункт о том, что “все проекты законов и указов рассматриваются в Совете министров и, по одобрении их оным, поступают на утверждение Верховного правителя” Колчак фактически игнорировал, все чаще принимал и подписывал законоположения единолично. Совет министров с этим нарушением молча соглашался. В начале 1919 г. Колчак учредил Совет Верховного правителя, который Г.К. Гинс именует “звездной палатой”. В этот совет были включены некоторые из министров, в том числе премьер, и военные деятели. От Совета министров в этот орган длительное время входили такие министры, как И.А. Михайлов, прозванный за коварство “Ванькой Каином”, Г.Г. Тельберг, Г.К. Гинс, И.И. Сукин, а также генерал Д.А. Лебедев и другие. Эти члены Совета Верховного правителя задавали тон в системе сибирской власти вообще. А придерживались они в основном правоцентристской ориентации. Имея глубокие корни в Сибири, сыграв немалую роль в перевороте, они сильно влияли на Колчака, во многом сковывали его действия. Генерал А.П. Будберг вообще считал, что Колчак был “пленен ставочной и омской камарильей”. Доля истины в этой оценке была, хотя барон Будберг и здесь, как во многом другом, краски несколько сгущал. Личная роль Колчака во всей системе власти, в проводившейся ею политике была весьма велика. Совет был своего рода совещательным органом при Верховном правителе, группой его высших советников по важнейшим вопросам.

Забегая вперед, отмечу, что в системе управления все большую роль начала играть Ставка Верховного главнокомандующего, то есть того же А.В. Колчака, но в другой его ипостаси.

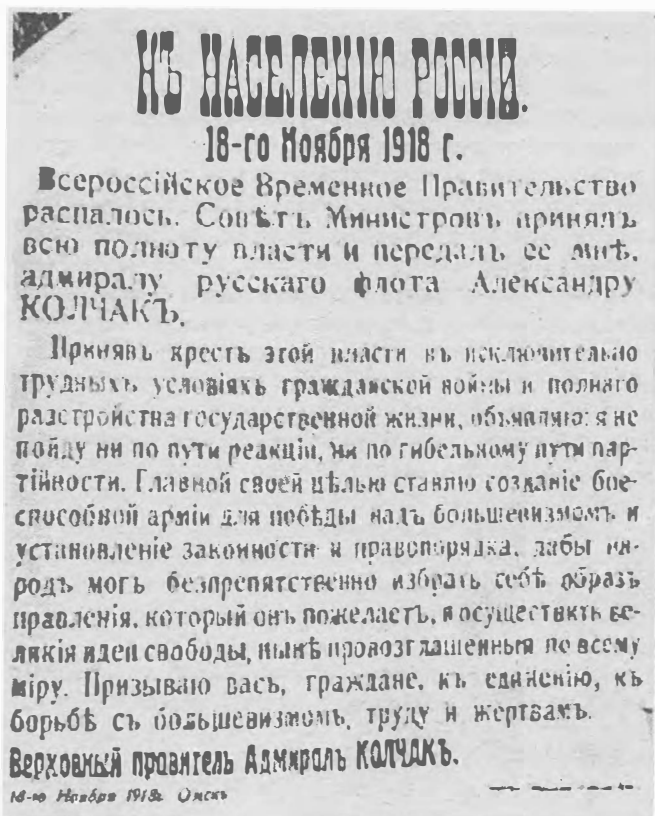
12. ВЫДАЮЩИЕСЯ УСПЕХИ И ТЯЖЕЛЫЕ НЕУДАЧИ

Остановимся на основных направлениях политики, проводившейся А.В. Колчаком и его правительством.

Следовало бы сразу же отметить, что постановления, издававшиеся в Омске, в том числе и самим Верховным правителем, далеко не всегда соответствовали его личным политическим взглядам и устремлениям. Они, как правило, были плодом коллективного творчества, носили на себе отпечаток и личного мнения правителя, и влияния окружения, советников. Очень не простое дело - охарактеризовать личные позиции Колчака, его политическое кредо. Здесь кое-что было стабильным, а что-то претерпевало изменения.

Общей тенденцией в эволюции взглядов и действий Колчака было его полевение. Но он всегда был насторожен в отношениях к социалистическим партиям. Чтоб лучше понять причины этой настороженности, следует иметь в виду, что у социалистов, особенно у левых, было много утопического, проявились тенденции к покушениям на частнособственнические отношения, на устои цивилизованного общества, нарушение баланса в нем. Колчака отпугивало и стремление части социалистических партий, групп и течений к соглашению с большевиками, ослаблению, а то и прекращению борьбы с ними.

Позиции А.В.Колчака, на наш взгляд, были очень близки к кадетским, либерально-буржуазным. Не случайно с ним во многих случаях солидаризировались лидеры сибирских и уральских кадетов: А.С. Белевский⁷³, В.Н. Пепеляев,

Воззвание Верховного правителя России А.В. Колчака к ее населению.

ционального собрания. Эта программа нас вполне удовлетворяет, но может быть задан вопрос, какие мы видим гарантии в том, что это будет исполнено? Мы видим их, во-первых, в том пути, который принят Верховным правителем. Мы видим изданный городской избирательный закон, чисто демократический. Это имеет огромное значение. В то время, как старый режим давил городские и земские самоуправления, в то время, как большевики разгоняли их, тут издается демократический закон... Мы видим эту гарантию также в том, что Верховный правитель стремится вступить в связь с представителями населения...

Вторую гарантию мы усматриваем в высоких личных качествах Верховного правителя..."

Есть основание для утверждения, что Колчак по многим вопросам придерживался более радикальных, демократических позиций, чем его "звездная палата" и костяк правительства. Под углом зрения поставленного вопроса важно обратиться к программным заявлениям А.В. Колчака. Вот его знаменитый тезис из обращения "К населению России": "Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боееспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру". Документ составлялся в ночь на 19 ноября 1918 г. с

Л.А. Кроль и другие. Лидер уральских кадетов Кроль, отражавший позиции левого крыла партии, после встреч с Колчаком, изучения его программных выступлений, актов руководимого им правительства давал им высокую положительную оценку: "...Целью правительства, - говорил он, - является освободить страну от большевистского гнета, спасти остатки народного достоинства, приступить к переустройству народной жизни на свободных началах местного самоуправления с участием самого народа, и только тогда будет обеспечена земля русскому земледельцу и будут обеспечены за русским рабочим лучшие условия труда. Наконец, правительство ставит себе целью созыв На-

участием В.Н. Пепеляева, А.И. Андогского и Д.А. Лебедева. Конечно, провозглашая этот тезис, Колчак ориентировался на позитивную реакцию союзников, желавших демократизации России. Но в общем и сам он в это время держал курс на европейский путь развития, хотя и проявлял определенную осторожность, учитывая особые условия России.

А.В. Колчак неизменно подчеркивал, что он за обновление страны. В интервью журналистам, данным 28 ноября 1918 г., он говорил: “Я сам был свидетелем того, как гибельно сказался старый режим на России, не сумев в тяжелые дни испытаний дать ей возможность устоять от разгрома. И конечно, я не буду стремиться к тому, чтобы снова вернуть эти тяжелые дни прошлого, чтобы реставрировать все то, что признано самим народом ненужным”. И далее подчеркнул: “Государства наших дней могут жить и развиваться только на прочном демократическом основании”. Это были не только широковещательные заявления, хотя политические цели момента, конечно, преследовались. С самого начала Колчак из-за своих радикально-демократических заявлений испытывал давление, ощущал недовольство некоторых министров. И тем не менее, в целом он продолжал придерживаться той же линии.

В составленном 3 июня и подписанном Колчаком ответе союзным державам на их ноту от 26 мая 1919 г., он также декларировал демократические цели. Конечно же, и в данном случае надо учитывать стремление Колчака и других лиц, причастных к составлению документа, ориентироваться на требования правительств западных стран. Но и на деле Колчак всерьез думал о реализации декларируемых им принципов. И надо с должным пониманием подойти к высказываниям отдельных мемуаристов, что в узком кругу, неофициально, Колчак как-то отмежевывался от сделанных заявлений. Авторы воспоминаний могли и неточно передать сказанное Колчаком, и абсолютизировать какую-либо грань его рассуждений. Так, бывший генерал для поручений при Колчаке М.А. Иностранцев приводит случай, когда тот высказывал мысль, что не допустит созыва того Учредительного собрания, которое избиралось в 1917 г., “при выборе в настоящее Учредительное собрание пропущу в него лишь государственно-здоровые элементы”. Как не понять, что Колчак имел в виду социалистический состав того Учредительного собрания, в котором чуть ли не 40 процентов составляли большевики и левые эсеры, а либералы (кадеты) - менее 5 процентов. При таком составе Учредительное собрание вряд ли в состоянии было стабилизировать обстановку в стране, определить основы правового государства.

Бесспорно, демократизм Колчака был ограниченным, тем более, в условиях гражданской войны.

Следует обратить внимание на то, что декларированные Колчаком цели и задачи исторически обуславливались. Кардинальной задачей Колчак считал непримиримую борьбу с большевизмом, его безусловное сокрушение. Колчак в переписке употреблял выражения о полном уничтожении, истреблении большевизма.

В письме к жене 15 октября 1919 г. Колчак писал: “Моя цель первая и основная - стереть большевизм и все с ним связанное с лица России, истребить и уничтожить его. В сущности говоря, все остальное, что я делаю, подчиняется этому положению”. Разумеется, эти крепкие выражения непримиримого врага Октябрьского переворота и большевизма не следует понимать, как курс на физическое уничтожение большевиков и всех, связанных с ними. Речь шла об уничтожении большевистской советской системы, того, что она успела наделать во вред обществу, о неприменном разгроме РКП(б). Никаким маньяком Колчак не был. По идее и программе Колчака государственное устройство России должен был определить всенародно избранный представительный орган. Он назы-

вал его и “Национальным собранием”, и “Земским собором”, и “Национальным Учредительным собранием”. Попытка отойти от привычного названия “Учредительное собрание” связана с тем, что Колчак был против признания того состава собрания, которое созывалось в январе 1918 г. и было разогнано большевиками. Колчак вообще считал выборы в него незаконными, так как они происходили уже при власти большевиков, при их “режиме насилия”. Думается, основания для такого мнения у него были. В итоге Колчак пришел все же к признанию необходимости выборов Учредительного собрания, но он считал, что оно должно быть “законно избранным”, в условиях действительно свободного волеизъявления народа. Созыв этого органа он связывал с окончанием войны.

Колчак предусматривал широкое развитие самоуправления, о необходимости которого говорил еще до приезда в Омск и сторонником которого проявил себя потом на практике. Относительно целей и практических шагов Колчака в государственном строительстве надо заметить, что его правительство, центральный и местный аппарат руководствовались постановлениями и результатами практики Временного правительства, законно сформированного после Февральской революции и свергнутого большевиками. Вместе с тем правительство Колчака использовало определенный опыт страны и в дофевральский, то есть царский период. Это не следует считать реставрацией “царских устоев”. Просто он стремился взять из прошлого то, что выдержало проверку временем.

Примерно то же самое наблюдалось в хозяйственно-экономической области. Колчак в общем и целом продолжал политику предшествующих региональных правительств. Несмотря на то, что прежние правительства в Сибири, на Урале, в Поволжье имели в составе социалистов, они, тем не менее, по многим вопросам круто взяли за восстановление дооктябрьских норм в хозяйственно-экономической области, в том числе такой важной, как аграрные отношения. Временное Сибирское правительство издало закон о возвращении владельцам их имений вместе с живым и мертвым инвентарем. Правительство же Колчака, умонастроения крестьянства, заглядывая в мыслимое будущее России, просто-напросто отменило реставрационный закон, принятый в июле 1918 г., и стало осуществлять более гибкую политику, преимущественно в интересах широких масс крестьянства*.

Проводился курс на развертывание предпринимательства, в том числе банковской системы. Восстанавливались в своих правах владельцы предприятий, акционерные общества. Все это делалось до Колчака и продолжалось при нем в освобождаемых районах. Большую роль в определении стратегии в этой сфере играло “Государственное экономическое совещание”, образованное 22 ноября 1918 г., в работе которого деятельное участие принимал Колчак. Поощрялась инициатива, как тогда принято было говорить, “торгово-промышленного класса”, мелкого бизнеса. Это относилось и к крестьянству. Была восстановлена свобода торговли. В Сибири, славившейся до революции развитой и высокоэффективной, имевшей прочные позиции на мировом рынке кооперацией, восстанавливались ее силы. Однако в системе торговли сильно проявлялись чисто спекулятивные тенденции, другие негативные явления, в связи с чем правительство Колчака прибегало к различным санкциям и к регулирующим мерам в целях защиты интересов широких слоев населения.

* С 10 декабря 1918 г. было отменено постановление Временного Сибирского правительства о государственном регулировании хлебной, мясной и масляной торговли и разрешена свободная торговля ими “по вольным ценам”.

Денежные знаки правительства А.В. Колчака.

Постепенно совершенствовалась налоговая система, что положительно влияло на финансовое состояние региона. В июле 1919 г. ежемесячное поступление доходов, по сравнению со второй половиной 1918 г., увеличилось с 50 до 140 млн. руб. Если в целом за вторую половину 1918 г. доходы по всем источникам составили 300 млн., то в первую 1919 г. - 843 млн. руб. Большие суммы выдавались в виде кредитов не только промышленности на военные цели, но также и местному самоуправлению, кооперации. Шла подготовительная работа по унификации денежных знаков, стабилизации рубля. Большую роль играли частные банки, вклады в которые в 1919 г. увеличились. Население приобретало облигации займов. Надежда на успех борьбы с красными у многих сохранялась. И хотя производилось частное кредитование промышленности, главенствующую роль здесь играли государственные органы.

Проводившиеся меры позволили оживить промышленность, всю экономику, которую вольно или невольно развалили до того большевики. Жизненный уровень населения Сибири и Урала был низким и в промышленных районах имел тенденцию к снижению, особенно у рабочих. Но в целом он был гораздо выше, чем в Советской России, где царил настоящий голод. Сибирские крестьяне, отличавшиеся в царской России высоким достатком, имели значительные запасы хлеба, которые в силу неотлаженных каналов сбыта в военных условиях, дефицита товаров промышленного производства не всегда имели возможность выгодно продать. Недостаток продуктов питания испытывала армия из-за плохой постановки снабженческого дела. С проявлениями неразберихи и злоупотреблений постоянно боролся Верховный правитель, но, увы, - не всегда успешно. Военное командование, особенно в прифронтовой полосе, все чаще прибегало к контрибуциям, несанкционированному изъятию у крестьян сельскохозяй-

Командующий Кавказской Добровольческой армией, с мая 1920 г. - Главнокомандующий Русской армией генерал-лейтенант П.Н. Врангель.

ственных продуктов, скота, что вызывало гневные протесты, стихийные, а то и организованное сопротивление.

В целом же в отношении крестьян проводилась политика, учитывающая их интересы, открывающая перспективу частного фермерского пути развития. Историки часто пишут, что крестьянство Сибири к лету 1918 г. не успело получить тех выгод, которые давала советская власть, поэтому и не поддержало ее. Здесь, пожалуй, дело обстоит как раз наоборот. Сибирский, отчасти уральский крестьянин не познали еще, что такое аграрная политика большевиков с ее государственным произволом в распоряжении землей, уже начавшимся раскулачиванием, насильственным насаждением коммун и совхозов, продрозверсткой и другими формами организованного грабежа и репрессий в деревне. Не испытал всего этого, сибирский крестьянин благодушно верил в обещания большевиков о передаче земли именно ему. Он полагал, что хуже при советах, чем при Колчаке, не будет и защищать его режим вовсе не обязательно. И только позднее, уже на себе ощутив политику большевиков

в отношении деревни, сибирские, да и уральские крестьяне, включая бывших участников антиколчаковского движения, включились в активную повстанческую борьбу с советским режимом.

В чем же заключалась суть аграрной политики А.В. Колчака, которой он постоянно и всерьез занимался? Он определенно ориентировался на использование опыта аграрных преобразований П.А. Столыпина, создания фермерского хозяйства и ликвидации помещичьего землевладения путем отчуждения. В тех случаях, когда земли обрабатывались "исключительно или преимущественно силами семей владельцев земли, хуторян, отрубенцев и укрепленцев", они подлежали возвращению этим семьям. В центре многочисленных законоположений и разработок по аграрному вопросу стоял старательный, культурно работающий крестьянин.

К сожалению, Колчак и его правительство, в котором были и противники радикальных аграрных преобразований, не решились на осуществление намечаемого, откладывали реформы до Национального (Учредительного) собрания, а его созыв, в свою очередь, - до достижения в стране "порядка", то есть до разгрома большевиков и окончания гражданской войны. Примерно такой же практики придерживались и другие правительства белых. Правда, генерал П.Н. Врангель⁷⁴ и его правительство в Крыму приняли земельный закон, но эта

локальная мера была уже запоздалой. Тем не менее о политике Колчака надо сказать, что он успел провести некоторые меры в интересах крестьян. Земли, “утраченные” крупными владельцами, помещиками, то есть изъятые, захваченные у них большевиками, переходили в распоряжение государства и в дальнейшем подлежали продаже через земельный банк “трудовому собственнику”. На всех землях урожай собирал и использовал тот, кто засеивал и обрабатывал поле. В отличие от захватно-грабительской системы большевиков, колчаковская, пусть еще не совершенная, неотлаженная, была более цивилизованной. Она заинтересовала крестьян в производстве сельскохозяйственной продукции.

Не менее трудной была область рабочей политики. Она осложнялась тем, что часть рабочих, особенно малоквалифицированная, “чернорабочие” и, скажем так, - плохоработающие вообще, люмпены получили выгоду от советской власти, выиграли от проведения уравнительного принципа, свертывания системы оплаты по выработке и замены ее поденной. Попытки администрации заводов и фабрик при белых наладить производительный труд, изменить сложившееся положение вещей вызвали бурные протесты и проводились в жизнь с большим трудом. Действовала к тому же большевистская пропаганда о власти рабочего класса, о его диктатуре, всем еще памятно было массовое выдвижение из рабочей среды активистов в партийный, профсоюзный, государственный и хозяйственный аппарат. В результате основная масса рабочих не поддерживала белых, тяготела к советской власти и втягивалась в борьбу за ее восстановление. Но Колчак и его правительство стремились поладить с рабочими, по возможности, удовлетворять их требования. Причем рабочая политика была достаточно продуманной.

В составе Совета министров существовало министерство труда, которое возглавлял меньшевик Л.И. Шумиловский (с занятием этого поста он объявил о выходе из партии). Он оставлен был на этом посту и Колчаком, хотя в конце 1918 г. подавал в отставку, но она не была принята. Этот министр явно радел за людей труда и, опираясь на институт инспекторов (инспекторы труда губернские, уездные с их штатами, фабричные инспекторы), добивался значительных результатов.

Министерство в основном руководствовалось законодательством Временного правительства Львова - Керенского, весьма радикальным и продуманным. С приходом к власти Колчака, а в некоторых отношениях и ранее, проводился курс на упорядочение рабочего вопроса, взаимоотношений между трудом и капиталом. Восстановлены были биржи труда, прилагавшие усилия к регулированию потока рабочей силы, помогавшие безработным в трудоустройстве. Был утвержден закон о больничных кассах (органах страхования рабочих), и началось их возрождение. В них вносили деньги и рабочие, и предприниматели. Правда, в этом деле местами наблюдались большие трения. Нередко и та, и другая сторона жаловались на злоупотребления, на плохой контроль за расходованием денег. Здесь, естественно, сказывался социально-классовый эгоизм тех и других. В целях разрешения возникающих конфликтов создавались примирительные камеры, третейские суды. Функционировали рабочие клубы, народные дома и другие культурные и общественные учреждения.

Сохранились профессиональные союзы. По официальным данным, к концу 1918 г. их было 184, в большинстве из них насчитывалось по несколько тысяч членов. Однако количество профсоюзов и их численность сокращались из-за преследования властями, которые обвиняли рабочие союзы в антиправительственной деятельности, причастности к забастовкам, восстаниям. Взаимоотношения профсоюзов с властью находились в прямой зависимости от того, кто те или иные из них возглавлял: социалисты или коммунисты. С первыми удавалось

найти общий язык, а вторые были в постоянном конфликте с правительством и значительную часть профсоюзных средств направляли на нужды большевистского подполья и партизанского движения.

Лично А.В. Колчак сочувствовал рабочим. Он неоднократно затрагивал рабочий вопрос, твердо зная, что достаток рабочих зависит от успешной и согласованной деятельности и предпринимателей. В марте 1919 г. он запретил забастовки, мотивируя это военными условиями. На встрече с рабочей делегацией 16 июля 1919 г. он говорил, что в принципе не против стачек, рабочие имеют на них право. Как я уже отмечал, Колчак по дореволюционному периоду знал характер труда рабочего, многократно бывал на заводах, в юности даже освоил профессию слесаря. Бывал он на заводах и будучи Верховным правителем. Г.К. Гинс, сопровождавший Колчака в поездке по Уралу, писал: "В Перми он идет на пушечный завод. Беседует с рабочими, обнаруживает не поверхностное, а основательное знакомство с жизнью завода, с его техникой. Рабочие видят в Верховном правителе не барина, а человека труда, и они проникаются глубокою верой, что Верховный правитель желает им добра, ведет их к честной жизни. Пермские рабочие не изменили правительству до конца". Действительно, рабочие Мотовилихинского пушечного завода не очень-то доброжелательно относились к большевикам, восставали. Многие добром помнили Колчака.

Если говорить об отношении А.В. Колчака, его правительства к интеллигенции, о политике в области науки и культуры, то следует отметить, что они, если учитывать военные условия, заслуживают высокой оценки. Здесь надо особо подчеркнуть роль самого Колчака. Он был крупным ученым, высокообразованным интеллигентным человеком. Конечно, на него накладывали отпечаток и профессия военного, и роль вождя в кровавой гражданской войне. Но качеств, обретенных в семейной среде, во время обучения и научной деятельности, он не растратил. Не случайно для ученых Сибири и Урала он был "своим" человеком.

Находясь в Сибири, А.В. Колчак не оставлял планов освоения Арктики. В его кабинете в Омске висела карта полярных экспедиций. Наладив связь с северным (архангельским) правительством Е.К. Миллера, Колчак приступил к подготовке новой арктической экспедиции. Для ее гидрографического обслуживания в конце 1918 г. создается Дирекция маяков и лоций. 23 апреля 1919 г. при правительстве Колчака организуется Комитет Северного морского пути, во главе которого был поставлен золотопромышленник, участник двух полярных экспедиций и общественный деятель С.В. Востротин. В 1919 г. была создана Карская экспедиция во главе с Б.А. Вилькицим, имевшая целью доставку в устье северных сибирских рек оружия и вывоз оттуда хлеба. При Колчаке продолжалось строительство Усть-Енисейского порта, начатое еще в 1917 г. В 1919 г. были организованы гидрографическая экспедиция Д.Ф. Котельникова и ботаническая В.В. Сапожникова, готовилась Обь-Тазовская экспедиция. Этим занимался Институт исследований Сибири, созданный в Томске в январе 1919 г. Колчак всемерно поддержал идею создания большой геологической службы для выявления богатства сибирского края. И все это - тоже грани деятельности Верховного правителя России, которые несправедливо замалчивались советскими историками.

На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке жила и активно функционировала система высшего и народного образования. На него выкраивались значительные ассигнования. Находилась поле деятельности десяткам оказавшимся на востоке профессорам из Петрограда, Москвы, Казани и других городов. В обстановке войны шли поиски новых рациональных методик обучения в школе. На Урале и в Сибири функционировали театры, самостоятельно решавшие репертурные вопросы.

Группа военных и государственных деятелей и представителей стран Антанты в Омске. В центре А.В. Колчак (в шинели), слева от него генерал М. Жаиен.

А.В. Колчака волновала проблема межнациональных взаимоотношений. В основе его политики лежала идея сохранения “единой и неделимой” России. И здесь Колчак явно проявлял консерватизм, который мешал консолидации антибольшевистских сил в стране. Так, он не признал независимость Финляндии, признанной правительством Ленина. Колчак же предусматривал независимость этой страны лишь “во внутренних вопросах”. А между тем под декларированное Колчаком признание независимости правящие круги Финляндии, генерал А. Маннергейм⁷⁵ - регент республики, обещали не только более широкую помощь генералу Н.Н. Юденичу, но и прямое участие 100-тысячной армии в походе против правительства большевиков. Колчаку хватило духа признать лишь независимость Польши. В целом же практическое решение национального вопроса, “внутренней автономии” для малых народов Урала и Сибири - казахов, башкир и других, откладывалось правительством Колчака до созыва Учредительного собрания. Колчак долго и упорно боролся с местными национальными центрами (“правительствами”), преследовал их представителей. Потом, правда, вынужден был пойти на некоторые уступки - признание права их на определенную автономию. В результате военно-национальные формирования скорее не помогали, а противодействовали Колчаку, даже частью сил переходили на сторону красных, как это случилось с башкирскими частями в феврале 1919 г. Национальная политика, проводимая Колчаком, к сожалению, не отличалась гибкостью, не учитывала состояние бывшей Российской империи на период гражданской войны. В то же время большевистское правительство много и охотно декларировало по национальному вопросу, формально предоставляло народам автономии, даже независимость. Но на деле оно вовсе не считалось с этим и уже вскоре силою оружия отнимало (или пыталось это сделать) только что “предоставленное”, насаждая повсюду свой режим⁷⁶. Колчак в принципе так действовать не хотел и отвергал рекомендации советников.

Во внешней политике А.В. Колчак проводил курс, во многом возрождавший тот, который осуществлялся до октября 1917 г. Он всемерно добивался взаимопонимания с другими, особенно союзными странами, расширения с ними связей и в конечном счете, - достижения официального признания своего правительства. Как Верховный правитель России, Колчак уже 27 ноября 1918 г. признал внешние долги России, различные договорные обязательства. Такой внешнеполитический шаг создавал здоровую основу для межгосударственных отношений, в частности и на увеличение помощи его правительству. Но в то же время хочу подчеркнуть, что Верховный правитель при этом был щепетилен, постоянно озабочен мыслью о сохранении независимости своего правительства. Недаром он при попытке союзных правительств взять руководство войсками в свои руки, поставить главнокомандующим М. Жанена заявил, что скорее откажется от иностранной помощи, нежели согласится с тем, чего хотят правительства Англии и Франции. В проведении внешней политики Колчак опирался на собственное министерство иностранных дел (возглавлявшееся Ю.В. Ключниковым, а затем И.И. Сукиным) и российских дипломатов, поддерживавших тесные связи с правительствами зарубежных стран. Через них также поддерживалась связь с другими центрами белого движения.

Если не просто решались вопросы с обеспечением военной помощи правительству Колчака, то еще трудней продвигалось, как уже отмечалось выше, дело с официальным его признанием, как общероссийского. И это затянущееся признание его верховенства со стороны других правительств белых сыграло роковую роль. Кроме того, правительство Колчака, как и другие правительства белых, не было признано западными странами вообще, поэтому помощь со стороны последних была ограниченной. К тому же следует отметить, что помощь, оказываемая Колчаку западными государствами, не была безвозмездной. В основном она выдавалась через займы или непосредственно под залог части золотого запаса. Золотой запас России в виде слитков, монет из золота, платины, серебра, ювелирных изделий, ценных бумаг с весны 1918 г. хранился в Казани. 7 августа он был захвачен войсками Комуца и чехословацкого корпуса и доставлен в Самару. В дальнейшем, будучи в некотором, сравнительно небольшом, количестве истраченным Комуцем, был доставлен в Омск и с 18 ноября 1918 г. оказался в распоряжении А.В. Колчака. Общая номинальная стоимость золотого запаса исчислялась в 651 352 117 руб. 86 коп. Правительством Колчака было израсходовано в основном как раз на оплату поставок из-за рубежа и доставку (во Владивосток) под залог около 242 млн. золотых рублей (часть из них была похищена атаманом Семеновым и чехословаками). Израсходовано и утрачено было только свыше одной трети запаса. Как видим, помощь была действительно небезвозмездной. Но без нее обойтись было невозможно, ибо промышленность вообще в Сибири была слабо развитой. Урал не сразу и не полностью входил в регион омского правительства. Если не говорить о занятых на короткое время военных заводах Западного Урала - Мотовилихинского, Ижевского, Воткинско-го, - военной промышленности в распоряжении Колчака почти и не было. То же можно сказать и о текстильной промышленности - производстве обмундирования.

Расходы на ведение войны, вооружение и содержание армии крайне ограничивали возможности в социальной сфере. Система социальной помощи остро нуждающимся в ней в основном совпадала с той, которая существовала до Октября. Восстанавливалось пенсионное обеспечение тех, кто его имел прежде, но был лишен большевиками. Существовали и функционировали различные приюты для престарелых и детей-сирот, инвалидов. Эти вопросы часто становились

предметом обсуждения в правительственных учреждениях. Колчак лично участвовал в решении социальных вопросов, особенно связанных с положением солдат-ветеранов, в том числе георгиевских кавалеров, инвалидов прошлых войн, семей военнослужащих и погибших на фронте. Как и до Октября, при Колчаке эти категории людей на деле не забывались. Летом 1919 г. большим тиражом выпускались и бесплатно раздавались брошюры, в которых указывался порядок получения солдатского пайка, пенсий, лечебных мест на курортах для больных воинов, назывались мастерские, где было организовано обучение инвалидов, протезные предприятия...

В Омске, Томске, Иркутске на инвалидов отводились сотни тысяч рублей.

Тем не менее бедствующих на Урале и в Сибири при Колчаке становилось не меньше, а больше. Сказывались тяготы продолжающейся войны, недостаточное внимание к нуждам населения и паразитирование всякого рода спекулянтов, взяточников, расхитителей. До крайности уставших на протяжении многолетних войн людей угнетали все новые и новые мобилизации, налоги, поборы. Не меньше, если не больше, раздражал произвол представителей военных властей. Они ущемляли не только "простых смертных", но и высокопоставленных лиц. Главный начальник Уральского края С.С. Постников по официальному положению был генерал-губернатором. Но он оказался в подчинении командующего Сибирской армией Р. Гайды. Последний с Постниковым практически перестал считаться. В начале апреля 1919 г. Постников подал в отставку и изложил ее мотивы в письме Совету министров. В нем, в частности, указывалось на "незаконмерность действий, расправы без суда, порку даже женщин, смерть арестованных "при побеге". И далее Постников констатировал, что ему "неизвестно еще ни одного случая привлечения к ответственности военного, виновного в перечисленном". Епископ Уфимский Андрей (в миру князь А.А. Ухтомский) возмущался грабительскими действиями военных против сельских жителей при отступлении из Златоустовского уезда и констатировал: "Кто теперь эти крестьяне? Они - большевики".

По этим и иным причинам нарастало недовольство широких слоев городского и сельского населения своим положением, политикой власти, руководимой А.В. Колчаком. Жесткие и даже жестокие действия властей на местах связывались с его именем. Был случай, когда генерал-лейтенант С.Н. Розанов⁷⁷,

Главнокомандующий партизанской крестьянской Красной армией Западной Сибири Е.М. Мамонтов.

Командующий партизанской Восточно-Сибирской советской армией Д.Е. Зверев.

подавлявший партизанское движение в Енисейской и Иркутской губерниях, вообще “подставил” Верховного правителя. Сославшись на приказ Колчака, Розанов распорядился сжечь два крупных села, жители которых помогали партизанам. На самом деле такого приказа не существовало. Колчак был сторонником жестких мер в подавлении руководимых коммунистами восстаний. В то же время он лично и его Совет министров требовали соблюдения на местах законности.

В разгоравшейся гражданской войне обе стороны действовали жестоко. Партизаны истребляли милиционеров, офицеров и солдат, часто убивали представителей земских управ. Белые карательные отряды поступали также. Сводки, донесения с мест пестрят сообщениями об ограблениях, убийствах мирных жителей. Так, в Татарском уезде партизаны за 1-8 сентября 1919 г. убили 41 мирного жителя и служащего госучреждений.

Отряд П.К. Лубкова в Томской губернии грабил почтовые отделения и сжигал волостные помещения. Взрывались десятки мостов и железнодорожные пути. Терпели крушения не только воинские эшелоны, но и пассажирские поезда. В сводке Особого отдела департамента милиции за время с 1 января по 15 июля 1919 г. зафиксированы убийства: должностных лиц - 71, чинов милиции - 101, военных - 244, частных лиц - 2535, истязаний и пыток - 46. А также: ограблений казенных учреждений - 67, частных учреждений - 119, частных лиц - 341, поджогов - 38, крушений поездов - 24 и т.д. В целых районах действия властей да и жизнедеятельность населения оказывались парализованными.

В Сибири и на Урале, в других районах еще до прихода к власти Колчака формировались и начали свою деятельность различные органы, призванные бороться с большевистским подпольем. Чаще всего они создавались при военных округах, войсковых соединениях, частях и именовались “военным контролем”, “контрразведкой”, даже “разведкой”. Назначались “уполномоченные по охране государственного порядка и спокойствия” в тех или иных районах (губерниях, группах уездов, отдельных уездах и т.д.). Нередко в одних и тех же населенных пунктах таких органов было по два и более. При Колчаке идет процесс некоторого упорядочения этих охранных и секретных служб. Органы военного контроля в тылу постепенно переводились из военного ведомства в

систему министерства внутренних дел. 7 марта 1919 г. Верховный правитель утвердил постановление Совета министров об учреждении при Департаменте милиции МВД "Особого отдела государственной охраны" и соответствующих управлений на местах (губернских, уездных и т.д.), работающих в контакте с местными органами власти, параллельно с милицией, а порой и совместно с ней. В губерниях (областях), уездах создавались отряды особого назначения. Правда, эта работа затянулась и на местах практически так нигде и не была завершена. Эта система госохраны была открытой. Что же касается контрразведывательной службы, то она во многом была законспирирована. Управление ею было сосредоточено в Ставке, при Главном штабе. Существовали специально разработанные положения и инструкции. В них учитывался опыт дореволюционной России. В первые месяцы в этих органах работали преимущественно армейские офицеры. В дальнейшем, особенно при

Член Реввоенсовета 5-й армии, председатель Сибирского Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б), затем Сибирского ревкома И.Н. Смирнов.

Колчаке, в эти органы стали привлекаться опытные контрразведчики, жандармские, полицейские генералы и офицеры. Как отмечали участники антиколчаковского подполья, им действовать, конспирироваться становилось все труднее.

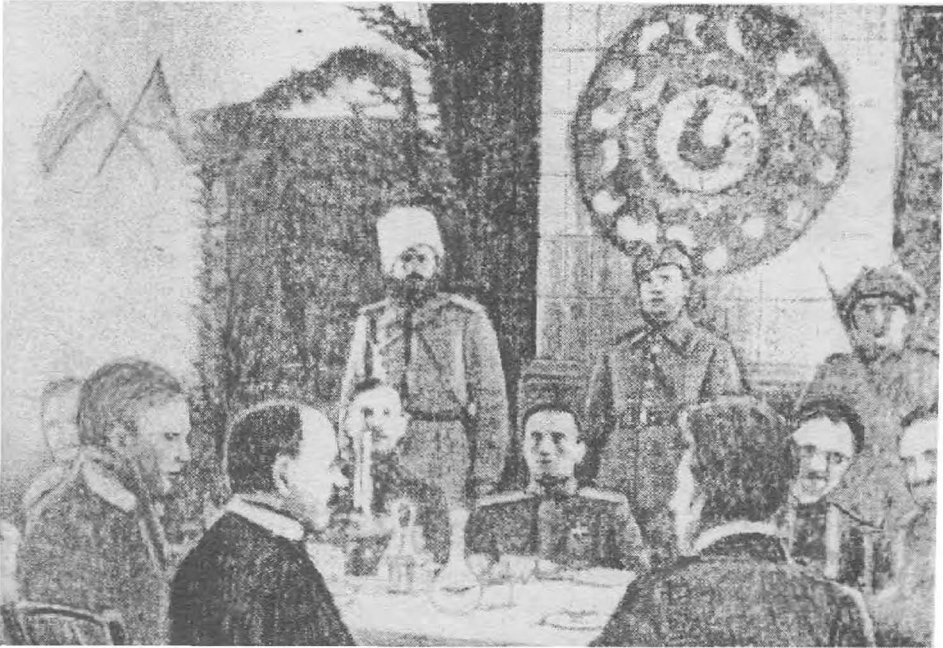
И все-таки размах антиправительственного движения становился настолько мощным, что ни контрразведка, ни госохрана с ее отрядами особого назначения, ни милиция с ним справиться были уже не в состоянии. В массовом порядке стали применяться регулярные войска, особенно казачьи, а также японские, чехословацкие, польские и другие части. Нельзя не отметить, что черную роль сыграли многие казачьи карательные отряды. Как-то можно понять, что у многих казаков, их офицеров были основания вдвойне ненавидеть большевистскую власть с ее политикой "расказачивания", но оправдать их действия все равно невозможно. Существует множество документов, включая и колчаковские, свидетельствующих о жестокости казачьих отрядов по отношению к мирным жителям. Приведем один из примеров. Земцы Амурской области писали 12 мая 1919 г. в министерство внутренних дел о беззаконных ставленника атамана Семенова полковника Шемелина: "Его отряды рассыпались по области, наводя всюду панику и ужас. Беззаконие, произвол, мародерство, расстрелы без суда, массовые порки и, как во времена советской власти, притеснение и борьба с земским делом..."

При Колчаке произошли городские восстания рабочих, кое-где совместно с солдатами, политзаключенными, - в Омске (дважды)⁷⁸, Челябинске, Кустанае, Тюмени, Кольчугино, Семипалатинске, Барнауле, Томске, Канске, Енисейске, Красноярске, Черемхово, Иркутске, Якутске и других городах и селах. Наиболее крупные очаги партизанского движения возникли в Тургайской области, Алтайской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях, Амурской, Приморской областях. В партизанских отрядах насчитывалось свыше 100 тысяч человек, а с учетом участников-восстаний - чуть ли не в два раза больше⁷⁹. В числе партизанских командиров были М.И. Ворожцов⁸⁰, Е.М. Мамонтов⁸¹, И.В. Громов⁸², А.Д. Кравченко⁸³, П.Е. Щитинкин⁸⁴, В.Г. Яковенко⁸⁵, Д.Е. Зверев⁸⁶, П.Н. Журавлев⁸⁷, С.Г. Лазо⁸⁸ и другие.

Уже на первых порах (зимой и весной 1919 г.) выступления в основном готовились и организовывались подпольщиками-коммунистами, им сочувствующими, но немало было и стихийных. В дальнейшем во главе восстаний партизан, в подавляющем большинстве случаев стояли коммунисты. Проявление такой активности коммунистами и в целом их ведущая, руководящая роль были совершенно не случайны. Процесс формирования и деятельность большевистского подполья на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке направлялись Центральным комитетом РКП(б), В.И. Лениным, Я.М. Свердловым. Во второй половине декабря 1918 г. был создан для выполнения этой задачи специальный орган - Сибирское бюро ЦК РКП(б), именовавшийся также Урало-Сибирским. Он находился в прифронтовой полосе. Его членами, непосредственно руководившими работой, были видные большевики И.Н. Смирнов и Ш.И. Голощекин⁸⁹ (затем и другие). За линию фронта посылались сотни коммунистов, связных, разведчиков, партизан. По моим подсчетам, всего было послано более 560 человек (сумело перейти фронт около 230 чел.)*. В самом тылу войск Колчака имелся руководящий центр подпольных организаций - Сибирский областной комитет РКП(б), размещавшийся в Омске, а с лета 1919 г. - в Иркутске. Его последовательно возглавляли К.М. Молотов⁹⁰, А.Я. Нейбут⁹¹, А.А. Масленников⁹², Х.Я. Суудер⁹², А.А. Ширямов. Многие из коммунистов были фанатически верны коммунистическим установкам В.И. Ленина. Были, как и всюду в стране, отщепенцы, рассчитывавшие сделать карьеру, отхватить от большого "капиталистического пирога". В целом же большевистское подполье представляло мощную силу, смогло и здесь "оседлать" стихию, а разжигая ее, вовлечь в борьбу с правительством Колчака тысячи и тысячи людей, надеявшихся на некое чудо - светлое коммунистическое будущее.

А.В. Колчак, являясь Верховным главнокомандующим вооруженными силами, из круга всех вопросов выделял военный. С приходом к власти он дал сильный импульс всему ходу военного производства и строительства, развертывания и укрепления армии, перегруппировки сил на фронте и подготовки наступления. Военными вопросами он не переставал заниматься даже во время длительной и тяжелой болезни воспалением легких. А получил он эту болезнь опять же из-за стремления разделять тяготы солдат. Ходил в шинели, без утепленного подклада. 9 декабря 1918 г. во время георгиевского парада, длившегося долго, он простудился, несколько дней держался, работал, как обычно, но затем свалился, а начал выздоравливать только с конца января 1919 г., впервые вышел на

* См.: Плотников И.Ф. "Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск", "Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918-1920 гг." Свердловск. 1989 г.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А.В. Колчак (в центре) и Командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда (слева от него) на торжественном обеде в Екатеринбурге в феврале 1919 г.

улицу только 29 числа этого месяца. Поднявшись с постели, ознакомившись глубже с делами, приняв необходимые решения по тылу, 8 февраля 1919 г. Колчак отправился на фронт. Эта поездка состоялась вскоре после крупной победы его войск под Пермью в конце декабря 1918 г. Были освобождены не только Пермь, но и ряд других городов и обширные районы. Эта победа не была омрачена даже последующими неудачами на западном и южном участках фронта, оставлением Уфы, Бирска, Оренбурга, ибо в районе Перми нанесено было тяжелое поражение красным войскам, взяты в плен многие тысячи красноармейцев, захвачены огромные военные трофеи. Поездка на фронт, на Урал, была длительной. Колчак посетил Челябинск, Златоуст, Троицк, Екатеринбург, Пермь, другие населенные пункты, фронтную полосу восточнее Уфы и западнее Перми, находился и действовал там в боевой обстановке (за это был награжден орденом Св. Георгия III степени)*.

Во время своей поездки Верховный правитель часто выступал перед представителями гражданской и военной власти и общественности. В Челябинске и Екатеринбурге он впервые четко выразил свои планы по аграрному вопросу: исключить возврат к старому и создать "многочисленное крепкое крестьянское и мелкое землевладение за счет землевладения крупного". Вернулся Колчак в

* Правительство А.И. Деникина и другие ввели и особые наградные знаки. Это же предпринято было и правительствами Сибири и Колчака. А.В. Колчаком был задуман орден "За Великий Сибирский поход" (две степени), учрежденный позднее С.Н. Войцеховским. В июне 1919 г. был введен новый статус ордена "Освобождение Сибири" (четырёх степеней), учрежденный еще Директорией.

Погоны чинов 25-го Екатеринбургского адмирала Колчака горных стрелков полка.

Орденский знак "За Великий Сибирский поход".

Слева направо: председатель Совета начальников управления А.В. Кривошеин, главнокомандующий русской армией генерал-лейтенант, барон П.Н. Врангель, начальник штаба армии генерал от кавалерии П.Н. Шатилов.

Группа генералов и офицеров в феврале 1919 г. в Екатеринбурге. Сидят, слева направо: генерал-лейтенант Р. Гайда, адмирал А.В. Колчак, генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, генерал-майор Домонтович.

Омск 26 февраля. К этому времени относится его решение перенести ставку в Екатеринбург, ближе к фронту. И хотя многие из его окружения отговаривали от этого шага, опасаясь, что Омск утратит свою роль центра политической власти, Колчак настоял на своем. Он приказал генералу Гайде перенести штаб своей армии из Екатеринбурга в Пермь, что тот и сделал. Но идея Колчака так и не была реализована из-за того, что весеннее наступление армий захлебнулось, а затем началось отступление. Ставка осталась в Омске. В Екатеринбурге Колчак организовал на высоком профессиональном уровне расследование обстоятельств убийства царской семьи*.

На фронт, на Урал, А.В. Колчак выезжал еще и в мае, в начале июня, затем в конце июня - начале июля, то есть всего четыре раза. Неоднократно бывал он в войсках под Омском. Таким образом, Колчак проводил там в общей сложности многие недели и принимал личное участие в руководстве боевыми действиями.

Такое обилие поездок приветствовалось далеко не всеми государственными деятелями, даже военными, так как они считали, что от этого страдают общие государственные дела. Недоброжелатели злословили: "После каждой поездки Верховного начинается отступление войск". Да, бывало так, но бывало и иначе: его присутствие в войсках поднимало дух солдат и офицеров, распоряже-

* Состоянием следствия, которое в начале велось неудовлетворительно, Колчак интересовался еще при первом приезде в Екатеринбург в ноябре 1918 г., а затем в феврале 1919 г. В эти приезды место казни Николая II, его семьи и обслуживающего персонала - дом Н.Н. Ипатьева он, видимо, лишь обозревал проездом. Достоверно известно, что во время приезда 8-10 мая он туда заезжал, обстоятельно ознакомился с ходом следствия, вещественными доказательствами и пр.

ния, отдаваемые командованию, приносили позитивные результаты. Были у этих поездок и личные причины. Колчак в своем кругу говаривал, что на фронте он отдыхает. Ему, военному, не являвшемуся “записным” политиком, в тылу, среди существовавших в правительственных кругах раздоров, интриг было нелегко. Сказывался в стиле руководства Колчака, видимо, и навык командования военно-морскими силами: быть как можно чаще на боевых операциях, в гуще решающих военных событий.

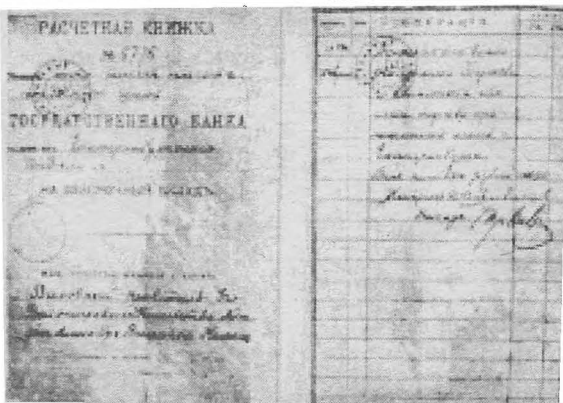
Хотелось бы подчеркнуть, что профессия военного отразилась в итоге и на методах управления А.В. Колчаком всеми делами. Чтобы пресечь отрицательные явления в работе аппарата управления в целом, не доверяя многим членам Совета министров, Колчак взял курс на постепенное сосредоточение важнейших направлений работы в собственных руках. Для этого он сконцентрировал внимание на Ставке и стал создавать при ней все новые и новые службы. Это не способствовало упорядочению работы правительства, породило дублирование, разноречивость в деятельности его самого и правительства. Наличествовал “флюс” - преимущественное положение военных различных рангов, вмешательство их, как почувствовали властные структуры на всех уровнях, в гражданские дела. Против такого положения вещей протестовали многие видные администраторы, но, видимо, не достаточно резко и смело.

Г.К. Гинс по этому поводу говорил: “Адмирал-Верховный Главнокомандующий поглотил адмирала-Верховного правителя, вместе с его Советом министров. Ставка недаром производила впечатление муравейника. В ней были свои министерства... Язва беспорядочности и произвола, так рано появившаяся, росла и давала себя знать, заражая политическую атмосферу”.

Но такая ситуация возникла все же не сразу. Вначале Колчак был тесней связан с Советом министров, больше опирался на него, а Ставка была еще не велика, сводилась в основном к Главному штабу. Понятное дело, что при Верховном главнокомандующем, являвшемся не войсковиком, а моряком, особую роль должен был играть начальник этого штаба. Он становился фактическим руководителем разработок оперативных планов и их воплощения в жизнь. Колчак назначил на эту должность упоминавшегося уже молодого полковника Д.А. Лебедева, прибывшего незадолго до того от А.И. Деникина и произведенного им, Колчаком, в генерал-майоры. Выбор был, как считается многими, не вполне удачным, но в общем, учитывая, что в качестве заместителей у Лебедева состояли эрудированные генералы П.Г. Бурлин и А.И. Андогский, работа спорилась. В начале 1919 г. была произведена радикальная реорганизация войск. Крупнейшими армейскими соединениями - Сибирской (бывшая Екатеринбургская группа), Западной армиями командовали соответственно - генерал-майор, после взятия Перми - генерал-лейтенант Р. Гайда и генерал-лейтенант М.В. Ханжин⁹⁴. Ханжину была подчинена в оперативном отношении Южная армейская группа генерал-майора Г.А. Белова⁹⁵, примыкавшая к левому флангу его соединения.

Первая из армий составляла правое, северное, крыло фронта, вторая действовала в центре. Южнее ее (и группы Белова) находилась отдельная Оренбургская армия под командованием генерал-лейтенанта А.И. Дутова, а юго-западнее ее - отдельная Уральская армия генерал-лейтенанта Н.А. Савельева, которого вскоре заменил генерал-лейтенант В.С. Толстов⁹⁶. Весь фронт имел протяженность до 1400 км*. Этим соединениям Колчака противостояли шесть красных

* На Семиреченском участке действовали партизанская дивизия генерал-лейтенанта Б.В. Анненкова и другие формирования. В начале 1919 г. были разграничены функции начальника штаба и военного министра. Действующая армия и стратегические резервы к западу от р. Тобол подчинялись первому, а все внутренние войска восточнее Тобола - второму.

Расчетная книжка Екатеринбургского банка на имя А.В. Колчака.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал А.В. Колчак вручает награды солдатам в Екатеринбурге в мае 1919 г.

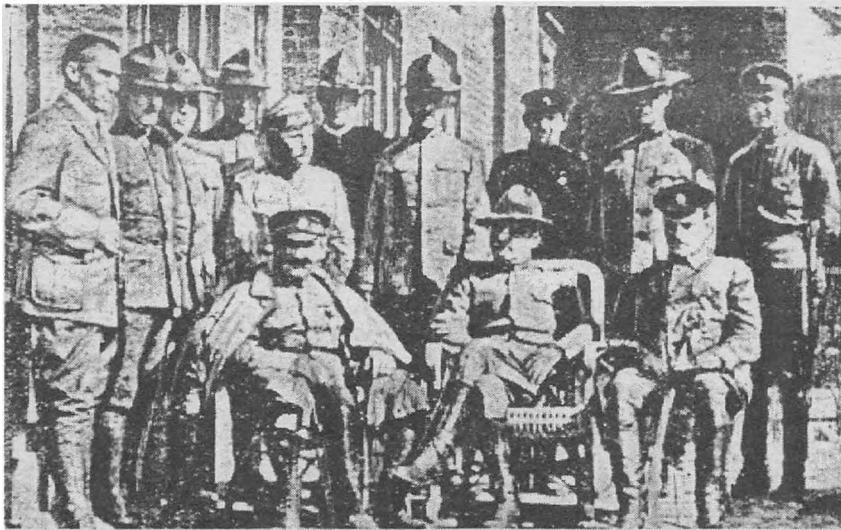
Группа офицеров в Екатеринбурге.

Преемник Верховного правителя России А.В. Колчака, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант А.И. Деникин.

Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант А.И. Деникин.

Группа русских и иностранных генералов и офицеров, сидят, слева направо: атаман Г.М. Семенов и американский генерал В.С. Гревс (в центре).

Группа генералов и офицеров войск интервентов в Сибири и на Дальнем Востоке. В центре сидят: третий слева направо американский генерал В.С. Гревс, четвертый японский генерал Отани.

армий под нумерацией с 1-й по 5-ую и Туркестанская. Ими соответственно командовали - Г.Д. Гай, В.И. Шорин, С.А. Меженинов, М.В. Фрунзе⁹⁷, Ж.К. Блюмберг (вскоре замененный М.Н. Тухачевским⁹⁸) и Г.В. Зиновьев. Командующим фронтом был С.С. Каменев⁹⁹. На фронт нередко выезжал председателем Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий.

После крупного успеха белых под Пермью и неудач под Уфой и Оренбургом положение на фронте стабилизировалось. Та и другая стороны готовились к решающему наступлению. К весне 1919 года общая численность войск Колчака была доведена примерно до 400 тысяч. Кроме них в Сибири и на Дальнем Востоке находилось до 35 тысяч чехословаков, 80 тысяч японцев, более 6 тысяч англичан и канадцев, более 8 тысяч американцев и более одной тысячи французов, а также формирования поляков, сербов, итальянцев, румын и других. Но, как уже говорилось, практически все они дислоцировались в тылу, в боях участия почти не принимали. Да и соединения белой армии в большинстве своем находились в тылу. На фронте была сосредоточена лишь одна треть. Силы белых и красных были примерно равны: первые имели некоторое превосходство в живой силе, а вторые - в огневой мощи. На главном направлении - против 5-й армии красных Западная армия имела большое превосходство.

В начале марта 1919 г. войска Колчака, опередив красных, перешли в наступление и стали быстро продвигаться к Волге, приблизившись к ней у Казани и Самары на расстояние до 80, а у Спасска - до 35 километров. Однако к концу апреля наступательный потенциал был исчерпан. Казалось, фронту белых ничто серьезно не угрожало. Начатое в конце апреля контрнаступление красных против Западной армии натолкнулось на упорное сопротивление. Но тут, 1 мая, случилось непредвиденное. Только что прибывший на фронт Украинский курень (полк) имени Т.Г. Шевченко южнее станции Сарай-Гир Самаро-Златоустовской железной дороги поднял восстание. В Челябинске, где формировалась эта часть, солдаты полка были распропагандированы коммунистами и анархистами. Тщательно, со строгим соблюдением конспирации, подготовленное восстание оказалось успешным. В него удалось вовлечь солдат еще четырех полков и егерского батальона. Несколько тысяч солдат с оружием, артиллерией и обозами перешли на сторону красных, ударной группы их фронта¹⁰⁰. Тысячи солдат и офицеров бежали в тыл. Все это разлагающе подействовало на соседние части и соединения. 11-я и 12-я дивизии белых были разбиты. В боевом порядке белых возникла огромная брешь, в которую ринулась красная конница, а за нею и пехота. Деморализованное командование белых сообщило о случившемся с опозданием и преуменьшением его масштабов. Меры по спасению положения, замене разбитого 6-го корпуса запоздали. Командование бросило навстречу красным недоформированный корпус генерала В.О. Каппеля¹⁰¹ из района Челябинска-Кургана. Но закрыть брешь так и не удалось, поэтому пришлось отводить соединения Западной армии по всему фронту, пытаясь закрепиться на новом рубеже.

Следует отметить, что о роковом влиянии событий 1 мая в районе Сарай-Гир, как одной из первопричин поражений Западной, а затем и других армий, говорили многие видные генералы белых. В произведениях же командования Восточного фронта красных, командующего Южной группой М.В. Фрунзе об этом умалчивается. Очевидно, приятнее было писать о "чистой" победе: прорыве фронта белых, выходе им во фланги и в тыл благодаря собственному военному искусству. Затронутый вопрос требует дальнейшего и специального изучения и анализа. Сказывалась несогласованность действий между Западной и Сибир-

Командующий Южной группой
Восточного фронта М.В. Фрунзе.

Народный комиссар по военным и
морским делам и председатель Революционного совета РСФСР Л.Д. Троцкий (Бронштейн).

Командующий Восточным фронтом, затем главнокомандующий всеми Вооруженными силами РСФСР С.С. Каменев.

Командующий 5-й армией
М.Н. Тухачевский.

НА КОЛЧАКА.

РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ!

Листовка Егорьевско-го уездного комиссариата, призывающая рабочих и крестьян на борьбу с А.В. Колчаком.

Царский адмирал, помещик и помещик всех царских владений, буржуазный помещик и помещик — КОЛЧАК с своими белогвардейскими бандами удерживает перерезать боевыми путями ВОЛГУ и СИНЦИРСКУЮ ДОРОГУ, блокируя важные стратегические пункты: ГИРЬЮ, ГИРЬЮ, ГИРЬЮ и другие важнейшие для промышленности пункты.

Узнав Колчака несет смерть, разбитый, душой стаял, поруган, ст. ар. ре. заставил помещиков, буржуа, парков, канцлеров и все прочие убогих царских строителей.

Горький пролетариат, сознательные трудящиеся крестьяне не подводят своего и себе врага, нечестивых царских сановников.

Революционные рабочие — КОММУНИСТЫ идут на Колчака.

За хлеб, за власть трудящихся, за Красное знамя Рабоче-Крестьянской Революции
В П Е Р Е Д!

Каждый честный советский гражданин Советской Республики, подвизавшийся в борьбе за мобилизацию, обязан все революционные возможности свой силы.

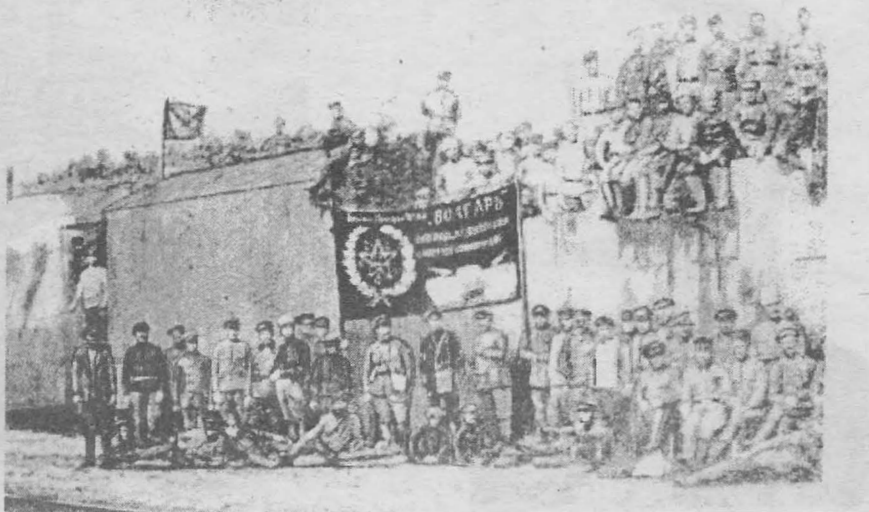
Да здравствует мобилизация!

Да здравствует Рабоче-Крестьянское Правительство!

Да здравствует единение трудящихся всего мира!

За нами победа!

Александр Александрович Колчак
генерал-полковник, командующий войсками
Восточного фронта

Бронепоезд Красных "Волгарь" на Восточном фронте 1919 г.

ской армиями. Начатое позднее новое наступление армии Р. Гайды запоздало и вскоре захлебнулось. И она тоже была вынуждена отступить. Причем спешно, ибо оказалась под угрозой изоляции от Западной армии, удалившейся далеко на восток.

В июле начальник штаба генерал Д.А. Лебедев и сменивший М.В. Ханжина на посту командующего Западной армией генерал К.В. Сахаров запланировали Челябинскую операцию с тем расчетом, чтобы завлечь войска 5-й армии красных далеко на восток, сдать им Челябинск, а затем сильными ударами с севера, юга и востока окружить их и разгромить. План оказался чистойшей авантюрой. Части 5-й армии М.Н. Тухачевского продвинулись вперед, утром 24 июля заняли Челябинск. Сама сдача города белыми не была подготовлена, сопровождалась боями, которые привели их к большим потерям, к дезорганизации в собственных рядах¹⁰².

Войска красных уступали по количеству белым и оказались действительно в сложном положении. Но Лебедев и Сахаров не учли, что в Челябинске и его районе, на железной дороге и промышленных предприятиях существовало многочисленное большевистское подполье, рабочие в массе своей были настроены просоветски. Это обстоятельство и предрешило исход сражения. Под ружье встало и влилось в дивизии 5-й армии не менее 6 тыс. рабочих. Челябинск красным удалось удержать. Попытки белых разгромить их и вернуть город оказались тщетными. В итоге новое тяжелейшее поражение потерпели части Западной армии. Они, разбитые и деморализованные, стали откатываться в Зауралье, к Ишиму и Тоболу. Части 5-й и 3-й армий красных преследовали их. Израсходованными оказались последние стратегические резервы белых.

Проигрыш столь бездарно проведенной Челябинской операции явился предвестником общего поражения армии Колчака. Только снятие большого числа полков и дивизий с Восточного фронта и переброска их советским руководством на Южный и Петроградский фронты и невероятные срочные меры А.В. Колчака, вступившего в должность начальника штаба генерал-майора А.И. Андогского, генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса, назначенного главнокомандующим фронтом*, военного министерства позволили остановить красных**.

На некоторых этапах Тобольского сражения войсками Колчака удавалось достигать и частичного временного успеха. Однако в конце октября сопротивление войск белых было окончательно сломлено***. Это время - конец октября - начало ноября - начало катастрофы и войск, и всего белого дела адмирала Колчака.

* Пост главнокомандующего фронтом, названного "Восточным", был в сущности впервые учрежден в июле 1919 г. М.К. Дитерихс с августа по совместительству, занимал пост и военного министра. Он и ранее принимал участие в руководстве войсками фронта.

** Красные 2-ю армию перебросили на Юг, часть сил была задействована на вновь образованном Туркестанском фронте. На Восточном фронте оставались 3-я и 5-я армии под командованием С.А. Меженинова и М.Н. Тухачевского. (Командующие фронтом М.В. Фрунзе, затем В.А. Ольдерогге). С ноября на фронте оставалась лишь 5-я армия, усиленная двумя дивизиями 3-й. У белых из Северной и Южной групп Сибирской армии были сформированы 1-я и 2-я армии (командующие А.Н. Пепеляев и Н.А. Лохвицкий), Западная реорганизована в 3-ю командующий К.В. Сахаров). Южная армия Г.А. Белова была отсечена и отступала в Туркестан.

*** В Тобольском сражении со стороны красных особо отличилась группа В.К. Блюхера.

13. НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Поражение армии в Тобольском сражении поставило под вопрос само существование белого движения на востоке России, непосредственно возглавляемого А.В. Колчаком. Красная армия находилась у ворот обжитой Колчаком резиденции - Омска. И все же адмирала не покидала надежда не только на возможность удержаться в Сибири, но и на конечный успех борьбы с большевизмом. Главные надежды Колчак возлагал на своего заместителя А.И. Деникина, на его наступление. Ведь летом 1919 г. войска Деникина приблизились к Москве и, казалось, вот-вот победоносно вступят в нее. Но их наступательный порыв был уже исчерпан, и в конце октября - начале ноября они потерпели крупное поражение. Конечно, Колчак и сам предпринимал все меры по спасению положения своего режима и вооруженных сил, однако в успехе этого дела он уже не был уверен. И как раз в это критическое время на него обрушились обстоятельства и несчастья, молва о которых пошла на весь Омск, на всю Сибирь.

Г.К. Гинс записывал: "В начале октября Верховный правитель собирался в дальнюю поездку, в Тобольск..."

Как раз накануне отъезда в доме Верховного был пожар. Нехороший признак. Трудно было представить себе погоду хуже, чем была в этот день. Нескончаемый дождь, отвратительно резкий ветер, невероятная слякоть - и в этом аду огромное зарево, сноп искр, суетливая беготня солдат и пожарных, беспокойная милиция. Это зарево среди пронизывающего холода осенней слякоти казалось зловещим". "Роковой человек", уже говорили кругом про адмирала. За короткий период это был уже второй несчастный случай в его доме. Первый раз произошел разрыв гранат. Огромный столб дыма с камнями и бревнами взлетел на большую высоту и пал. Все стало тихо. Адмирала ждали в это время с фронта, и его поезд приближался уже к Омску. Взрыв произошел вследствие неосторожного обращения с гранатами.

Из дома Верховного правителя вывозили одного за другим окровавленных, обезображенных солдат караула, а во дворе лежало несколько трупов, извлеченных из-под развалин. Во внутреннем дворе продолжал стоять на часах оглушенный часовой. Он стоял, пока его не догадались сменить.

А вокруг дома толпились встревоженные, растерявшиеся обыватели. Как и часовой, они ничего не понимали. Что произошло? Почему? День был ясный, тихий. Откуда же эта кровь, эти изуродованные тела?

Когда адмиралу сообщили о несчастье, он выслушал с видом фаталиста, который уже привык ничему не удивляться, но насупил, немного побледнел. Потом вдруг смущенно спросил: "А лошади мои погибли?" Теперь, во время пожара, адмирал стоял на крыльце, неподвижный и мрачный, и наблюдал за тушением пожара. Только что была отстроена и освящена новая караульня, взамен взорванной постройки, а теперь горел гараж. Что за злой рок!

Кругом уже говорили, что адмирал несет с собой несчастье. Взрыв в ясный день, пожар в ненастье... Похоже было на то, что перст свыше указывал неотвратимую судьбу.

Эти несчастья казались роковыми, знаменами. И если раньше с Колчаком связывали надежду на успех, говорили о его особой, счастливой звезде, то теперь роптали, поносили как приносящего несчастье.

Роковой человек! Не приходила ли ему в голову такая мысль? Тяжелые раздумья одолевали Верховного правителя. В эти октябрьские дни 1919 г. он написал последние письма жене и сыну. Маленькое письмо сыну Славе было похоже на завещание - признак того, что Колчак допускал возможность собственной гибели.

“Я хотел, чтобы и ты пошел бы, когда вырастешь, - писал он, - по тому пути служения Родине, которым я шел всю свою жизнь. Читай военную историю и дела великих людей и учись по ним, как надо поступать, - это единственный путь, чтобы стать полезным слугой Родине. Нет ничего выше Родины и служения Ей.

Господь благословит тебя и сохранит, мой бесконечно дорогой и милый Славушок.

Целую крепко тебя. Твой папа”.

Главный жизненный идеал - служение Родине. Служить Родине так, как он сам. Служить Родине во благо ей. И работал он на эту идею, как только мог. Быть может, лелея идею великой России, он накладывал на полотно несколько больше мазков от той, которая была, которую наблюдал, и несколько меньше от той, которая, при благоприятном развитии событий могла стать? Принял герб: двуглавый орел без корон; вместо скипетра и державы вложил в его лапы мечи (война). Флаг он утвердил бело-сине-красный, российский¹⁰³. Флаг в таком цветовом сочетании бывал в России царской, он являлся государственным после Февральской революции.

А.В. Колчак, раздумывая над причинами военных неудач, винил и генералитет (в частности был полон негодования относительно генерала М.К. Дитерихса и не во всем был прав), и тылы, военное и другие министерства, указывал на некомпетентность, небрежность, даже нечестность чинов и аппарата вообще и здесь был куда более прав.

И в гражданском, и в военном ведомствах, сильно раздувшихся, подвизалось немало временщиков, людей не чистых на руки, спешивших нагреть их на поставках. Крайне вредно на состоянии армии и фронта сказывалась ведомственность, попытка использовать предметы производства местной промышленности, захваченные у красных товары, продовольствие и снаряжение только для своих частей и соединений. Пышным цветом расцвели воровство и коррупция. Это, в частности, в огромных масштабах наблюдалось на железнодорожном транспорте. Сам министр путей сообщения Л.А. Устругов, как свидетельствовал П.В. Вологодский, рассказывал, “не стеснясь”, что ему чуть ли не самому пришлось дать взятку, чтобы скорее пропустили его вагон.

Все больше находилось охотников обвинять в неудачах самого Колчака - неслучайно в дневниковых записях людей из его окружения тон, отзывы о нем заметно менялись. Да он и сам в дни успехов и неудач вел себя отнюдь не однозначно. Контрастней проявлялся сложный его характер именно в этот период неудач. Надвинувшуюся, как удавка, беду он переживал исключительно тяжело.

Все близко знавшие А.В. Колчака в бытность его Верховным правителем отмечали - кто с пониманием и сочувствием, кто с неприязнью - его раздражительность, частые вспышки гнева, выражавшиеся нередко и в крике, и в расшвыривании предметов. Но практически все указывали в то же время и на его быструю отходчивость. Судя по записям М. Жанена, такие вспышки некоторым казались чуть ли даже не наигранными - именно из-за этих внезапных переходов. Но сам-то Колчак тяготился этими вспышками, которые вели к физическим,

эмоциональным издержкам. Конечно же, теперь он находился в состоянии нервного истощения. Но до лечения ли было?

Источником приступов гнева служили чаще всего его конфликты с подчиненными, не справлявшимися в действительности или с его точки зрения с порученным делом. Раздражительность, вероятно, была связана с неудовлетворенностью и собственными шагами, невозможностью в той или иной ситуации принять правильное решение или сделать выбор в пользу какого-либо одного из советников. Барон А.П. Будберг все это наблюдал и в дневнике подмечал: “Жалко адмирала, когда ему приходится докладывать тяжелую и грозную правду: он то вспышивает негодованием, гремит и требует действия, то как-то сереет и тухнет”.

Да, Колчак бывал вспыльчивым и жестким. Но по натуре своей он был человеком мягким, проявлял к людям внимание, чуткость. И в любом случае - не важничал, был при всей сложности характера простым. Мемуаристы приводят немало случаев, когда Колчак выражал искреннее возмущение тогда, когда ему славословили, давали особо возвышающие оценки. Говоря о контрастностях характера Колчака, следует отметить, что лично он не был, как считалось до выдвижения его в Верховные, волевым, непреклонным, твердым, “железным” (эта оценка его - несомненно ошибочна). В этом смысле для диктатора военной поры, на мой взгляд, он не совсем подходил.

Бытует мнение, и небезосновательное, что политика - грязная сфера деятельности. Это вообще. А тут - военный диктатор! Колчаку трудно было справиться с этой ролью даже в силу своей глубокой человеческой порядочности. Может быть, это и не так, но моя авторская интуиция, как историка, подсказывает такое заключение.

И вот еще противоречивые оценки: Колчак - очень деятельный, рвущийся в жизнь, к массе, зовущий ее и идущий сам на подвиг, но и - Колчак замкнутый, книжный, кабинетный человек. То и другое ему было присуще; видимо, в большой мере второе, особенно на завершающем этапе пути. Г.К. Гинс, пожалуй, дольше, чем кто-либо, сотрудничавший, бывавший рядом с ним постоянно - в Омске и в поездках, писал: “Адмирал был человеком кабинетным, замкнутым. Проводить время за книгой было его любимым занятием. Очень часто он становился угрюмым, неразговорчивым, а когда говорил, то терял равновесие духа, обнаруживал крайнюю запальчивость и отсутствие душевного равновесия. Но легко привязывался к людям, которые были постоянно возле него, и говорил с ними охотно и откровенно. Умный, образованный человек, он блистал в душевных беседах остроумием и разнообразными знаниями и мог, несколько не стремясь к тому, очаровать своего собеседника”. Емкая и разносторонняя характеристика! Те, кто плохо знал или представлял ту служебно жизненную среду, в которой приходилось находиться и действовать Колчаку, с ее интригами, сменой обстоятельств, не понимали и не принимали его нескрываемой раздражительности. Были доброжелатели, были и недоброжелатели. Последних к осени 1919 г. стало много, даже слишком много.

Как бы недоброжелатели не бранили Колчака за его действительные и мнимые промахи, но в любом случае они вынуждены были признать такие его человеческие качества, как честность, бескорыстие, искренность. Будучи Верховным правителем России, он не считал возможным установить себе какой-то особый оклад, резко отличающийся от министерского. Жил Колчак по-прежнему скромно. В этом плане любопытны его письма жившей в Париже жене. Она требовала больших средств, чем он переводил ей. При этом свое требова-

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий сухопутными и морскими силами России адмирал А.В. Колчак.

ние она мотивировала тем, что у нее теперь какое-то особое положение, нужны средства на представительство. Колчак писал жене, что за рамки оклада он выйти не может. Он внушал Софье Федоровне, что является по существу Верховным главнокомандующим войсками, и это положение занимает временно. Может быть, излишества допускались при поездках на фронт, в другие города, сопровождаемые почетными караулами и прочими внешними проявлениями внимания? Может быть. Но особой помпезности и тут не было. А знаки внимания к носителю Верховной власти, Верховному главнокомандующему были необходимы из престижных соображений, для укрепления самих войск, их дисциплины.

Было ли проявление каких-либо человеческих слабостей у Колчака? Конечно. К ним с достаточным основанием можно отнести его привязанность к спиртному. Что же касается утверждений о применении им наркотиков, то никаких свидетельств такого его пристрастия не встречается ни у кого из хорошо знавших Колчака.

Была ли в Омске внеслужебная жизнь у Колчака, работавшего, по сведениям, иногда по 20 часов в сутки? Свидетельства об этом крайне скудны. Были встречи с А.В. Тимиревой*. Встречи-беседы с русскими или иностранными представителями трудно подразделить на официальное и неофициальное. В свободные часы он читал то художественную, то необходимую для работы литературу. Между прочим, Колчака видели читающим "Протоколы сионских мудрецов"¹⁰⁴. Видимо, это не случайно. Его волновал вопрос о том, случайно ли в социалистических партиях, в том числе у большевиков, так много евреев, и особенно в составе лидеров. Называть же его антисемитом, думаю, нет оснований. Нам известны документы, письма к Колчаку с требованиями предпринять какие-то акции против евреев. Он на них не реагировал. А когда стал известен факт о попытке одного офицера выселить евреев из Кустаная, он решительно пресек этот акт. Офицер был наказан.

Какую-то часть свободного времени А.В. Колчак проводил, видимо, и вне кабинета, и вне дома. В письме к жене** он отмечал, что "зачастую не имеет в течение дня 1/2 часа свободных от работы" и что "все развлечения сводятся к довольно редким поездкам верхом за город, да к стрельбе из ружей". Он с видимым удовольствием сообщал, что имеет верховых лошадей, что А. Нокс подарил ему канадскую лошадь. Надо полагать, лошадь оказалась отличной и прогулки на ней доставляли ему удовольствие. Известны случаи посещения Колчаком театральных представлений. Музыка он любил и понимал. Его любимым романсом был "Гори, гори, моя звезда...". И все же личная жизнь, свободное времяпровождение были в эту пору у Александра Васильевича очень сжаты служебными делами до крайнего предела...

* В последнее время они бывали и на людях, даже в ресторане в компании с друзьями, в частности, вдовой генерала А.Н. Гришина-Алмазова - Ольгой, сблизившейся с Тимиревой.

** Об эмиграции жены с сыном во Францию и их адрес Колчак узнал из телеграммы от министра иностранных дел этой страны от 25 февраля 1919 г., адресованной своему послу в Омске, но предназначенной Верховному правителю. Он сразу же перечислил Софье Федоровне крупную сумму денег, делал переводы и позднее, но непременно в счет своего оклада.

А.В. Книпер (Тимирева)
в период тюрем и ссылок.

А.В. Тимирева-Книпер. Фото 1969 г.

14. КАТАСТРОФА И ЕЕ ПРИЧИНЫ

Враг был у ворот Омска. Угроза белому делу в Сибири была смертельной. Все внимание А.В. Колчака поглотили выработка плана дальнейших действий и воплощение его в жизнь. В начале мыслилось закрепиться под Омском, дать красным сражение. Многие, включая М.К. Дитерихса, считали, что нужно сохранить армию, начать эвакуацию и отвод войск с боями в глубь Сибири. Вновь назначенный главнокомандующий фронтом генерал К.В. Сахаров ратовал за активные действия. Это, собственно, и предопределило его назначение. Выбор Колчака был крайне неудачным. Самоуверенный генерал не имел данных и для командования армейским соединением. Сахаров не сумел организовать ни оборонительного рубежа, защиты столицы Верховного правителя и его правительства, ни своевременного продуманного отступления. В результате неоправдавшейся надежды отстоять Омск, вновь остановить красных, колчаковцы с эвакуацией крайне запоздали. Только 10 ноября эвакуируется правительство. Новой резиденцией Верховного правителя и его правительства был намечен Иркутск. Сам же А.В. Колчак с отъездом медлил. Более того, он принял решение отходить вместе с войсками и дожидался их подхода, полагая, что присутствие военного вождя при действующей армии пойдет ей на пользу, а значит, и всему делу.

Одной из определяющих причин такого решения было стремление Колчака предотвратить захват кем-либо (чехословаками, союзниками или партизанами) золотого запаса. Предложение генерала М. Жанена передать золотой запас охрану войск западных союзников Колчак решительно отверг, заявив, что пусть лучше он достанется большевикам, но останется в России, чем будет увезен за границу. И на самом деле; Жанен был всего лишь генерал в своей стране, и обеспечить полную гарантию сохранности ценностей он и при желании был не в состоянии. Все ценности были погружены тайно, ночами, в специальный эшелон с госпитальными знаками Красного Креста, и его охрана ждала часа отправления. Среди специальных грузов был и вагон с собранными вещами царской семьи и вещественными уликами об их преднамеренном убийстве. По поручению Колчака генерал Дитерихс доставил эти вещи во Владивосток, а там их погрузили на английский крейсер "Кент".

В эти дни А.В. Колчак лихорадочно размышляет над государственно-политическими мерами, которые бы позволили смягчить недовольство его политикой слева, сбить накал революционного движения, найти поддержку у эсеров и меньшевиков. Именно в это время и в составе правительства, и особенно вне его, выдвигались требования созвать, не дожидаясь Учредительного собрания, представительное учреждение, демократизирующее существующий режим, вызывающее доверие как можно больших слоев населения, в том числе его низов. Резко славировал влево лидер кадетов В.Н. Пепеляев, задававший тон в правительстве. Колчак пошел навстречу этому течению и уже в пути следования поезда 16 ноября издал указ о выборах до 1 января 1920 г. "Государственного земского совещания". В начале предполагалось наделить этот орган парламентского типа ограниченными функциями, несколько позднее было решено придать ему законодательные права. Но указ запоздал. Будь он издан и реализован ранее, положительный результат и в чрезвычайной военной обстановке мог бы быть.

Колчак предпринял шаги и по реорганизации правительственного и собственного аппарата власти. 22 ноября председателем Совета министров он назначил В.Н. Пепеляева. Состав Совета министров претерпел изменения. В частности, военным министром стал генерал от артиллерии М.В. Ханжин. Накануне,

21 ноября, Колчак организовал Верховное совещание при Верховном правительстве. Главной задачей нового органа была координация действий фронта и тыла. Но эта крупная реорганизация управления оказалась тоже и запоздалой, и неэффективной (поскольку в состав Верховного совещания включались некоторые министры, требовалось присутствие их или их заместителей, и правительство как бы раздваивалось, что не сулило его консолидации и улучшения работы вообще). Надежды на чисто военный успех тоже оказались призрачными.

А.В. Колчак выехал из Омска 12 ноября, за два дня до его падения. Его поезда были обозначены буквами А, В, С, Д, Е. Помимо них шел еще блиндированный поезд. Сам Верховный правитель ехал в поезде В; в А, С, Д, Е находились его генштаб, канцелярия и охрана. Обстановка в пути следования была крайне напряженной. Предугадать, что она окажется именно такой, было невозможно.

До последнего момента не начинали эвакуацию и чехословаки, занимавшие под личный состав и огромное количество разного имущества массу эшелонов на пространстве в тысячи километров от Омска до Иркутска.

Примерно в 20 тысячах вагонов (по одному на двух чехословаков) с соответствующим количеством паровозов находилось и военное имущество корпуса, и великое множество ценностей, награбленных или приобретенных путем спекуляций и прочих нечистых методов. Это было золото, серебро (многие тонны), деньги, машины, оборудование предприятий, ценное сырье, включая цветные металлы, сахар и прочее. Везли все: граммофоны, швейные машины, предметы женских украшений, породистых лошадей, экипажи, даже собрание книг Пермского университета.

Увезено было богатств на сотни миллионов золотых рублей*.

Тлевший длительное время конфликт между правительством Колчака, командованием его армии и чехословацким политическим и военным руководством, за спиной которого стояли М. Жанен, союзники, вылился в серьезнейшее враждебное столкновение. Оно послужило одной из главных причин последовавшей трагической развязки. Жанен, оправдываясь, потом заявит, что не мог же он пожертвовать чехословацким войском ради одного Колчака. Жертвой во многом оказались и войска Колчака, и огромная масса беженцев, спасавшихся от красных...

Да, чехословаки оказались в двусмысленном и трудном положении. Фронт они покинули давно, еще до Нового года. Но волею союзных правительств их удерживали в России. На фронт вернуть их так и не смогли, а использовали лишь при охране железной дороги, где они, кстати сказать, и "оперились" так основательно - завладели подвижным составом. В условиях поражений армии Колчака и быстрого продвижения Красной армии перед ними было два выбора: либо выступить на стороне белых, либо пойти на компромисс с красными и повстанцами с целью самосохранения и последующей эвакуации на родину. Руководством корпуса было принято решение в пользу компромисса с красными.

На железнодорожной магистрали чехословаки, по-прежнему сохранявшие отобилизованное, боевое состояние, представляли большую силу. Национальный совет при корпусе предпринимает демонстративные шаги к отмежеванию от правительства А.В. Колчака и его самого. 13 ноября советом был принят и

* В Праге потом легионеры корпуса открыли крупнейший банк - легиобанк. Деньги пускались в дело, часть доходов шла на безбедную жизнь офицеров и солдат, находившихся прежде в России¹⁰⁵.

опубликован меморандум, в котором говорилось о “невыносимом состоянии” корпуса, необходимости “свободного возвращения на родину”, делались выпады в адрес русских военных органов, обвинения в “произволе”, “беззаконии” и пр.

Разгневанный А.В. Колчак потребовал прекращения сношений с подписавшими меморандум Б. Павлу и В. Гирсой. Однако чехословацкие лидеры своей позиции не изменили. Когда поезда Верховного правителя продвинулись в район Новониколаевска, уперлись в эшелоны чехословаков и Колчак потребовал его пропустить, то получил отказ. И ничего не смог поделать, простоял в Новониколаевске до 4 декабря. А.В. Колчак принял решение, оставив войска, быстрее проследовать в Иркутск, к правительству. Но это решение реализовать не удалось. Верховный правитель фактически превратился в заложника чехословаков, будучи оторванным и от правительства, и от армии.

Армия продолжала терпеть поражения, и уже не столько от красноармейских частей, сколько от повстанцев и партизан. Восстания возникали одно за другим, и в них вовлекались распропагандированные большевиками и левыми социалистическими группами деморализованные солдаты погибающей армии. Крупнейшие удары по армии Колчака были нанесены в районе Новониколаевска и в Красноярске, после чего она по существу распалась. Жалкие ее остатки, не имея возможности отступать по железной дороге, занятой чехословаками, двинулись к Иркутску в лютые зимние морозы по бездорожью. Это было уже не войско. Казалось, солдаты и офицеры обезумели от обморожений, тифа, недоедания, голода, безысходности, превратятся в неуправляемое стадо. Но после замены К.В. Сахарова (был арестован братьями В.Н. и А.Н. Пепеляевыми¹⁰⁶, и Колчак согласился на его смещение) на посту главнокомандующего в начале декабря 1919 г. В.О. Каппелем положение в войсках изменилось. Этот 36-летний генерал-лейтенант, отличавшийся многократно, но не выделенный особо, долгое время остававшийся командиром корпуса, проявил себя блестяще. Он смог в тяжчайших условиях сплотить разлагающиеся войска, (2-й и 3-й армий, командующие С.Н. Войцеховский и К.В. Сахаров; остатки 1-й из состава фронта вышли) подчинить их своей воле и вывести их к Иркутску, обойдя уже потерянный Красноярск. Потом эти войска прорвались на восток, где еще долго оказывали сопротивление большевикам. Сам В.О. Каппель во время похода заболел и умер 26 января на разъезде Утай, близ Иркутска*. Его дело завершил генерал-лейтенант С.Н. Войцеховский.

В Нижнеудинске, за Красноярском, поезда Верховного правителя (уже только два - его собственный и с золотом) 27 декабря на две недели были задержаны чехами. Здесь Колчака догнал со своим вагоном председатель Совета министров В.Н. Пепеляев. Под видом охраны от нападения чехословаки фактически взяли поезда Верховного под контроль, а его под негласный арест. Колчаку была вручена телеграмма генерала М. Жанена с требованием оставаться на месте до выяснения обстановки. А обстановка оказалась более, чем сложная и запутанная.

21 декабря вспыхнуло восстание в Черемхово, на пути к Иркутску, а спустя 3 дня - и в предместье самого этого города - Глазкове. В самом Иркутске к восстанию готовились как большевики, так и эсеры и меньшевики.

* Колчак намеревался присвоить Каппелю звание полного генерала - генерала от инфантерии, но не успел.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий сухопутными и морскими силами России адмирал А.В. Колчак.

Верховный правитель и главнокомандующий сухопутными и морскими силами России адмирал А.В. Колчак.

Во время смотра войск, летом 1919 г. сидит адмирал А.В. Колчак, позади него (стоит) заместитель главнокомандующего союзными войсками английскими войсками английский генерал А.В. Фон Нокс, стоят офицеры английской военной миссии.

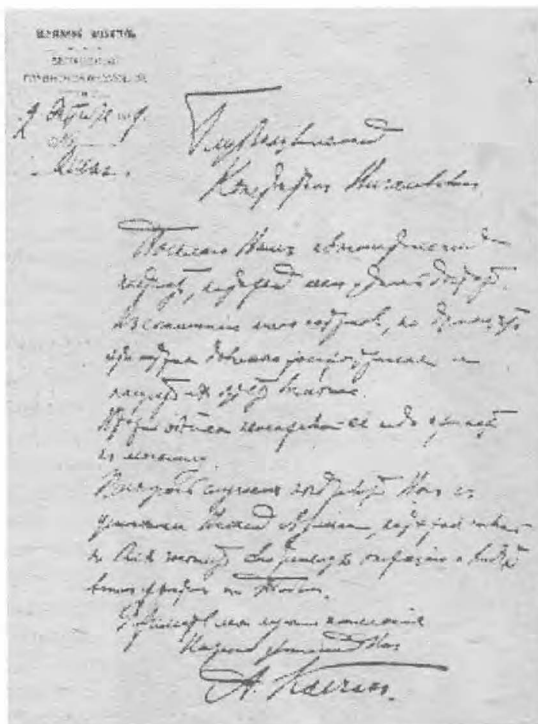
Верховный правитель и Верховный главнокомандующий сухопутными и морскими силами России адмирал А.В. Колчак на встрече с войсками во время поездки на фронт в октябре 1919 г.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий сухопутными и морскими силами России адмирал А.В. Колчак вручает воинской части знамя.

Во главе первых стояли Сибирский областной и Иркутский губернский подпольные комитеты РКП(б) и Революционный военный штаб, а во главе вторых - Политический центр, сформированный 12 ноября в Иркутске из представителей Всесибирского краевого комитета партии эсеров, Бюро сибирских организаций РСДРП (меньшевиков) и др. Политцентр, председателем которого был член Учредительного собрания эсер Ф.Ф. Федорович, ставил целью свержение власти Колчака, недопущение победы коммунистов и создание в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке "буферного" демократического государства. Союзники, их миссии в Сибири, в сущности, переориентировались, отвернулись от Колчака и возлагали надежды уже на соцпартии, Политцентр. Коммунисты, имея контакты с Политцентром, позволили ему проявить инициативу и начать восстание. Начатое 24 декабря

Записка Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака командующему 3-й армией генерал-лейтенанту К.В. Сахарову.

солдатами в Глазкове, оно 27 декабря распространилось на город. 5 января 1920 г. была провозглашена власть Политцентра. Его члены преувеличивали свои возможности удержания власти. Коммунисты выжидали благоприятного момента с тем, чтобы устранить Политцентр и перехватить власть.

Предпринятые А.В. Колчаком и членами его правительства усилия по привлечению семеновцев и японцев для подавления побеждавшего в Иркутске восстания успеха не имели. Части Семенова так и не смогли прорваться в город. В это время шли большие "игры", в которых были задействованы и Совет министров Колчака, и чехословацкое руководство, и генерал Жанен, координировавший все дело, и Политцентр, и большевистское руководство с его организациями на пути от Нижнеудинска к Иркутску. Коммунисты требовали от чехословаков выдачи им Колчака, Пепеляева и золотого запаса взамен предоставления возможности ухода корпуса из Сибири. Потом и Политцентр солидаризировался с этим требованием.

Тем временем шли переговоры между Жаненом, Политцентром и Советом министров о сдаче последней власти Политцентру. Безвластное уже правительство, в котором при отсутствии его главы и заместителя С.Н. Третьякова¹⁰⁷ председательствовал кадет А.А. Червен-Водали¹⁰⁸, затягивало переговоры, обговаривая некоторые условия, в частности, пропуск войск на восток. Правительство надеялось на успех семеновцев и активную поддержку японцев. Но после неудачи семеновских частей оно фактически власть сдало. 3 января 1920 г. Совет министров посылает Колчаку в Нижнеудинск телеграмму с требованием об отречении от власти, передачи ее, как Верховному правителю, А.И. Деникину. А.В. Колчак в безысходном положении это требование выполнил, издав 4 января

Командующий 1-й армией генерал-лейтенант А.Н. Пепеляев.

1920 г. свой последний указ¹⁰⁹. Вместе с тем он предоставил “всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной окраины” атаману Г.М. Семенову.

А.В. Колчак отдавал себе отчет, что он в ближайшее время может погибнуть и, следовательно, не сможет продолжить борьбу за освобождение России от деспотии коммунистов. Мозг его сдавливала мысль, что, может быть, следует разделить судьбу гибнущего белого дела в Сибири, уйти из жизни. “За все надо платить”, - говаривал он не раз. Но правильно ли это будет, и погибло ли дело? Он и его помощники обдумывали вопрос о спасении, уходе с охраной в Монголию. После того, как выяснилось, что солдаты конвоя перешли на сторону руководимых большевиками нижеудинских рабочих, а офицеры высказались за то, чтобы скрываться по одиночке, Колчак понял, что он предан и практически спасения нет. Теплилась слабая надежда на представительства союзников, генерала Жанена. Но он интуитивно, по поведению чехословаков, чувствовал, что предан или будет предан и ими.

Сколь бы А.В. Колчак ни был мужественным, а он был именно таким, он тяжело переживал все происшедшее. М. Жанен, наблюдая состояние А.В. Колчака еще в период эвакуации, отмечал: “Колчак похудел, подурнел, выглядит угрюмо, и весь он, как кажется, находится в состоянии крайнего нервного напряжения. Он спазматически прерывает речь. Слегка вытянув шею, откидывает голову назад и в таком положении застывает, закрыв глаза”. Но такие проявления наблюдались, видимо, все же в минуты крайнего нервного напряжения, слабости. В общем же он проявлял завидную в его положении выдержку. Но близкие люди, ехавшая с полдороги с ним А.В. Тимирева (он ее, больную испанкой, перевел из вагона эшелона с золотым запасом к себе) не могли не заметить огромную в нем перемену. Он враз поседел и сильно осунулся. И все же какая-то слабая надежда на спасение, личную безопасность в нем еще теплилась. Он мало верил союзникам, но решил все-таки положиться на них. В Нижнеудинске Александру Васильевичу было заявлено, что он взят под международную охрану. Личная охрана его (остатки конвоя) была удалена и заменена чехословацкой. На деле же новая охрана его уже не “охраняла”, а “стерегла”. Ему, как и Пепеляеву, был предоставлен только один вагон. (2-го класса). Оба вагона были расцвечены союзными флагами. “Золотой эшелон” еще 3 января был передан под чешскую охрану. Вагоны Колчака и Пепеляева прицепили к эшелону одного из чехословацких полков и отправили на Иркутск. В Черемхове, где фактическая власть уже тогда находилась у коммунистов, по их настоянию, в вагон села и их параллельная “охрана” из 8 вооруженных рабочих во главе с командиром партизанского отряда В.И. Бутовым. Круг замыкался.

Эшелон прибыл в Иркутск днем 15 января. Колчак и его сподвижники, офицеры, которых в вагон набилось очень много, с тревогой рассуждали о том,

Главкомандующий Восточным фронтом, руководитель "Ледяного похода" генерал-лейтенант В.О. Каппель.

Команда участников "Ледяного похода" (отступление войск В.О. Каппеля зимой 1919-1920 г.)

Председатель подпольного Сибирского бюро ЦК РКП(б), Иркутского губернского ревкома А.А. Ширямов.

куда и под чьей охраной их повезут далее: в Харбин или во Владивосток? А дороги дальше Иркутска вагонам Колчака и Пепеляева уже не было. Все заведомо и определенно было решено. Не известить Колчака, не сделать ему через кого-то даже намек на то, что союзники не помышляют о его спасении, - это и есть не что иное, как акт предательства. Что бы потом не говорил Жанен, а совершенно было именно предательство. Знай о предрешенности вопроса о выдаче его повстанцам, Колчак сам предпринял бы более действенные шаги к организации освобождения и побега.

Итак, вагоны стояли в Иркутске. Поздно вечером, около 9 часов, А.В. Колчаку и В.Н. Пепеляеву объявили, что они арестованы Политцентром. Конвой во главе с заместителем командующего войсками Политцентра капитаном А.Г. Нестеровым сопровождал Колчака, Пепеляева, некоторых офицеров в губернскую тюрьму. Колчака поместили в камеру № 5. Она оказалась его последним пристанищем на этом свете. Камера холодная. Хотя

Анна Васильевна незадолго до отъезда из Омска утеплита ему шинель, но все равно было холодно. Он был простужен. Общие условия содержания адмирала были пакостными...

21 января Политцентр вынужден был передать власть коммунистам, созданному ими Военно-революционному комитету во главе с А.А. Ширямовым.

Еще до ареста А.В. Колчака, 7 января, Политцентром была создана Чрезвычайная следственная комиссия под председательством меньшевика К.А. Попова, которого затем ревком заменил большевиком, председателем Иркутской губчека С.Г. Чудновским. Следственная комиссия готовилась к обстоятельному допросу А.В. Колчака и приступила к нему 21 января. Последний допрос состоялся 6 февраля, когда вопрос о расстреле был уже решен. По поведению допрашиваемых, общей обстановке Колчак чувствовал, что будет расстрелян. Ведь он давно уже ленинским руководством был объявлен вне закона. Однако Александр Васильевич надеялся, что все же будут соблюдены формальности: будет суд и казнь состоится по его приговору.

Для А.В. Колчака допрос имел особое значение. Он давал показания охотно, стремясь оставить для истории, потомства и собственные биографические данные, и сведения о тех крупнейших событиях, в которых ему довелось непосредственно участвовать. Но вот начавшийся без особой торопливости, по определенному плану ход допроса был свергнут. С участием С.Г. Чудновского он

вылился не в вопросительную, а чисто обвинительную форму с прерыванием обвиняемого на полуслове. Следствие уже не интересовало свидетельства виднейшего сына России об эпохе, ибо поступил приказ о его немедленном расстреле.

Долго, даже в зарубежной исторической и мемуарной литературе, считалось, что решение о расстреле А.В. Колчака было вынужденным и принято на месте - иркутскими коммунистическими руководителями. Эта версия шла от мемуаристов, организовавших и производивших казнь. Для культивирования этой версии было использовано такое основание: приближение отступающих войск белых к Иркутску и предъявление их командующим С.Н. Войцеховским ряда требований, в том числе - об освобождении и передаче А.В. Колчака представителям союзников для отправки за рубеж. Такое действительно поступило. Колчак узнал о нем от Тимиревой. Анна Васильевна, беспредельно любящая Александра Васильевича и преданная ему, добровольно дала себя арестовать, чтоб разделить судьбу дорогого человека, быть близ него. В тюрьме они пытались обмениваться через солдат охраны записками. Иногда это удавалось. Узнав о приближении к Иркутску каппелевцев, их требовании, Тимирева переслала Колчаку записку с сообщением об этом. Он ее получил. И ответил, заметив, что из ультиматума Войцеховского "скорее... ничего не выйдет или же будет ускорение неизбежного конца".

Каппелевцы, их командование, находясь в отчаянном положении, в сущности, скорее всего, блефовали. Они вряд ли имели реальные шансы штурмом захватить Иркутск, тем более потом вырваться из него. В их рядах насчитывалось не более 6-7 тыс. человек, многие из которых были больны¹⁰. Силы же красных повстанцев в это время в самом Иркутске были примерно такими же, а в его районе в целом - много больше. К концу января повстанческо-партизанские отряды, сведенные в Восточно-Сибирскую советскую армию, насчитывали до 16 тыс. бойцов. К тому же чехословаки уже всю "подыгрывали" красным. По пятам белых устремились части 5-й армии красных. Игра генерала С.Н. Войцеховского была проигрышной. На штурм Иркутска он так и не решился и через Глазково, занятое чехословаками, ринулся к Байкалу. Ни командование 5-й армии, ни Иркутский ревком, ни подчинявшееся ему командование повстанцев всерьез ультиматум не восприняли. Ультиматум их не испугал. Напротив, командующий повстанческой армией Д.Е. Зверев требовал от С.Н. Войцеховского сдачи оружия и пр. Реальных шансов на освобождение Колчака у каппелевцев не было.

Председатель Чрезвычайной следственной комиссии по делу А.В. Колчака на начальном этапе допросов К.А. Попов.

Части 30-й стрелковой дивизии 5-й армии 7 марта 1920 г. вступают в г. Иркутск через триумфальную арку, построенную из льда.

Как уже отмечалось в историографическом разделе биографии, Колчак физически был уничтожен по заблаговременно поступившему в РВС 5-й армии (теперь известному нам) зашифрованному личному указанию В.И. Ленина. Автором установлено, что телеграмма была послана в конце января. В подходящий момент, позволивший сослаться на опасность освобождения А.В. Колчака, председатель Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнов дал прямой приказ о его расстреле. И этот документ стал известен недавно. Из документов ясно, что все мемуарные и прочие писания, будто Иркутский ревком решал вопрос о расстреле по существу, долго его обсуждал и прочее (тем более, что памятовал о будто бы существующем указании Ленина сохранить жизнь Колчаку во что бы то ни стало и опасался за возможное наказание) - пустые домыслы, рассусоливание, попытка спрятать концы в воду¹¹¹.

В морозную, тихую ночь с 6 на 7 февраля 1920 г. А.В. Колчака, а также В.Н. Пепеляева расстреляли под руководством председателя губчека С.Г. Чудновского, комендантов гарнизона и тюрьмы И.Н. Бурсака (Б. Блатлиндера) и В.И. Ишаева* - вывели за город, на берег реки Ушаковки при ее впадении в Ангару.

По рассказам участников расстрела, Колчак во все дни и в крестном пути на голгофу был мужественен и внешне поразительно спокоен. А внутренне, душевно? К дню казни он, 46-летний, был уже совершенно седым.

В 5 часов утра 7 февраля 1920 г. большевистский залп скопил Александра Васильевича Колчака, бывшего Верховного правителя России, ее прославленного адмирала и великого патриота, так радевшего за ее честь и величие. Не в земле суждено было найти покой его телу. Ангара - водная бездна приняла его.

* По некоторым данным, при казни присутствовал и М.Н. Ербанов - член Иркутского губкома РКП(б).

Председатель Иркутской губернской Чрезвычайной комиссии, председатель Чрезвычайной комиссии, непосредственный руководитель расстрела А.В. Колчака С.Г. Чудновский.

Комендант и начальник гарнизона г. Иркутска, участник расстрела А.В. Колчака И.Н. Бурсак (Б. Блатлиндер).

Комендант Иркутской губернской тюрьмы, участник расстрела А.В. Колчака В.И. Ишаев.

В чем причина трагедии А.В. Колчака, его белого дела на Урале и в Сибири, т.е. поражения от режима, созданного и руководимого коммунистической партией?

В данном биографическом очерке я вовсе не преследовал цели исчерпывающе ответить на этот вопрос. И содержанием очерка, и представленными документами и материалами я стремлюсь познакомить читателя прежде всего с жизнью и деятельностью А.В. Колчака. Однако все же хочу высказать еще и такие соображения общего характера.

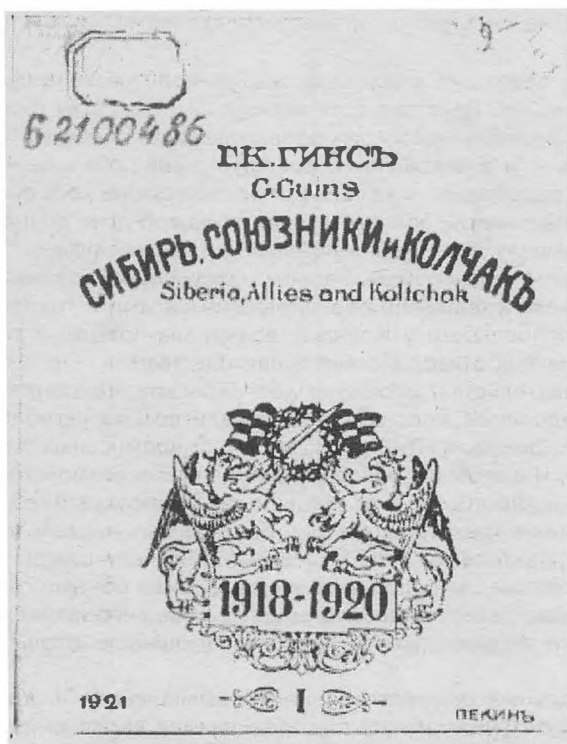
Прежде всего замечу, что трагедия Колчака есть составная часть такой участи всего белого движения. А оно потерпело поражение всюду. Попытаться рассматривать причины поражения Колчака локализованно, вне общей обстановки в стране, на всех фронтах, без сопоставления политики, вооруженных сил белых и красных вряд ли продуктивно. Часто отмечают: Колчак - выдающийся военный, но моряк, и взялся как бы не за "свое" дело - руководство действиями сухопутных вооруженных сил. Это так и не так. Во-первых, он осуществлял общее руководство военными действиями, а непосредственное - общевойсковыми, его Ставка, Главный штаб, командующие фронтом и соединениями. Во-вторых, в других регионах страны, в частности на юге России, во главе белого движения стоял один из опытейших генералов А.И. Деникин, а результат получился тот же. При этом следует учесть, что в лагере Деникина собрался цвет генералитета, кадрового офицерства и политических сил России, чего не было у Колчака. И тем не менее результат один. Так что дело не только и не столько в военной профессии Колчака.

Представляется, что победа белых собственными силами лежала почти за пределами возможного. Стихия разрушительной волны в России оказалась столь мощной, особенно с момента, когда ею в определяющей мере умело овладели большевики, что с Октября, с 1918 г., выдерживать ее, тем более сокрушить было крайне трудно. Антибольшевики долго и упорно внушали себе мысль, что советская власть - это случайное, протivoестественное и, значит, - кратковременное явление. Они не понимали всей силы опасности большевизма и безмерно запоздали с развертыванием масштабной вооруженной борьбы, да и принятием других радикальных мер.

Ожидание низами общества (в составе которых большую, все увеличивавшуюся толщу составляли люмпенизированные, маргинальные элементы) избавления от тягот войны, социальных бедствий, стали благодатной почвой для распространения, а с Октября - вколачивания всеми средствами пропаганды и агитации на государственном уровне захватно-распределительных и разрушительных коммунистических идей. Обещание скорого светлого будущего воспринималось вполне достижимым. Надежда на чудо овладевала десятками миллионов. На зараженные утопической идеей слои населения легче ложились и идеи сословно-классовой нетерпимости, беспредела насилия. Нетерпимость, и все большую, к большевикам, их сторонникам, раздражительность по поводу поведения низов общества проявляли и противники советской власти. Здравого смысла лишались обе борющиеся стороны, следствием чего рождалась в невероятных масштабах и проявлениях жестокость, красный и белый террор.

Большевистские лозунги - "Бей кровопийц-помещиков, буржуев, мироедоу-кулаков, интеллигентов - пособников эксплуататоров, попов - подпевал богатых" - толкали на насилие, становились двигательной силой на фронте и в тылу.

Одной из масштабных ошибок Колчака была попытка поставить армию вне политики, вплоть до законодательного запрещения участвовать в политической деятельности офицеров и солдат. И это в условиях гражданской войны, громадной ставки коммунистов на поголовную идеологизацию сознания красноармей-

Обложка первого тома издания дневниковых записей и воспоминаний о Верховном правителе России адмирале А.В. Колчаке "Сибирь, союзники и Колчак" главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета Министров Г.К. Гинса.

Бывшие члены Временного Всероссийского правительства А.В. Колчака, арестованные в Иркутске и препровожденные для предания советскому суду в г. Омске.

ца, на “окомиссаривание” частей и соединений армии. И на аполитичное “вакуумное” сознание солдат Колчака сильнее действовала агитация коммунистов-подпольщиков.

Коммунистическая партия, советские и военные, военно-политические органы власти составляли собой монолит. Действия всех звеньев системы, всех фронтов жесточайшим образом контролировались и координировались. Белое движение по целому ряду параметров уступало красному. Все крупнейшие очаги белого движения географически были разобщены и не только практически не координировали своих операций, но и действовали сплошь и рядом в ущерб друг другу. О громадной ущербности общему делу достижения победы над большевиками, пестрой партийной и политической междоусобицы, борьбы между социалистическими, либерально-демократическими и правыми, реакционными силами и говорить не приходится. А местами, в особенности у Колчака, возникала проблема типа “семеновщины”, противостояния и противодействия правительствам.

Все белогвардейские правительства, особенно колчаковское, сохраняя на знаменах лозунг “Единая и неделимая Россия”, действовали весьма негибко в области межнациональных отношений, почти не находили компромиссных, хотя бы кратковременных, решений. И в этом направлении лишали себя возможности расширять антибольшевистский фронт за счет национально-демократических движений. Пропаганда и действия правительства Ленина были во многом диаметрально противоположными, тактически куда более гибкими. Если вожди белого движения в ответ на требования самоопределения, автономии обычно говорили нет, то большевистское правительство давало щедрые обещания, заявляло о признании самостоятельности государств, при первой возможности столь же легко их нарушая.

Сосредоточение в центральных районах военной промышленности, которой располагали советы, и отсутствие или только отдельные ее вкрапления на окраинах, где действовали белые, создавали дисбаланс сил. Он не был преодолен и поставками белым оружия, боеприпасов и снаряжения из стран, союзных России. Вмешательство в дела России иностранных государств для оказания помощи белому движению в борьбе с Красной армией оказалось малополезным. Конкуренция между самими интервентами, особенно на Дальнем Востоке и в Сибири, борьба их за влияние на правительства белых лишь ослабляли общий фронт антибольшевизма.

Красная армия в разгар гражданской войны имела гораздо большую численность, чем все белогвардейские армии, с учетом численности иностранных войск. К началу 1919 г. Красная армия насчитывала 1 млн. 630 тысяч, к концу этого года - 3 млн., а на 1 ноября 1920 г. - даже 5,5 млн. человек - в несколько раз больше, чем у белых и интервентов. Она обладала большим количеством орудий, пулеметов, одним словом, имела превосходство в живой силе и огневой мощи. Даже по уровню использования старых военных специалистов советы преуспели, вобрали около 40 процентов генералов и офицеров. В массе своей их мобилизовали, заставили воевать на своей стороне большевистским методом - под угрозой расстрела членов семей, превращенных в заложников. И, наконец, укажем на то, что правительства белых, каждое из них, включая правительство А.В. Колчака, в деле мобилизации людских и материальных ресурсов не решились перейти определенный рубеж отношений с населением, как это делали большевики: применять массовые расстрелы против уклоняющихся от мобилизаций и дезертиров, создавать казарменные условия на предприятиях, повальными контрибуциями, обысками и репрессиями изымать у зажиточных слоев населения ценности, посредством вооруженного похода продовольственных отрядов и регулярных войск поголовно грабить крестьян, изымать у них так называемые излишки, а чаще всего все запасы хлеба при беспощадном подавлении сопротивляющихся. Войска белых испытывали большие затруднения с продо-

Православная церковь во имя Успенья Пресвятой Богородицы в Сен-Женевьев-дю-Буа, близ Парижа, на русском кладбище, где похоронены многие сподвижники А.В. Колчака по белому движению и русские эмигранты.

вольствием, а между тем у крестьян его там было еще довольно много. Когда красные победоносно врываются на Юг, на Украину, в Поволжье, на Урал, в Сибирь, то обнаруживали для себя огромные источники изъятия продуктов питания, товаров и других ценностей.

Как видим, белые проигрывали красным по многим параметрам военного, политического, идеологического, организационного, военно-технического характера и др. Практически все отмеченное относилось, как частное к общему, и к региону Колчака часто в большей мере, чем к другим. В частности, у него крайне мало было кадровых опытных офицеров, преобладали офицеры военного времени, по поводу низкого качества которых, анализируя опыт мировой войны, он сам ранее так сокрушался.

Разумеется, были помимо отмеченных и иные причинно-следственные моменты, объясняющие катастрофу войск и всего режима Колчака. Но, во-первых, они носили относительно частный характер, во-вторых, о наиболее значительных из них так или иначе сказано в биографическом очерке. В сложившейся исторической обстановке в стране, в том числе в ее восточных районах, в тогдашнем состоянии умонастроений россиян, гигантском всплеске нетерпимости и разрушительности, появлении на исторической арене Ленина и его партии белое движение в целом, благородные порывы и усилия такой личности, как А.В. Колчак, думается, было обречено, практически обречено. Трагедия Колчака - трагедия всего нашего многострадального народа. Она продолжалась десятилетиями, к великому сожалению, продолжается и теперь. И во многом с теми же симптомами.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

Для знакомства с жизнью и деятельностью исторической личности читателю, не столь взыскательному и склонному к затрате минимального времени, достаточно прочтения более или менее объективно исполненной биографической статьи, очерка, брошюры, книги. Но решительно в каждой из таких публикаций заложена хотя бы толика недостатков. Она может проистекать от авторской субъективности, полноты овладения суммой источников, наконец, меры компетентности автора. Для советских биографов, будь то историк, иной ученый, писатель, публицист, до недавнего времени был “нормированный”, то есть “марксистско-ленинский”, классово-пролетарский подход к освещению и оценке деятельности исторического или иного деятеля, будь он хоть химиком или даже астрономом.

Вот почему читателю важно знакомиться с источниками, разного рода документами и материалами самому с тем, чтобы составить самостоятельное суждение об интересующем его лице. Если круг этих документальных источников достаточно широк, хотя и не исчерпывающ, отражает разные этапы и стороны жизни данного лица, не упускает как положительные, так и отрицательные черты, особые заслуги, достижения или, наоборот, недостатки, ошибки личности, то знакомство с ним будет более достоверным, обстоятельным и полным. Сложится свое выработанное видение. Читателю удастся узнать, хотя бы в основных чертах уловить правду бытия об исторической личности и объективно судить о нем. Вполне возможно, что оно не совпадет с мнением и суждениями автора данных строк, который не застрахован от ошибок, субъективности.

До сего времени об А.В. Колчаке не написано научно-биографического труда, о чем уже было сказано. Но ему не посвящено и сборников документов, охватывающих если не все, то хотя бы основные этапы жизни и деятельности, о чем также приходится сожалеть. И то, что в разных изданиях из документов помещалось, чаще было предназначено для охаивания этого деятеля и отвержения от него читателя. Правда, в самое последнее время на страницах печати стали появляться материалы - позитивные свидетельства о Колчаке, но их пока еще очень мало. Отсутствием научной или научно-популярной биографии и вместе с тем сборника документов о жизни и деятельности А.В. Колчака и обусловлено такое издание, как эта книга. В ней автор, и он же составитель и комментатор в научно-популярном виде осветил биографию, затем представляет раздел документов и материалов с краткими примечаниями и комментариями к ним.

Документы и материалы выявлялись на протяжении длительного времени, главным образом в архивохранилищах, условия работы в которых по разным причинам и до настоящего времени крайне неблагоприятны. Наряду с традиционным запретительством, там царят и нерадивость сотрудников, и массовое снятие многих дел с полок хранения (якобы для реставрации, которая из-за отсутствия средств не производится), и прочие недостатки архивной службы страны. Этим кратким отступлением как историк хотел бы обратить внимание на наши профессиональные беды и издержки в поисковой работе.

Вместе с тем делались извлечения из зарубежных и советских, главным образом ранних, археографических изданий, в которых помещались материалы, посвященные деятельности Колчака целиком или отчасти, и которые, как правило, находились в спецхранах. В решении поставленной задачи нельзя было обойтись без обращения к воспоминаниям как опубликованным, так и не публиковавшимся, к периодической печати - белогвардейской, советской и зарубежной, в

основном эмигрантской. Изучая и обрабатывая материалы, я старался не игнорировать ни те, в которых Колчак предстает в положительном свете, ни те, где ему даны двойственные или отрицательные оценки. Оговорюсь лишь, что материалов советско-коммунистического происхождения дается немного: во-первых, потому, что они носят заданно-субъективный, даже клеветнический характер, во-вторых, ввиду отсутствия в них, как правило, конкретных сведений о Колчаке лично, в-третьих, их обилием в советских изданиях, а потому - доступных для всякого нуждающегося в ознакомлении с ними.

Необходимо специально оговориться, что я не включил в книгу такой важный документ, как "Допрос Колчака" (кроме отдельных выдержек), поскольку он занимает до 14 печатных листов, т.е. целый том и опубликован уже в нескольких изданиях, которые указаны в историографическом разделе. К тому же многие данные из протоколов допроса использованы в биографической части книги. Следует ждать публикаций и подлинной его стенограммы.

Весь корпус документов и материалов, которые пронумерованы (всего 191), распределен по разделам (всего 21), с предпосланными заголовками, что создает удобство для знакомства с их содержанием.

Я сгруппировал документы и материалы по разделам в основном по хронологическому принципу. В них, как правило, отражается тот или иной жизненный этап Колчака с креном на наиболее существенные направления деятельности или эпизоды из его жизни. Некоторое исключение составили разделы, посвященные времени, когда А.В. Колчак стал Верховным правителем и одновременно Верховным главнокомандующим Вооруженными силами России, когда его деятельность была чрезвычайно разнообразной. Здесь "Документы и материалы" распределены в основном уже в проблемно-хронологическом порядке*.

В соответствии с общепринятыми нормами издания исторических документов, каждому из них предпосылается краткий заголовок, схватывающий его суть и призванный помочь читателю изучать и воспринять его. Для экономии "бумажного пространства" даты издания документа даются в тексте его заголовка. При отсутствии таковых в документе датирование производится по его содержанию. Исходящие номера документов даются там же и лишь в случаях их особой важности. Под документами и материалами указывается источник. Есть случаи, когда ссылка делается на два источника - архивный и какое-либо издание. Это означает, что составитель воспроизводит документ полнее или точнее, чем предшественники. В первом случае название архива дается полностью (в примечании - и его новое наименование), в последующих - в сокращенном виде. То же относится к наименованию и выходным данным сборников и книг. Из экономии объема характеристики документа, вроде "Подлинник", "Копия", "Копия с копии", "отпуск" и т.д. не даются. Отмечу, что в книге есть те, другие и третьи. Достоверность документов тщательно проверена и несомненна.

Документы и материалы даются и в полном объеме, и с сокращениями, в извлечениях. Последний вариант позволяет довести до читателя наибольшее количество документов, непосредственно относящихся к личности Колчака и его деятельности. Места сокращений обозначены в тексте отточиями.

Поскольку тексты документов составлялись в разное время, до Октября и позднее, все они даны в соответствии с принятой ныне орфографией. Документы, относящиеся ко времени до 1 февраля 1918 г., датируются по старому, а

* Поскольку первая, биографическая, часть книги в основном базируется на публикуемой массе документов, то ссылок (научного аппарата) в ней не дается.

остальные - по новому стилю. В отдельных моментах, если документы иностранного происхождения, дается двойная дата.

В некоторых случаях, если это не влияет на смысл текста, в него внесены стилистические исправления. Если без ущерба для смысла, содержания такие сделать было невозможно, в подстрочных примечаниях на этот счет даны указания.

Недописанные слова или пропущенные предлоги дописаны без особых отметок (если они имеют двойной смысл, тогда дописанная их часть заключена в квадратные скобки). Составитель в отдельных случаях вставил и целые пропущенные слова. Они также заключены в квадратные скобки.

Как и во вводной части книги, в археографической примечания даны в подстрочиях с отсылкой к ним звездочками. Комментарии же даны в соответствующем приложении и обозначены сносками - арабскими цифрами со своей нумерацией по введению и каждой из четырех частей.

Помимо комментариев, в конце книги даны приложения: "Перечень публикуемых документов и материалов", "Перечень фотоиллюстраций и схем", "Именной указатель" и "Указатель географических названий". Иллюстрации подобраны и схемы составлены автором. Во всех приложениях даются указания на страницы, где идет речь о тех или иных лицах, событиях, помещены документы, фотоиллюстрации и схемы.

Монография выходит в 5 выпусках: 1-я и 3-я части - отдельными выпусками (1-м и 5-м), а 2-я наиболее емкая - в трех (2-й, 3-й, 4-й). Нумерация дается двойная: в каждом выпуске и особая, отдельная (в скобках) общая, для всей монографии. Это делает удобным обращение к комментариям и приложениям, включенными в последний, 5-й выпуск.

И.Ф. ПЛОТНИКОВ родился в 1925 г. Заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор Уральского госуниверситета (г. Екатеринбург). Участник Великой Отечественной войны.

С 50-х годов ведет научно-исследовательскую работу, главным образом по проблемам истории гражданской войны, противоборства красных и белых, подполья и повстанческо-партизанского движения в тылу их войск. Изучил документы и материалы 60 архивохранилищ Москвы, Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока России и Казахстана, другие источники.

Автор 500 работ, включая 12 монографий, в том числе: “Десять тысяч героев” (М.1967); “Героическое подполье” (М.1968); “В тылу врага” (Уфа, 1971); “В белогвардейском тылу” (Свердловск, 1972); “Героическая эпопея Уральской партизанской армии Блюхера” (Уфа, 1986); “Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск. Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦРКП(б) в 1918-1920” (Свердловск, 1989); “Средний Урал в годы гражданской войны (1918-1920)” (Свердловск, 1990); “Смута” (Уфа, 1994), со-автор ряда других монографических изданий.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1. АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК (опыт биографии)

1. А.В. Колчак - фигура историческая, масштабная	5
2. Жизнь и деятельность А.В. Колчака в исторической литературе	6
3. От путешествий и полярных исследований - к участию в войне с Японией	15
4. Между двумя войнами; в борьбе за возрождение флота, совершенствование системы управления	32
5. В мировой войне. Командующий флотом	42
6. Февральская революция. Непосильная борьба за спасение и сохранение боеспособности флота	54
7. Во главе военно-морской миссии. Зарубежье	72
8. На пороге России	82
9. Ехал на российский Юг - оказался омским министром	89
10. Военный переворот. Приход к Верховной власти	94
11. Верховный правитель. Признание белой Россией	99
12. Выдающиеся успехи и тяжелые неудачи	111
13. На краю пропасти	136
14. Катастрофа и ее причины	142
К характеристике документов и материалов	158

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В последующих номерах нашего альманаха мы продолжаем публиковать книгу екатеринбургского ученого, профессора И.Ф. Плотникова “А.В.КОЛЧАК”.

История как наука всегда должна быть объективна. С этих позиций значительность исторической личности Александра Васильевича Колчака приобретает особый масштаб на фоне драматической летописи российского государства. Выдающийся флотоводец, полярный путешественник, ученый и политический деятель стал одним из тех, кто разделил трагедию своего Отечества. В книге впервые отражена полная и объективная биография Колчака: Здесь вы познакомитесь с уникальными архивными документами, редкими фотографиями и схемами. Издатели альманаха уверены, что многое о Колчаке и, так называемой, колчаковщине наши читатели узнают впервые и смогут сделать свои собственные выводы.

*Если наш альманах заинтересовал Вас, просим
обращаться по адресу: РОССИЯ. 620135 г. Екате-
ринбург, ул. Фрезеровщиков, 30а.*

Тел. (3432) 35-25-27

35-93-79

**Издательская координационная группа
“НЕСТОР”**

**при кафедре истории Санкт-Петербургского
государственного
технического университета:**

приглашает к участию в заочных научных конференциях по вопросам истории России (объем тезисов - 3 стр. машинописного текста через 1,5 интервала; сноски - в конце; текст и сведения об авторе - в одном экз.);

принимает авторские материалы (0,5-1,5 п.л.) для публикации в начинаемом издаваться альманахе “История России: новые идеи, новые подходы”;

осуществляет выпуск малым тиражом монографий по самым низким в России ценам (срок издания 3-4 мес.).

Адрес для писем:

*195251 г. Санкт-Петербург-251. До востребования,
Полтораку Сергею Николаевичу
тел. (812) 552-62-81*

БЕЛАЯ АРМИЯ. БЕЛОЕ ДЕЛО.
Исторический научно-популярный альманах №2.

Ответственный за выпуск **Швецов В.И.**
Художественно-технический редактор **Сакнынь Ю.П.**
Фотограф **Подкидышев Ю.Т.**
Корректор **Леонова Н.Г.**

Сдано в набор 22/IV-1996 г. Подписано в печать 18/VI-1996 г. Формат бум. 70x108¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Журнальная. Печать офсетная. Усл. печ. листов 14,4. Усл. кр-отт. 14,4. Тираж 1000 экз. Изд. лицензия № 040693 от 8.12.94 г. Заказ № 1572. Цена договорная.

**Асбестовская типография. 624060,
Асбест, Свердловской обл., ул. Садовая, 5.**

